

Майк Дэвис Кто построит ковчег?

Свободное
марксистское
издательство

Москва, 2017

перевод

Дмитрий Райдер

Никита М.

Егор Мулеев

Артем Смирнов

Никита Миронов

Александр Коземаслов

идея обложки и верстки серии

Александра Новоженова

редактура

Кирилл Медведев,

Елена Пасынкова

Майк Дэвис (1946) — американский ученый, политический активист, автор книг «Экология страха», «Город из кварца», «Планета трущоб» и др., представляющих непревзойденный критический анализ влияния капитализма на городскую и природную среду. Один из немногих урбанистов, имеющих признание за пределами академических кругов. Тем, кто изучает марксизм, но устал от абстрактных теоретических схем, и тем, кто сомневается в применимости марксистского наследия для современной урбанистики, Майк Дэвис показывает, как классовая теория может жить на улицах самых brutальных капиталистических городов. Первый на русском языке сборник Дэвиса включает несколько принципиальных текстов, обзор его основных работ и концепций, а также программное интервью.

серия**Марксизм в наши времена****Сайт Свободного
марксистского
издательства**

fmbooks.wordpress.com

Дон Макнейл

**Майк Дэвис. Биографические заметки
и теоретический контекст**

Майк Дэвис – один из немногих урбанистов, имеющих признание за пределами академических кругов. Его работы – непревзойденный критический анализ влияния капитализма на городскую и природную среду. Он заслужил себе репутацию за счет внушительного объема публикаций об американских городах – «Город из кварца» 1990 года, «Экология страха» 1998 года, «Магический урбанизм» 2000 года, которые фокусируются на конфликтной эволюции Лос-Анджелеса в XX веке. При этом Майк Дэвис – урбанист с глубоким пониманием радикальной социальной теории, чьи работы погружают в глубину политического момента. Во многом это происходит благодаря особому формату изложения – в большинстве случаев его книги состоят из небольших, но ёмких заметок.

Майк родился в 1946 году в городе Фонтана, штат Калифорния. Он успел поработать на мясокомбинате, водителем в компании по перевозке грузов, менеджером в книжном магазине Коммунистической партии в Лос-Анджелесе. Дэвис был участником организации «Студенты за демократическое общество»*. Однако его формальная академическая карьера началась в начале 1970-х годов: интерес к Северной Ирландии привел Дэвиса в Великобританию, где он изучал историю в Университете Эдинбурга и исследовал ирландский национализм в Белфасте. В первой половине 1980-х годов Дэвис работает на полной ставке в *New Left Review*, на страницах которого публикует несколько своих эссе. Его первая книга «Заложники американской мечты» – пессимистический, но подробный теоретический анализ рабочего класса США – была опубликована в 1986 году, однако быстро попала в тень «Города из кварца». В начале 2000-х годов, когда

* SDS – американские новые левые, расцвет деятельности которых пришелся на 60-е годы. (Здесь и далее – прим. перев.)

выходят книги «Поздний викторианский холокост» и «Мертвые города», Майк Дэвис признаётся одним из самых спорных, но и самых неординарных урбанистов в истории социальной науки.

Это связано с особым качеством его работ, но в тоже время с некоторой агрессивностью повествования. Политический и академический контекст оказался для него более чем благоприятным по двум причинам. Во-первых, дело в особом положении Голливуда, отличительные черты которого в виде автомобильной культуры и этнического разнообразия, были знакомы всему миру. Лос-Анджелес в 1980-1990 рассматривался как своего рода парадигма, сценарий будущего развития для всех городов на ближайшие десятилетия, который может и должен быть изучен. Так Дэвис оказывается бок о бок с т.н. называемой «лос-анджелесской школой» (LA School), в компании ученых вроде Майкла Диара, Эда Сойи и Аллена Скотта, которые разрабатывали влиятельные теории постфордистского и постмодернистского толка, во многом под влиянием меняющейся среды Лос-Анджелеса. Во-вторых, публикация «Города из кварца» появилась на 2 года раньше знаменитого лос-анджелесского бунта 1992 года, разразившегося в результате оправдания полицейских в суде по делу избиения чернокожего Родни Кинга. Ученым, журналистам и политикам, желавшим разобраться в ситуации, дэвисовский доскональный анализ банд, элит, захватывающих земли, систем слежения и политизированных консерваторов – владельцев особняков дал возможность увидеть контекст, в котором созревало восстание.

К 2000 году Дэвис существенно расширяет географический охват своего анализа, демонстрируя на самых разнообразных примерах влияние неравномерного развития на условия городской жизни. Все сильнее увлеченность автора полярно противоположными проявлениями современного урбанизма, что особенно заметно на примере блестящего анализа социального неравенства в Дубае (выходит несколько работ, посвященных этому «дьявольскому раю»). В «Планете трущоб» (2006) Дэвис выступает с жесткой критикой как условий жизни в трущобах по

всему миру, так и политики властей, сосредоточенной на «прибыльной» городской среде. Работа была благосклонно воспринята либеральной прессой, однако встретила серьезную критику со стороны академических кругов. Книга «Монстр у наших дверей» (2005) – актуальный урбанистический анализ угрозы глобальной эпидемии гриппа. Особенно подчеркиваются скверные жилищные условия, которые и обеспечивают обмен инфекциями между животными и людьми. В книге «Повозка Буды: краткая история автомобилей-бомб» (2007) Дэвис предлагает столь же боевую «альтернативную историю» городского терроризма.

Академическая карьера Дэвиса складывается с переменным успехом, преподавателем он становится относительно поздно. Получение им в 1998 году гранта фонда Макартуров отчасти нейтрализовало консервативные выпады в сторону его наиболее спорных текстов. Став университетским работником, он продолжает сочетать радикальные послания своих книг с политически ангажированными полевыми исследованиями. Сейчас его тексты говорят сами за себя: Майк Дэвис является автором наиболее влиятельных, вдохновляющих и провокативных исследований урбанистической политики в крупнейших городах мира.

Если попытаться навесить на Дэвиса какой-то ярлык, наверное, его можно было бы назвать социальным историком, хотя понятно, что влияние нашего автора на урбанизм шире. От городского планирования к антропологии, от истории к архитектурной критике, Дэвис открывает возможность рассматривать город как пространство политической борьбы, происходящей в конкретном месте, но встроенной в процессы современного капитализма. И именно содержание критики, а не ее дисциплинарная принадлежность в первую очередь характеризует его работу. Несмотря на то, что Майк Дэвис известен, прежде всего, своей работой с эмпирическими данными, его исследования города всегда имеют серьезный теоретический фундамент.

В интервью Адаму Шатцу Дэвис упомянул, что «Город из кварца» представляет собой объединение трех разных перспектив:

«У меня была мечта, что Вальтер Беньямин наконец-то посетит Лос-Анджелес и встретится в баре с Фернаном Броделем и Фридрихом Энгельсом. Они решат, что неплохо было бы написать книгу о Лос-Анджелесе, состоящую из трех частей. Беньямин займется описанием всех сложных и очевидных проявлений власти и памяти. Бродель изучит естественную историю этого города, большие мироисторические силы, которые породили его. Ну а Энгельс возьмет на себя лос-анджелесский рабочий класс».

Указанные три темы – ярко выраженное классовое сознание, акцент на том, каким образом исторические процессы влияют на повседневную жизнь, и рассмотрение на человеческом, даже индивидуальном уровне того, как капитализм влияет на жизнь лос-анджелесцев – являются фундаментальными для понимания мировоззрения автора. Подобный метод, который соединяет дотошное изучение архивов (преимущественно газетных статей) с едкой наблюдательностью, открыл новые возможности для радикальных географов, скованных на тот момент структуралистской эстетикой, доминировавшей в урбанистической теории.

Такое разнообразие инструментов позволило Дэвису рассматривать проблемы, зачастую выходящие из поля зрения политической экономии, при этом не исключая роль последней в формировании ландшафта повседневной жизни. «Город из кварца» – развернутое и многоуровневое рассмотрение власти элиты, выражающейся в бустеристских*, в духе нуар-литературы описаниях историков и писателей, изучавших город, в роли католической церкви, в политическом влиянии пригородных домовладельцев. В «Экологии страха» Дэвис противопоставляет «горячие географии» элитных районов Малибу и городского центра, где живет рабочий класс. Автор исследует «художественное разрушение Лос-Анджелеса» через беллетристику и фильмы-катастрофы. Кроме того, Дэвис выносит пугающее предупреждение о

* Бустеризм – продвижение стратегии быстрого развития города любой ценой. (Прим. ред.)

неизбежной мести со стороны природы, поскольку город разрастается за счет постоянного наступления на окружающую среду.

В «Мёртвых городах» автор открывает глаза будущим городским географам: «Крупнейшие города, которые оставляют свой отпечаток не только на местности, но и в глобальном масштабе, – это самый драматичный итог, причем не только в смысле культурной эволюции человека в период голоцена. Очевидно, что они должны быть предметом самых актуальных и всеохватывающих научных исследований. Но увы. Человечество знает больше об экологии тропического леса, чем об экологии города... Потребность в масштабных концептуальных схемах для изучения диалектики города и природы, является, пожалуй, самой насущной».

Подобная исследовательская проблематика вкуче с мрачными прогнозами по поводу будущего городов Южной Калифорнии вызывает ассоциации с Ветхим Заветом, где Иеремией предрекается падение Иерусалима. Некоторые левые считают, что дэвисовский пессимизм по поводу судьбы Лос-Анджелеса оказывает слишком деморализующее влияние. В книге «Метромарксизм» Энди Меррифилд утверждает: «Марксист Дэвис описывает урбанизм, в котором недостаточно публичных пространств и отрицается какая-либо роль коллективного опыта. Подобный марксистский урбанизм выражает презрение к собственному городу, пусть и из лучших побуждений». В отличие от Маршалла Бермана с его эксцентричными излияниями, явно вскормленного культурным влиянием Нью-Йорка, Энди Меррифилд обнаруживает в работах Майка Дэвиса «подтекст меланхолии и обреченности».

Впрочем, подобные выпады вряд ли справедливы. Именно благодаря способности Дэвиса осмысливать процессы расползания* Лос-Анджелеса – далекие от цельной морфологии Парижа, воспетого «метромарксистами» Меррифилда (в числе которых

* «Расползание городов» – пожалуй, устоявшийся перевод термина *urban sprawl* на русский язык. Означает, в самом широком смысле, непрекращающуюся урбанизацию, спланированное увеличение территории города. Отчасти является выражением «американской мечты» в глобальном масштабе – отдельный дом для всей семьи.

Вальтер Беньямин, Ги Дебор, Дэвид Харви, Анри Лефевр и Мануэль Кастельс), – его работы стали настолько влиятельными. То, то Меррифилд называет «диалектикой метрополиса», находит свое выражение только в работах Дэвиса, который как раз и обнаружил едва различимую связь между набором разнообразных законов и правил в расползающемся мегалополисе.

Если Дэвис известен скорее работой с эмпирическими данными, чем с теоретическим осмыслением пространства и места, то какие же его достижения оказались наиболее влиятельными? Выделим следующие моменты: во-первых, непревзойденную способность политического анализа одновременно города и природы, категорий, которые зачастую трактуются изолированно или даже противопоставляются друг другу; во-вторых, сильный акцент на классовой политике в противовес «культурному повороту» структуралистского марксизма; в-третьих, его работа над понятиями «города-крепости» и «города-карцера»; в-четвертых, разработка метода, который можно назвать «активистским письмом» – в том смысле, что подход Дэвиса дал возможность политизировать теорию, а также понять и персонализировать те крупные силы, которые формируют современный город.

Особый интерес Дэвиса к природе, бесспорный, хотя и не всем вполне заметный в «Городе из кварца», в «Экологии страха» и «Мертвых городах» начинает играть явно центральную роль, отражая растущий интерес к «шоковой природе». В «Экологии страха» автор утверждает, что урбанизация разрушает региональную экосистему, провоцируя землетрясения, пожары и засуху. Более того, Дэвис обнаруживает все больший интерес к т.н. неокатастрофизму, согласно которому неожиданные природные явления имеют серьезные последствия как для социальной, так и для естественной истории.

На этом этапе его карьеры обнаруживается влияние Фернана Броделя (1902–85), известного французского историка, который подчеркивал важность долгосрочных изменений климата и технологий для исторического развития. Призрак глобальных

эпидемий, вызванных урбанизацией, который подробно рассматривается в «Монстре у наших дверей», несомненно, уже явился, и анализ – скорее эпидемиологический, чем социальный и политический, – сопровождавший публичные дискуссии во время птичьего и свиного гриппа, явно доказал значимость изысканий Дэвиса.

Что касается классовой тематики его работ, наиболее болезненно было воспринята резкая характеристика Лос-Анджелеса как «милитаризированного пространства». В «Крепости ЛА» (четвертая глава «Города из кварца») Дэвис выделяет восемь трендов в продолжающемся процессе уничтожения публичного пространства Лос-Анджелеса, в полной мере задействуя здесь свою едкую критику. В серии коротких виньеток он утверждает, что «в городах вроде Лос-Анджелеса, находящихся на темной стороне постмодернити, наблюдается беспрецедентная тенденция слияния городского дизайна, архитектуры и полицейского аппарата в единую, целостную систему безопасности». Некоторые из его злодеев вполне предсказуемы. Департамент полиции Лос-Анджелеса он представляет как «пространственную полицию», соединяющую военно-воздушные силы (вертолеты) с коммуникационными системами, заимствованными из калифорнийской военной аэрокосмической индустрии. Другие менее предсказуемы. Торговые центры Александра Хаагена в центре города, армии охранников для защиты бурно развивающихся закрытых микрорайонов, дизайнеры, проектирующие закруженные «противосонные» лавки, дабы отвадить бездомных; а также знаменитый архитектор Фрэнк Гери, прозванный «Грязным Хэрри» за его провокационную «бейрутизированную» библиотеку Голдвина – все это теперь известные составляющие «пространств страха» в Лос-Анджелесе.

Подобное видение, которые многие считают чересчур мрачным, получает свое логическое развитие в заключительной главе «Перед бегущим по лезвию» в книге «Экология страха». Дэвис предлагает оригинальное обновление знаменитой

работы представителя Чикагской школы Эрнста Берджесса о т.н. «концентрических кругах» как архетипической структуре североамериканского города. «Мое перекартирование относит Берджесса назад в будущее. Оно сохраняет такие «экологические» детерминанты, как доход, стоимость земли, класс и национальность, но добавляет новый решающий фактор: страх». Диаграмма Дэвиса показывает Лос-Анджелес как раздробленный город, опоясанный «гулагом» приватизированных тюрем, с богатыми пригородами, связанными с городами-спутниками, с пестрым разнообразием внутренних колец, в которых живут недоверчивые «голубые воротнички», с зонами, населенными бездомными, со свободными от наркотиков и преступности парками, порядок в которых контролируется государством, наконец, со «сканшафтом» (scanscape) городского центра с изощренной системой наблюдения, противопоставляемым ландшафту. В этих двух, несомненно самых цитируемых частях работы о ЛА, Дэвис, показывает реалистичную картину города, разделенного на части событиями 1992 года.

В-третьих, Дэвис убежденно отстаивает важность классовой политики и эксплуатации труда, в то время как для географов имеют значение другие аналитические перспективы. Его интерес к этничности спровоцирован в основном позицией латиноамериканцев или афроамериканцев в иерархии рынка труда; анализ драматического контраста между Малибу и центром Лос-Анджелеса в том, что касается работы пожарной службы и полиции выводит на проблему жилищных условий и политического влияния; рассмотрение криминальной культуры связано с Черными пантерами и «революционным люмпен-пролетариатом», раздробленным междоусобной борьбой за контроль над территорией для распространения наркотиков. Впрочем, в своих последних работах Дэвис выходит за рамки урбанистической тематики и изучает вопросы классовой эксплуатации в более широком масштабе. В «Поздневикторианском холокосте» он утверждает что засуха и голод, вызвавшие массовую гибель жителей Индии, Бразилии и Китая

в последней четверти XIX столетия, были усилены агрессивным империалистическим давлением капиталистов на крестьянство (голод в Индии, к примеру, разразился несмотря на необычайно крупный урожай зерна). Это стало жестоким обвинением империализма, виновного в появлении современного «третьего мира».

Подобное понимание хорошо сочетается с дэвисовским мрачным тезисом о «диалектике защищенности и демоничности в городских пространствах». Резюмируется эта позиция в серии эссе, посвященных Дубаю, в которых заметна двойственность, характерная для многих работ Дэвиса. С одной стороны, они демонстрируют ясную и глубокую критику экономического, социального и политического неравенства, которое выражается в небоскребах, искусственных островах и торговых центрах Эмиратов. С другой, Дэвис повторяет свои стандартные обвинения, весьма распространенные в последнее время, во многом опираясь на вторичные источники и на карикатуру – чтобы убедить читателя в своей правоте.

В результате подобная версия глобального капитализма с его поляризации между классом супербогачей, которые формируют для себя защищенное городское пространство, и классом маргинализованного населения трущоб со слабым контролем за окружающей средой и собственными условиями жизни, критикуется с нескольких позиций. Некоторые критики слева утверждают, что «Планета трущоб» излишне апокалиптична, поскольку жители трущоб изображены в ней как деполитизированная однородная масса, лишенная политического представительства. Анготти жестко критикует книгу, полную «обвинений и морального гнева вместо серьезного анализа», построенную на разнообразных дезурбанистических** предубеждениях и упрощенных противопоставлениях, касающихся жителей трущоб. Более того, критики утверждают, что использование Дэвисом слова «тру-

* Учитывая достижения отечественного авангарда, вероятно, можно использовать термин дезурбанизм, а не анти-урбанизм (anti-urbanism), используемый в оригинале.

щоба» в качестве термина само по себе имеет расовый оттенок, что он излишне полагается на данные Мирового банка, а также злоупотребляет апокалиптическими тонами, которыми отмечены (или испорчены) его работы о Лос-Анджелесе.

Здесь мы подходим к четвертому достижению Дэвиса: характерному стилю письма, по мнению некоторых, все более тенденциозному, но уже породившему множество последователей. Стиль этот во многом восходит к традиции т.н. нуар-литературы о городе, в которой мрачные реалии политической жизни спрятаны от повседневного взгляда и доступны только закаленным и бесстрашным детективам. Тексты Дэвиса о Лос-Анджелесе – это сознательное противостояние бустеристской риторике приверженцев ортодоксального подхода к изучению истории Лос-Анджелеса, которой придерживается, к примеру, Кевин Старр. Вступительная глава в «Городе из кварца» – герменевтический ключ к пониманию всей книги – называется «Свет или нуар?». Дэвис диалектически противопоставляет рекламные мифы о добрых застройщиках, политиках, которые несут процветание, и картину города, построенного на эксплуатации труда и окружающей среды. На этом он и базирует свое повествование, что прекрасно иллюстрирует следующая цитата: «Добро пожаловать в постлиберальный Лос-Анджелес, где защита роскошного образа жизни приводит к новым репрессиям против пространства и свободного передвижения, опирающимся на повсеместный “вооруженный ответ”». Одержимость физическими системами безопасности вкпе с архитектурным оформлением социальных границ превратились в *zeitgeist* городской реконструкции, основным нарративом в разрастающейся застройке образца 1990-х. Голливудские поп-апокалипсисы вместе с популярной фантастикой оказались куда более реалистичными и политически чувствительными, нежели современная городская теория, в описании планового ужесточения городского пространства на заре эпохи Рейгана».

Подобный стиль, который Джеймс Дункан называет «трагическим/марксистским» письмом, можно обвинить в излишней заданности повествования и политической безапелляционности. И хотя критика самого Дункана, кажется, не лишена тех пороков, которые он обнаруживает в дэвисовском подходе, его замечания по поводу «Городов из кварца» имеют некоторый смысл: «Очевидно, что Дэвис говорит от лица беднейших слоев общества. Их самих мы, впрочем, не слышим. По сути, единственные люди, которые выступают помимо Дэвиса, это те, кого он выставляет перед нами с изрядно отредактированными «признаниями», а потом уводит под раскатистое «виновен». Читателям, которые выступают своего рода присяжными, остается лишь грустно покачивать головами, слыша подобные признания. Но очевидно, что если бы этих людей нельзя было обвинить, они не были бы приглашены для высказывания. Это формат показательного суда. Благодаря столь жесткой повествовательной структуре можно добиться иллюзорной связности сюжета, но с ее помощью едва ли возможен «эффект реальности» – для него необходима большая открытость свидетельствам во всей их противоречивости».

Мнение, что в письме Дэвиса есть большая мощь и одновременно некоторая тенденциозность, разделяют и его сторонники, и оппоненты. Но как студентам, изучающим марксизм и уставшим от абстрактных теоретических схем, так и левым, сомневающимся в применимости марксистского наследия для современного города, Дэвис показывает, что теория может жить на улицах одного из самых brutальных капиталистических городов и прояснять самые разнообразные явления, вроде бандитских разборок, городского католицизма, уличного оборудования и местных мифов.

Влияние Дэвиса на географию и городские исследования еще предстоит осмыслить в полной мере. Есть вероятность, что его текущий теоретический курс – с особым акцентом на радикальной городской экологии – не будет принят ни в одном из лагерей истеблишмента. Его работы с эмпирическими данными продол-

жат мотивировать и информировать большое количество людей, а интеллектуальная креативность и оригинальность должны спровоцировать новый виток интереса к городской географии, которая зачастую недооценивает политическую сторону явлений. В конце концов, возможно, самая большая заслуга Дэвиса – яркость его текстов, обращающихся к тем академикам и активистам, которые считают традиционную теорию слишком тяжелой или слишком инертной, чтобы выражать современную городскую жизнь во всей ее политической непосредственности.

Дональд МакНейлл – профессор Университета Западного Сиднея. Текст из книги *Key Thinkers on Space and Place, 2nd Edition* edited by Phil Hubbard and Rob Kitchin (eds), Sage, London, UK, 2011.

Основные работы Майка Дэвиса

Davis, M. (1986) *Prisoners of the American Dream: Politics and Economy in the History of the US Working Class*. London: Verso. Davis, M. (1990)

Davis, M. (1990) *City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles*. London: Verso.

Davis, M. (1998) *Ecology of Fear: Los Angeles and the Imagination of Disaster*. New York: Metropolitan Books.

Davis, M. (2000) *Magical Urbanism: Latinos Reinvent the American City*. London: Verso.

Davis, M. (2001) *Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World*. London: Verso.

Davis, M. (2002) *Dead Cities and other Tales*. London: Verso.

Davis, M. (2005) *The Monster at Our Door: The Global Threat of Avian Flu*. New York: New Press.

Davis, M. (2006a) 'Fear and money in Dubai', *New Left Review*, 41: 47–68.

Davis, M. (2006b) *Planet of Slums*. London: Verso.

Davis, M. (2007) *Buda's Wagon: A Brief History of the Car Bomb*. London: Verso.

Davis, M. and Monk, D.B. (eds) (2007) *Evil Paradises: Dreamworlds of Neoliberalism*. The New Press: New York.

Список литературы

Angotti, T. (2006) 'Apocalyptic anti-urbanism: Mike Davis and his planet of slums', *International Journal of Urban and Regional Research*, 30 (4): 961–7.

Duncan, J. (1996) 'Me(trope)olis: Or Hayden White among the urbanists', in A.D. King (ed.), *Re-presenting the City: Ethnicity, Capital and Culture in the 21st-century Metropolis*. Basingstoke: MacMillan. pp. 253–68.

Gregory, D. (1994) *Geographical Imaginations*. Cambridge, MA: Blackwell.

MacAdams, L. (1998) 'Jeremiah among the palms: the lives and dark prophecies of Mike Davis', *LA Weekly*, 3 December (www.laweekly.com/ink/99/01/news-macadams.php).

Merrifield, A. (2002) *Metromarxism: A Marxist Tale of the City*. New York: Routledge.

Pithouse, R. (2008) 'Review of M. Davis, *Planet of Slums* ', *Journal of Asian and African Studies* , 43 (5): 567–74.

Schatz, A. (1997) 'The American earthquake: Mike Davis and the politics of disaster', *Lingua Franca* , September (republished on *Radical Urban Theory*, www.rut.com/mdavis/americanearthquake.html).

Starr, K. (1991) *American Dreams: Southern California through the 1920s*. Oxford: Oxford University Press.

Страх и деньги в Дубае

Голос за кадром: «Пока самолёт идет на посадку, ваш взгляд прикован к окну. Сцена внизу поражает: почти 63 квадратных километра архипелага кораллового цвета в форме почти готовой мозаики, изображающей карту мира. В зелёном мелководье между материками ясно различимы контуры пирамид Гизы и римского Колизея.

На некотором расстоянии находятся три другие крупные островные группы, которые образуют пальмы внутри полумесяцев и застроены домами отдыха, парками развлечений, тысячами вилл, стоящими на сваях над водой. «Пальмы» связаны насыпными дорогами с береговой линией, по образцу Майами усеянной мега-отелями, жилыми высотками и яхтенными пристанями.

Когда самолет делает медленный вираж по направлению к пустынному матерiku, у вас захватывает дух от ещё более поразительного зрелища. Из хромированного леса небоскрёбов (около десятка из них выше 300 метров) взмывает новая Вавилонская башня. Размер невероятно высокого здания составляет почти километр: это равно двум небоскрёбам Эмпайр-стэйт-билдинг, поставленным друг на друга.

Вы всё ещё удивлённо протираете глаза, а самолёт уже приземляется, и вас приветствуют в торговом центре аэропорта, где сотни магазинов завлекают туристов сумками «Гуччи», часами «Картье» и килограммовыми слитками твёрдого золота. Вы отмечаете про себя, что надо бы взять немного беспопыльного золота, когда полетите обратно.

Водитель, которого предоставила гостиница, ждёт вас в роллс-ройсе «Силвер Сераф». Друзья рекомендовали отель «Армани» в 160-этажной башне или семизвёздочный отель с вестибюлем настолько огромным, что в нем поместилась бы статуя Свободы, но вместо этого вы решили осуществить мечту детства. Вы ведь всегда хотели быть капитаном Немо из «Двадцати тысяч лье под водой».

А вот и ваш отель в форме медузы на глубине 22-х метров ниже поверхности моря. Каждый из его 220-ти роскошных номеров имеет прозрачные плексигласовые стены, через которые открывается очаровательный вид на проплывающих мимо русалок, а также на знаменитый «подводный фейерверк»: галлюцинанторное зрелище «пузырьков воды, взвихряющегося песка и тщательно выстроенного освещения». Беспокойство по поводу безопасности такого курорта на морском дне, возникшее у вас поначалу, рассеивает улыбающийся консьерж. Он убеждает вас, что здание отеля имеет многоуровневую автоматически регулируемую систему безопасности, которая включает защиту от подводных лодок, направляемых террористами, а также от ракет и самолетов.

Хотя у вас намечены важные деловые встречи с клиентами из Хайдарабада и Тайбэя в свободной экономической зоне «Интернет-Сити», вы прибыли на день раньше, чтобы развлечься в знаменитом парке аттракционов с динозаврами. И вот после успокаивающего ночного сна под водой вы на монорельсовом поезде направляетесь в джунгли Юрского периода. Вы встречаете несколько мирно пасущихся бронтозавров, а вскоре вас атакует злобная стая велоцирапторов. Аниматронные чудовища настолько безупречно реалистичны – ничего удивительного, ведь они были разработаны экспертами из Британского музея естественной истории – что вы визжите от страха и восторга.

Получив заряд адреналина, вы завершаете день захватывающим сноубордингом на здешней крутой трассе. По соседству находится «Молл Аравии», крупнейший в мире торговый центр – культовое место для 5 миллионов неистовых потребителей, слетающихся каждый январь на знаменитый фестиваль шопинга – но вам удастся преодолеть это искушение.

Взамен вы балуете себя в дорогом тайском ресторане со смешанной кухней неподалеку от «Элит Тауерс», который был рекомендован вашим гостиничным водителем. Великолепная русская блондинка в баре пристально смотрит на вас с почти вампирским

голодом во взгляде, и вы задаетесь вопросом, экстравагантен ли местный порок в той же степени, что и шопинг...»

Продолжение «Бегущего по лезвию»?

Добро пожаловать в рай. Но где вы? Это новый научно-фантастическим роман Маргарет Этвуд*, продолжение «Бегущего по лезвию»** или кислотный трип Дональда Трампа?

Нет, это Дубай, город-государство в Персидском заливе, год 2010.

Дубай (население 1,5 млн.) является крупнейшей в мире стройкой после Шанхая (население 15 млн.): растущий мир грёз демонстративного потребления и того, что местные жители прозвали «элитарным образом жизни».

Несмотря на постоянную жару (в 40 °С некоторые особенно крутые гостиницы охлаждают свои бассейны) и существование на краю зоны военных действий, к 2010 г. Дубай собирается принимать в свой элитный часток из шестисот небоскрёбов по 15 миллионов туристов в год, то есть в три раза больше, чем Нью-Йорк. Эмиратские авиалинии заплатили Боингу 37 миллиардов долларов за пассажирские аэробусы, которые будут завозить эту массу туристов в Джебель Али, новый международный аэропорт Дубая [1]. А благодаря смертельной зависимости погибающей планеты от арабской нефти, бывший рыбацкий посёлок и пиратское логово стремительно становится одной из мировых столиц 21-го века. Дубай уже опередил другую оранжерею капиталистического буйства в пустыне – Лас-Вегас – как в зрелищности, так и в потреблении воды и электричества [2].

Десятки необычных мега-проектов – включая «Мир» (искусственный архипелаг в виде карты мира, где Род Стюарт якобы приобрёл остров «Британию»), «Бурдж-Дубай» (самое высокое

* Канадская писательница, автор нескольких антиутопических романов.

** Фильм Р. Скотта по роману Ф.К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», 1982. Оказал сильное влияние на изображение мрачных городских ландшафтов будущего.

здание на Земле), «Гидрополис» (тот самый роскошный отель под водой), парк «Юрского периода» с механическими динозаврами, крытый горнолыжный курорт, постоянно действующий при плавящей жаре, а также «Молл Аравии», огромный торговый комплекс – всё это уже строится, либо стоит в ближайших планах [3].

Семизвёздочная гостиница «Бурдж Аль-Араб», здание, будто выхваченное прямо из декораций фильма про Джеймса Бонда, уже прославилась на весь мир номерами ценой в 5000 долларов за ночь, кругозором в 150 километров и эксклюзивной клиентурой из арабских шейхов, английских рок-звёзд и российских олигархов. А динозавры, по словам финансового директора лондонского Музея естествознания, «заверены печатью в Лондоне и докажут, что образование и науки могут быть весёлыми». И, разумеется, выгодными, ибо «в парк динозавров можно пройти только сквозь торговый центр» [4].

Наивеличайший проект «Дубайленд» – новая ступень в развитии фантастических миров. Этот «аттракцион аттракционов» вдвое больше Диснейленда будет задействовать 300000 работников и принимать по 15 миллионов посетителей в год (каждый из которых будет тратить по 100 долларов ежедневно, не считая проживания). В Дубае, похожем на энциклопедию сюрреализма, имеется сорок пять главных проектов «мирового уровня», в том числе вавилонские «Висячие сады», Тадж-Махал и пирамиды Гизы [5]; а также снежная гора с подвесными дорожками и белыми медведями, центр экстремального спорта, нубийская деревня, курорт эко-туризма, огромный комплекс андалусских бань при санатории, гольф, автодромы, ипподромы, мир фэнтези, крупнейший зоопарк на Ближнем Востоке, несколько новейших пятизвёздочных гостиниц, выставка современного искусства и «Молл Аравии» [6].

При просвещённом деспотизме своего принца и одновременно «генерального директора», 56-летнего шейха Мухаммеда ибн Рашид Аль-Мактума, эмират Дубай стал новой глобальной иконой «имидженерного» урбанизма. У мультимиллиардера «шейха Мо» – как его любовно называют живущие в Дубае экс-

патрианты – есть весьма конкретная, пусть и нескромная цель: «хочу быть человеком номер один» [7]. Шейх коллекционирует породистых скакунов (будучи владельцем крупнейших в мире конюшен) и супер-яхты (первая яхта его флота – «Прожект Платинум» имеет 175 метров в длину, оснащена подводной лодкой и взлётной площадкой), но его основная страсть – коллекционирование небывалых архитектурных сооружений [8]. Похоже, он усвоил культовые «Уроки Лас-Вегаса» Роберта Вентури* так же, как наиболее благочестивые мусульмане помнят Коран. Одним из «выдающихся» достижений шейха, которым он любит удивлять гостей, стало появление в Аравии – земле кочевников и палаток – закрытых загородных посёлков.

Благодаря его бесконечной любви к стали и бетону прибрежная пустыня стала огромной проектной доской для элитных транснациональных проектных фирм и застройщиков, вынесших на нее свои высокотехнологичные комплексы, развлекательные зоны, искусственные острова, «снежные горки», «города в городах» – машины, накаченные архитектурными гормонами и видимые из космоса. Получился не просто гибрид, а химера: плод неразборчивых связей между циклопическими фантазиями Барнума, Эйфеля, Диснея, Спилберга, Жерде, Винна и «Скидмор, Оуингс и Меррилл»**. Хотя эмират часто сравнивают с Лас-Вегасом, Орландо, Гонконгом и Сингапуром, он скорее соединяет в себе и мифологизирует всё, что в них есть: этакая галлюцинозная смесь всего большого, дурного и безобразного.

Такие – фантазмагорические, но типичные – блоки «Лего», конечно, в наши дни можно найти в десятках честолюбивых городов [9], но у шейха Мо есть особый и непреложный критерий: всё должно быть «мирового уровня», под которым он подразумевает

* Книга, которую можно назвать манифестом архитектурного постмодернизма.

** Барнум – эстрадный и цирковой антрепренер XIX века, известный эффектной рекламой своих проектов, основанной на лжи и подделках; Жерде – популярный «футуристический» архитектор; Винн – строитель пафосных развлекательных комплексов в Лас-Вегасе; Skidmore, Owings & Merrill – американская строительная контора, знаменитая своими высотками.

первый номер в «Книге рекордов Гиннеса». И вот в Дубае, помимо всего прочего «самого», строятся самый большой в мире парк аттракционов, самый большой торговый центр, самое высокое здание и самый первый подводный отель [10].

Архитектурная мания величия шейха Мо не является иррациональной, хотя и заставляет вспомнить Альберта Шпеера и его покровителя*. Выучивший «Уроки Лас-Вегаса» шейх понимает: если Дубай хочет стать роскошным потребительским раем Ближнего Востока и Южной Азии (официально его «внутренний рынок» составляет 1,6 млрд. человек), он должен неустанно стремиться к всевозможным излишествам.

С этой точки зрения чудовищная футуристическая карикатура, которую представляет собой город, – это просто прощательный маркетинговый ход. Хозяева Дубая любят, когда дизайнеры и градостроители превозносят город как торжество передовых технологий. По словам одного застройщика, «нельзя воспринимать проекты как безумных отщепенцев. Это все часть бренда» [11]. Архитектор Георгий Катодритис писал: «Дубай это прототип нового пост-глобального города, который скорее удовлетворяет ненасытные аппетиты, чем решает общественные проблемы... Если Рим был «вечным городом», а нью-йоркский Манхэттен стал апофеозом перегруженного урбанизма 20-го века, то Дубай можно считать формирующимся прототипом для городов XXI века: искусственные кочевые оазисы в виде изолированных городов, простирающихся над землей и морем» [12].

У Дубая, стремящегося побить все возможные архитектурные рекорды, есть один достойный соперник: Китай. Эта страна, в которой проживает 300000 миллионов, через пару лет станет крупнейшим рынком сбыта предметов роскоши, от «Гуччи» до «Мерседесов» [13]. Начав с феодализма и крестьянского маоизма соответственно, Дубай и Китай пришли к порогу гиперка-

* Альберт Шпеер – «придворный архитектор» Гитлера, рейхсминистр вооружений и военной промышленности в фашистской Германии. Автор отличающегося гигантоманией плана реконструкции Берлина.

питализма путём «диалектики смешанного и неравномерного развития», как выразился Троцкий и впоследствии разъяснил Барух Кней-Пац: «При прививании новых форм отстающее общество берёт не их корни и не промежуточные стадии, а конечный результат. Оно даже заходит дальше; создаёт не реплики уже существующих в некоторых странах форм, а обобщённый их идеал. Такое возможно потому, что указанное общество имеет возможность привить готовые формы вместо того, чтобы проходить все стадии. Именно поэтому в отстающем обществе новые формы кажутся более совершенными, чем в развитом, где они представляют собой лишь частичное приближение к «идеалу» в рамках исторических возможностей» [14].

В случае Дубая с Китаем все сложные промежуточные стадии коммерческой эволюции попросту остались невостребованными в ходе прививания идеального синтеза шоппинга, развлечений и архитектурного зрелища в самых что ни на есть мегаломанских масштабах.

Подобное состязание национальных гордынь – арабской и китайской – в погоне за гиперболой, разумеется, далеко не первое в своём роде; можно припомнить соревнование Британии с Германской империей в постройке дредноутов в начале 20-го века. Однако что скажет экономика насчёт устойчивости подобной модели роста? Учебник ответит скорее отрицательно. Архитектурная мегаломания всегда была симптомом экономик, пребывающих в спекулятивной горячке, и каждый бум оставлял в качестве своих надгробий частокол надменных небоскрёбов – например, Эмпайр-стэйт-билдинг и бывший Всемирный Торговый Центр. Нынешний бум породил гипертрофированные рынки недвижимости в Дубае и в китайских городах, создав мощный сток для глобальных сверхприбылей (с нефти и с производства соответственно), который подпитывается неспособностью капиталистических центров сбавить потребление нефти, или же, в случае США, выровнять торговый баланс. Учитывая историю прошедших циклов капитализма, исход может быть весьма печальным. Одна-

ко, подобно королю острова Лапута в «Путешествиях Гулливера», Аль-Мактум убежден, что он открыл тайну вечного полёта.

Надежда и опора Дубая это, конечно, нефтяная конъюнктура. Каждый раз, заливая в свой бак бензин, вы помогаете оросить оазис шейха Мо. Цены на топливо сильно взвинчены запросами китайской промышленности, нефтяной спекуляцией, растущей боязнью войны и терроризма в нефтяных оазисах Ближнего Востока. По подсчетам «Уолл-стрит джорнэл», в 2004-2005 гг. потребители заплатили на 1.2 триллиона долларов больше, чем в 2003 г. [15]. Как и в 1970-х, происходит громадная и беспорядочная перекачка средств между нефтепотребляющими и нефтедобывающими странами. Однако на горизонте маячит «пик Хабберта» – точка, за которой разработка новых месторождений более не соответствует мировому спросу, и цены взлетают к поднебесью. Быть может, в некоторых утопичных экономических теориях средства, вырученные с продажи нефти, и создают резервы для вкладов в развитие «зелёной» энергии, снижения парникового эффекта, обустройства экологичного городского пространства. Однако в мире реального капитализма «чёрное золото» стало субсидией для развития апокалиптической мегаломании дубайских роскошей.

Майами Персидского залива

Неолиберальная схоластика утверждает, что Дубай достиг своего благословенного состояния благодаря предприимчивости, унаследованной Аль-Мактумом у своего отца, шейха Рашида, который «полностью посвятил себя и свои средства преобразованию эмирата в цветущий оазис свободного предпринимательства» [16]. На деле, стремительное восхождение Дубая, как и его родителя – ОАР – обязано главным образом цепочке геополитических случайностей. Парадоксально, но до сих пор основным региональным преимуществом Дубая были относительно скромные запасы нефти у его берегов. Будучи просто обочинной в сравнении с плавающими на нефти Кувейтом и

Абу-Даби, Дубай избежал нищеты, воспользовавшись сингапурской стратегией и став ключевым коммерческим, финансовым и развлекательным центром залива. Стремительно выкачивая последние скромные запасы нефти, он превратился в постмодернистский «город сетей» (как Бертольт Брехт назвал свой вымышленный бум-таун Махагони^{*}), где сверхприбыли от нефти вкладываются в единственный действительно неисчерпаемый в Аравии природный ресурс: песок (мега-проекты в Дубае, как правило, измеряются объемами перемещённого песка: к примеру, для «Мира» его потребовалось почти 30 миллионов кубометров). Если разворачивающийся блицкриг мега-проектов будет реализован по плану, то к 2010 Дубай сможет поддерживать весь свой ВВП туризмом и финансами, не полагаясь на нефть вовсе [17].

Экстраординарные амбиции Дубая зиждутся на его прошлом, на долгой истории этого логова пиратов, торговцев краденым и контрабандистов. Поздневикторианское соглашение передало Лондону покровительство над внешней политикой Дубая, отстранив оттоманских баскаков от дел и в то же время предоставив династии Аль-Мактумов в пользование единственный морской порт на всем трехсоткилометровом «пиратском побережье». Основу экономической жизни составляли ловля жемчуга и контрабанда, пока спрос на нефть не востребовал дубайской находчивости и портовых услуг. Вплоть до 1956, когда в Дубае выросло первое бетонное сооружение, население поголовно обитало в традиционных пальмовых хижинах, добывало воду из общих колодцев и водило коз по узким улочкам [18]. После полного ухода Британии с Ближнего Востока в 1968 шейх Рашид объединился с правителем Абу-Даби, шейхом Заедом, в 1971 – для отражения угрозы со стороны марксистов в Омане и, позднее, исламистов в Иране была создана феодальная федерация ОАЭ. К Абу-Даби отошла большая часть нефтяного богатства ОАЭ – что составило почти

^{*} Бум-таун – город, возникший в результате экономического подъёма. Махагони – город из оперы Брехта и Курта Вайля, по законам которого единственное преступление – безденежье.

1/12 мировых запасов, Дубай же стал отвечать за коммерцию и морскую коммуникацию через свой порт. Когда объем торговли превысил возможности старого порта, руководство ОАЭ приняло решение вложить немалую выручку с первого «нефтяного шока» 1973 в постройку крупнейшего в мире порта, которая завершилась в 1976.

После иранской революции 1979 Дубай также стал подобием Майами в Персидском заливе, принимая основной поток иранской эмиграции, деятельность которой вскоре сосредоточилась на контрабанде золота, сигарет и алкоголя в Иран и Индию. А недавно, с одобрения Тегерана, Дубай привлек массу иранской буржуазии, использующую Дубай уже скорее как Гонконг, чем как Майами, – а именно в качестве базы для торговли и международного образа жизни, столь привычного современной элите. Иранская тусовка отвечает примерно за 30% вкладов в дубайскую недвижимость [19].

Благодаря таким связям, в 1980-х и начале 1990-х Дубай стал главной прачечной для грязных денег и любимым логовом бандитов и террористов. «Уолл Стрит джорнэл» так описывает обратную сторону глянцевого Дубая: «Золотые и алмазные базары, дома обмена и неформальные денежные лавки уже давно сформировали мир темного дубайского бизнеса, строящегося на тайных связях и вассальных клановых отношениях. Вороти-лы чёрного рынка, торговцы оружием, спонсоры террористов и отмыватели денег очень комфортабельно вписались в вольную среду, при том, что большая часть бизнеса не противоречит законодательству» [20].

В начале 2006 конгресс США разразился возмущением по поводу того, что дубайская фирма «Dubai Port World» приобрела лондонскую «Peninsular and Oriental Steam Navigation Company», действующую в портах восточного побережья от Нью-Йорка до Майами. Несмотря на несогласие администрации Буша с конгрессом и его поддержку дубайской фирмы, «Dubai Port World» отказалась от сделки после сюжетов на кабельных телеканалах и

на радио о том, насколько опасно попадание американских портов под контроль восточного правительства. Разумеется, большая часть выпадов была связана с арабо- и исламофобией (ведь американские порты и так почти все под контролем иностранных фирм), но дубайская «террористическая связь», следствие того, что эмират взял на себя роль ближневосточной Швейцарии, – задокументированный факт.

Разумеется, после событий 9/11 на свет появился ворох исследовательских материалов, изучающих роль Дубая как финансового центра исламистских групп, в особенности «Аль-Каиды» и Талибана. По словам бывшего высокопоставленного сотрудника минфина США, «что касается террористов, все дороги ведут в Дубай». Известно, что Бин Ладен не раз переправлял крупные денежные потоки через государственный «Дубайский исламский банк», а талибы использовали свободные золотые рынки Дубая для перекачки опиумных налогов, собранных в слитках золота, в отмытые доллары [21]. В книге «Войны призраков» Стив Колл рассказывает: возникший после смертоносных терактов «Аль-Каиды» в посольствах США в Найроби и Дар-эс-Саламе план ЦРУ по устранению Бин Ладена крылатыми ракетами во время его соколиной охоты в южном Афганистане был отозван, когда рядом с ним заметили представителей эмиратской знати. ЦРУ также имело подозрения по поводу переброски оружия из Дубая к талибам на самолётах C-130 [22].

Кроме того, Аль-Мактум на протяжении десяти лет предоставлял роскошное убежище бомбейскому «Аль Капоне», легендарному бандиту Давуду Ибрагиму. Его присутствие в эмирате в конце 1980-х вряд ли можно назвать незаметным. Он воссоздавал Бомбей на дорогих вечеринках, переправляя в Дубай толпы самых известных киноактеров и крикетистов своего города, а сам женился на Мандакини, восходящей звезде экрана [23]. Согласно индийскому правительству, в начале 1993 Давуд, сотрудничая в Дубае с пакистанскими спецслужбами, организовал печально известную «чёрную пятницу» в Бомбее – взрывы, унёсшие 257 жизней [24].

Хотя Индия тут же потребовала ареста и выдачи Давуда, ему было позволено улететь в Карачи, где он до сих пор живет под защитой пакистанских властей. Между тем, его преступная организация, «Компания Д», спокойно продолжила функционировать в Дубае [25].

Зона Войны

Нынче Дубай тесно дружит с Вашингтоном как партнёр по «борьбе с терроризмом», а главное, как база для слежки за Ираном [26]. Однако Аль-Мактум, судя по всему, готов работать и с радикальными исламистами. Ведь очевидно, что «Аль-Каида» могла бы запросто превратить небоскрёб Бурдж Аль-Араб, да и любое другое из гигантских достопримечательностей города, в пылающий ад. Однако Дубай – один из немногих городов, в котором никогда не было взрывающихся машин и нападений на западных туристов. Это явное доказательство того, что город представляет собой прачечную для грязных денег и элитное логово – подобно Танжеру в 1940-х и Макао в 1960-х. Видимо, буйно цветущая теневая экономика Дубая это и есть его страховка от взрывающихся машин и захваченных самолётов. Дубай наживается на страхе – самыми разными, подчас удивительными способами. Например, огромный портовый терминал Джебель-Али извлёк несметную прибыль из торговли, которая отлично пошла после захвата Ирака войсками США, а второй терминал дубайского аэропорта, постоянно заполненный служащими Халлибертона, наёмниками и американскими военными на пути в Багдад и Кабул, стал самым востребованным американской армией коммерческим терминалом в мире [27]. Теракт 9/11 также перераспределил потоки инвестиций в пользу Дубая. После 9/11 многие ближневосточные инвесторы, опасаясь возможных судебных исков и санкций, свернули свой бизнес на Западе. Согласно Салману ибн Дасмалу из *Dubai Holdings*, одни только саудовцы репатриировали треть из своего триллиона долларов зарубежных инвестиций. И хотя невроз отчасти прошёл, Дубай немало нажил на новой привычке шейхов вкладывать деньги внутри эмирата.

В отличие от прошлого нефтяного бума 1970-х, в американские активы или в международные банки было вложено сравнительно немного нефтяных сверхприбылей. В этот раз нефтедоллары остались дома, где они дали толчок классической спекулятивной мании [28]. Есть информация, что в 2004 саудовцы (из которых 500000 ежегодно посещают Дубай) инвестировали в дубайские песочные замки, в том числе в проект «Мир», по меньшей мере 7 миллиардов долларов, наряду с прочими инвесторами из самого Дубая (официальные разработчики – дубайские миллиардеры братья Галадри), Абу Даби, Кувейта, Ирана и даже ревнивого Катара [29].

И хотя экономисты настаивают на покупке акций как основной тяговой силе роста, благодаря отклику либеральной денежной политики федерального резерва США, регион залива затоплен дешёвым кредитом, ибо все его валюты связаны с долларом [30].

И деньги в основном крутятся по старым добрым законам. Деловой журнал «Businessweek» отмечает: «Большинство новой недвижимости в Дубае покупается в целях спекуляции, без особых залогов» [31]. Но когда же мыльный пузырь спекуляции лопнет, сбрасывая Дубай с высот в бездну? Или, быть может, «пик Хабберта» поддержит эту пустынную Лапуту, парящую в небе над противоречиями мировой экономики? Шейх Мо твёрд, как камень: «Хочу известить капиталистов, что Дубаю не нужны инвесторы; инвесторы сами в нём нуждаются. И ещё, опасность – не в трате денег, а в их накоплении» [32].

Дубайский правитель-философ (элементом проектируемого ансамбля из намытых островов станет его высказывание на арабском) [33] чётко осознаёт, что страх – самая динамичная составляющая нефтяных сверхприбылей, которые превращают барханы в торговые комплексы и небоскрёбы. Каждый раз, когда повстанцы взрывают нефтяной трубопровод в дельте Нигера, каждый раз, когда смертник подгоняет свою машину с тротилом к риадским новостройкам, или когда Тегеран и Вашингтон с Тель-Авивом гремят доспехами, страх взвинчивает цену нефти на рынке

фьючерсов. Экономика залива теперь зависит не только от нефти, но и от страха перед её перебоями. Покупатели заплатили странам залива дополнительные 120 миллиардов долларов из одного страха перед перебоями в поставках. Оказывается, страх – это благодетель нефтемагнатов [34]; но его благодать они вкушают в частных оазисах за высокой стеной.

Сегодня безопасность Дубая гарантируется американскими ядерными супер-авианосцами, как правило – стоящими в порту Джебель-Али, а также всевозможными тайными протоколами (наброшенными во время соколиных охот в Афганистане?), регулируемыми отношения эмиратов с исламистами. Более того, город-государство агрессивно рекламирует себя в качестве элитной «зелёной зоны» в бурном и опасном регионе.

Дубай – царство частной безопасности, где финансовыми тайнами управляют почти швейцарские законы, а роскошные покои охраняются частными армиями консьержей, сторожей и телохранителей. Если туристы пытаются поближе рассмотреть Бурдж Аль-Араб, расположенный на частном острове, их обычно отгоняют. Ну а сами постояльцы подъезжают туда, конечно же, на «роллс-ройсах».

Песочница Милтона Фридмана

Одним словом, Дубай – громадное «закрытое поселение», зелёная зона. Это апофеоз неолиберальных ценностей позднего капитализма в большей степени, нежели Сингапур или Техас; общество, будто начертанное в стенах факультета экономики Чикагского университета*. И действительно, Дубай достиг того, о чём американские реакционеры могут только мечтать – оазис

* Экономический факультет чикагского университета известен как главный рассадник неолиберальной экономической модели, которую можно назвать моделью рыночного тоталитаризма, где демократическая, публичная власть сменяется частной властью, с вытекающим из этого отрицанием гражданских прав и свобод. Такую политику также называют «монетаризмом», подразумевая отказ от социального регулирования экономики и перераспределение достатка и налогообложения в пользу крупных финансовых собственников за счёт трудящихся.

«свободного предпринимательства» без налогов, профсоюзов и политической оппозиции.

Как и положено раю потребления, национальный праздник Дубая, а также его мировой символ – это «фестиваль шоппинга», потребительская оргия, начинающаяся 12-го января и длящаяся месяц при поддержке 25 крупнейших торговых центров города и участии 4 миллионов элитных покупателей со всего Среднего Востока и Южной Азии [35].

Между тем, феодальный абсолютизм восхваляется в качестве последнего слова просвещённого корпоративного управления. Политика на вполне официальном уровне растворилась в менеджменте. Согласно Саиду Аль-Мунтафику, главе дубайского министерства развития и инвестиций: «Мы зовём Его Величество Генеральным Директором Дубая; именно потому, что он правит страной как частным предприятием частного сектора, а не как государством». Ну а если вся страна это единое предприятие, то демократическое правительство совершенно излишне – ведь «Дженерал Электрик» и «Эксон» не являются демократическими организациями, и никто, кроме крайне левых, не стремится сделать их такими.

Соответственно, государство есть частный бизнес. Управленцы Дубая – все сплошь из местных жителей, нанятые меритократическим путем – одновременно занимают посты на госслужбе и менеджерские должности в мактумовской фирме по торговле недвижимостью.

«Правительство» стало менеджерской командой, где трое высших управленцев соревнуются в достижении максимального дохода для Аль-Мактума. В такой системе даже понятия «конфликта интересов» не существует [36], в стране имеется лишь один всеобщий землевладелец, на котором замыкаются все цепочки арендных выплат. Тут уже не требуются налоги и пошлины, необходимые обычным государствам. А федеральная администрация эмиратов в Абу-Даби, состоящая из ставленников шейхских семей, отвечает за оставшиеся государственные функции вроде обороны и внешней политики.

По тому же принципу человеческая свобода в Дубае строго вытекает из бизнес-плана, а не из конституции, и уж тем более не из «неотъемлемых прав»*. Правящая династия балансирует на грани между передающейся по наследству властью с шариатом, с одной стороны, и западной деловой культурой (включающей распутный отдых) с другой. Ответом дубайских управленцев стал режим «модульной свободы», сегрегация по территориальному, экономическому и классовому признакам. Дабы осознать значение модульной свободы, необходимо обратиться к общей стратегии развития Дубая.

Хотя больше всего славы Дубаю принесли бурные туристические излишества, своих самых ценных клиентов этот город-государство привлекает специальными зонами «свободного предпринимательства» и высокотехнологичными кластерами. Из небольшого торгового городка вырос мегаполис, который стелится перед межнациональными инвесторами, изо всех сил стараясь завлечь их. Есть несколько специальных «свободных» зон, где разрешено 100-процентное иностранное владение собственностью, где нет никаких подоходных и корпоративных налогов, где отсутствуют всякие таможенные пошлины [37]. Первая такая зона в портовом районе Джебель-Али теперь располагает несколькими тысячами торговых и промышленных фирм и является важнейшей платформой для действующих на рынках залива американских корпораций [38]. Однако основная масса роста приходится на созвездие кластеров, «городов внутри города» вроде «Интернет-Сити» (теперь это главный информационный центр арабского мира), городка *Dell, Hewlett-Packard, Microsoft*, «Медиа-Сити» (штаб спутниковой сети «Аль-Аравия» и различных информационных агентств) и «Дубайского международного финансового центра» (на который возлагаются надежды как на

* «Неотъемлемые права» – то, что правые либертарианцы считают законом природы. В основном под этим подразумевается право на частную собственность, но многие правые либертарианцы включают в это понятие права человека.

будущую ведущую фондовую биржу Европы и Азии, где инвесторы будут нагревать руки на величайшей нефтяной жиле Залива).

Кроме частных городов внутри города, в каждом из которых работают десятки тысяч служащих, Дубай уже принял, либо планирует принять: городок гуманитарной помощи, зону торговли подержанными машинами, Центр металлов и товаров, «шахматный город» (штаб Международной шахматной ассоциации, который должен состоять из двух башен-«королей», каждая в 64 этажа) и 6-миллиардный «посёлок здоровья», где при поддержке Гарвардской медицинской школы местные элиты смогут лечиться по новейшим американским технологиям [39].

В соседних городах тоже имеются эксклюзивные зоны и центры, но лишь в Дубае каждая зона может действовать в полнейшем правовом вакууме, отвечающем потребностям иностранного капитала и профессионалов-экспатриантов. Еще бы, ведь «создание особых ниш, в каждой из которых действуют свои правила, – основная стратегия Дубая» [40].

После ставшего водоразделом решения 2003 года о введении неограниченного безусловного права собственности для иностранцев, состоятельные европейцы и азиаты поспешили сорвать свой куш на дубайском «мыльном пузыре». В Дубай намеренно приглашали лондонских финансистов и отставных судей, дабы наглядно показать, что эмират играет по всем правилам Лондона, Цюриха и Нью-Йорка [41]. Кроме того, в 2002 с целью сбыта роскошных вилл и частных островов архипелага «Мир», вопреки местным нормам был издан новый закон о срочной продаже собственности, вместо обычной аренды на 99 лет [42].

Помимо ограждённых территорий с высокой степенью свободы прессы и бизнеса, Дубай славен своей терпимостью к западным порокам. В отличие от Саудовской Аравии или даже Кувейта, в гостиничных барах и ресторанах рекой течёт алкоголь, а дерзкие купальники на пляже не вызывают косых взглядов. Впрочем, изнанка этого рая весьма неприглядна. Русские девушки в барах первоклассных гостиниц – это всего лишь

гламурный фасад зловещей секс-торговли, построенной на хищении людей, рабстве и насилии. Дубай – как сообщит любой из великолепных путеводителей – это «ближневосточный Бангкок», населённый тысячами русских, армянских, индийских и иранских проституток, находящихся под контролем различных транснациональных группировок и мафии. (Весьма удобно, что город по совместительству является мировым центром «отмывания» денег: предположительно 10% рынка недвижимости переходит из рук в руки при операциях с наличными).

Шейх Мо от лица своего «современного» режима отрицает всякую связь с процветающей секс-индустрией, но всем и так ясно, что проституция – неотъемлемая часть системы пятизвёздочных гостиниц с их клиентурой из европейских и арабских бизнесменов [43]. А сам шейх был лично связан с самым жутким пороком Дубая: детским рабством*.

Дубай предоставляет инвесторам удобный, как на Западе, имущественный режим, включая безусловное право собственности, что уникально для этого региона. Плюс абсолютная терпимость к кутежам, наркотикам, фривольным одеяниям и другим иноземным порокам, официально запрещённым в соответствии с мусульманским правом. (Когда экспатрианты превозносят уникальную «открытость» Дубая, речь идёт именно об этой свободе кутить – а не организовать профсоюзы или открыто высказывать критические мнения).

* Верблюжьи скачки – страстное увлечение жителей Эмиратов. В июне 2004 года Международное общество борьбы с рабством представило фото дубайских детей-жокеев дошкольного возраста. Одновременно в передаче HBO Real Sports сообщили о том, что наездников (некоторым из них по три года) «похищают и продают в рабство, мроят голодом, избивают и насилуют». Некоторые из этих детей-наездников были показаны на дубайском ипподроме для верблюжьих бегов, принадлежащем Аль-Мактумам. *Lexington Herald-Leader* – газета из штата Кентукки, где шейху Мо принадлежит два больших конных завода – подтвердила часть информации HBO в интервью с одним из местных кузнецов, который работал на наследного принца Дубая. Он сообщил, что видел «крохотных детей» в возрасте четырех лет, скачущих верхом на верблюдах. Дрессировщики верблюдов утверждают, что детские пронзительные крики побуждают животных быстрее двигаться.

Закабалённое невидимое большинство

Дубай вместе с соседними эмиратами весьма преуспел в ущемлении прав рабочих. Рабство в стране было отменено лишь в 1963, профсоюзы, забастовки и агитаторы находятся под запретом, а 99% рабочих в частном секторе – это легко депортируемые неграждане. Глубокие мыслители из Американского института предпринимательства и института Катона явно исходят слюной при виде классово-правовой систем в Дубае.

На вершине социальной пирамиды, конечно, находятся Аль-Мактумы и их родственники, которые владеют в эмирате каждой приносящей прибыль песчинкой. Далее идут коренные жители, составляющие 15% от общей численности населения, чьей привилегией является ношение традиционной белой дишдаши. Они представляют собой праздный класс, чья лояльность династии обеспечена перераспределением прибылей в их пользу, бесплатным образованием и рабочими местами в государственном секторе. Ступенью ниже – избалованные режимом наёмники. Это примерно 100 000 британских экспатриантов, которые, наряду с другими европейскими, ливанскими и индийскими менеджерами и специалистами, в полной мере пользуются кондиционированным изобилием и двухмесячным заграничным отпуском каждое лето. Британцы во главе с Дэвидом Бекхэмом (владельцем пляжа) и Родом Стюартом (владельцем острова) лидируют в славословиях парадизу шейха Мо, наслаждаясь джин-тоником и веселыми шалостями в стиле белых людей на верандах Симлы*. Дубай мастерски играет на колониальной ностальгии [44].

Есть и еще один одиозный элемент в том, как Дубай подражает британскому Раджу – большую часть населения составляют южноазиатские контрактные рабочие, юридически прикрепленные к одному работодателю и находящиеся под тоталитарным социальным контролем. Стиль жизни Дубая поддерживается огромным количеством филиппинских, шриланкийских и ин-

* Симла – летняя столица британского Раджа в Индии.

дийских служанок, а строительный бум обеспечивают армии низкооплачиваемых пакистанцев и индийцев, работающих по двенадцать часов в сутки шесть с половиной дней в неделю – в пустыне, похожей на доменную печь.

Дубай, как и его соседи, попирает трудовые нормы Международной организации труда и отказывается принять международную конвенцию о трудящихся-мигрантах. *Human Rights Watch* в 2003 году обвинила Эмираты в том, что их процветание строится на «принудительном труде». Более того, как недавно подчеркнула в разоблачительной статье о Дубае британская «Индепендент», «рынок труда очень напоминает старую систему кабального труда, внедренную в Дубае его прежними колониальными хозяевами, британцами». «Сегодня азиатские рабочие, приезжающие в ОАЭ, – продолжает газета, – подобно своим нищим предкам вынуждены обречь себя на многолетнее рабство. Своих прав трудовые мигранты лишаются в аэропорту, где вербовочные агенты конфискуют их паспорта и визы» [45].

Эти невольники Дубая не просто подвергаются сверхэксплуатации – они должны быть полностью скрыты от любопытных глаз. Местная пресса (а ОАЭ стоит на 137-м месте в мире по свободе печати) не смеет рассказывать про рабочих мигрантов, про условия труда и про проституцию. А азиатским рабочим строго запрещено появляться в сияющих торговых центрах, на свежих полях для гольфа и в чопорных ресторанах [46]. Мрачные лагеря на окраине, в которых рабочие теснятся по шесть, восемь, даже двенадцать человек в комнате без вентиляции, не являются частью официального туристического имиджа города – как центра роскоши без всяких трущоб и нищеты [47]. Говорят, даже министр труда ОАЭ в ходе недавнего визита был глубоко потрясён нищенскими, почти невыносимыми условиями в отдалённом рабочем лагере, принадлежащем крупному строительному подрядчику. Однако как только рабочие попытались создать профсоюз, чтобы добиться выплаты зарплаты и улучшения условий жизни, они были немедленно арестованы [48].

Хотя полиция Дубая закрывает глаза на сомнительную переправку золота и алмазов, на торговлю проститутками и на подозрительных личностей, покупающих разом по 25 вилл за наличные, она без колебаний депортирует жалующихся на невыдачу зарплаты пакистанских рабочих и арестовывает филиппинских служанок за «распутство», когда те доносят на хозяина за изнасилование [49]. Дабы избежать шиитских выступлений, с которым столь хорошо знакомы господа из Бахрейна и Саудовской Аравии, Дубай, наряду с соседями по ОАЭ, черпает трудовой ресурс в западной Индии, Пакистане, Шри-Ланке, Бангладеш, Непале и на Филиппинах. Впрочем, такая политика сплотила азиатских рабочих, которые незаметно стали недовольным большинством. В ответ ОАЭ приняли «политику культурной терпимости», которая запрещает дальнейший найм азиатов, дабы разбавить их массу новыми арабскими рабочими [50].

Но дискриминация азиатов не помогла; зарплата в 100-150 долларов в месяц привлекла довольно мало арабов [51], а пренебрежение технической безопасностью и основными нуждами рабочих, ставшее обратной стороной строительного бума, породило первое в истории дубайское восстание.

Только в 2004 на стройках погибло 880 строителей, факт, который замалчивался как частниками, так и государством [52]. Строительные гиганты и подрядчики не обеспечивают ни элементарных условий, ни снабжения чистой водой трудовых лагерей в пустыне. Рабочие вынуждены терпеть длительные переезды на стройплощадки, мелочные придирки начальства (зачастую на религиозной и расовой почве), шпионов и надзирателей в своих лагерях, зависимый труд и неспособность государства задержать резвых подрядчиков, которые под предлогом банкротства сворачивают лавочку и исчезают, не выплатив зарплату [53].

«Вот бы богачи поняли, кто строит им эти башни... Вот бы им посмотреть, каково нам тут живётся», – говорит один отчаявшийся рабочий из Кералы [54].

Первый взрыв негодования пришёлся на осень 2004, когда несколько тысяч рабочих-азиатов устроили шествие к министерству труда вдоль восьмиполосного проспекта шейха Заеда и были разогнаны вооружённой полицией в присутствии официальных лиц, угрожающих массовой депортацией [55]. Демонстрации и стачки меньших масштабов против невыплаты зарплаты и опасных условий труда продолжились в течение 2005, подогреваемые крупным весенним восстанием бангладешских рабочих в Кувейте. В сентябре того же года 7000 рабочих организовали трёхчасовую демонстрацию – крупнейший протест в истории Дубая. Позднее, в марте 2006, жестокость надзирателей спровоцировала погром на обширной стройплощадке башни Бурж-Дубая. 2500 изнурённых рабочих стояли после смены в ожидании сильно запаздывавших автобусов, и к ним начала придирааться охрана. Разъярённые строители избили охрану и напали на строительный штаб, стали жечь фирменные машины, громить конторы и аппаратуру, взламывать сейфы. На следующее утро рабочие отказались от работы и решили бастовать до тех пор, пока их работодатель «Al Naboodah Laing O'Rourke» не поднимет зарплату и не улучшит условия труда. К забастовке примкнули тысячи строителей нового терминала аэропорта.

Хотя некоторые уступки вперемежку с угрозами вернули большинство рабочих на стройплощадки, углы недовольства продолжают тлеть. В июле сотни рабочих проекта «Арабские конюшни» на Эмиратской дороге устроили бунт по поводу нехватки чистой воды для готовки и мытья в их лагере. Иные рабочие организовывали совещания нелегальных профсоюзов, не раз угрожали пикетировать гостиницы и торговые центры [56].

Непокорный голос труда звучит все громче в пустыне ОАЭ, ибо Дубай наживается на дешевом труде не меньше, чем на дорогой нефти, а Мактумы, наряду со своими коллегами в других эмиратах, чётко осознают, что правят королевством, покоящимся на горбу южноазиатского пролетариата. Столь много средств было вложено в образ Дубая как защищенного со всех сторон рая для предпринимателей, что малейшие толчки весьма болез-

ненно сказываются на уверенности инвесторов. Менеджмент Дубая рассматривал множество вариантов ответных действий на рабочий протест – от изгнаний и массовых арестов до ограниченного сотрудничества в коллективных соглашениях. Но всякие уступки могут привести не только к новым требованиям со стороны профсоюзов, но и к требованиям прав гражданства – что подрывёт основы мактумовского абсолютизма. Ни спекулянты, ни саудовские миллиардеры, ни американский флот, ни шаловливые экспатрианты не хотят создания «Солидарности»* в пустыне.

Шейх Мо, который изображает из себя пророка модернизации, любит впечатлить гостей мудрыми пословицами и вескими афоризмами. «Тот, кто не пытается изменить будущее, пребывает в плену прошлого», – часто повторяет он [57].

Однако будущее, которое он строит в Дубае, – под аплодисменты миллиардеров и транснациональных корпораций всего мира – больше походит на кошмар из прошлого: Уолт Дисней встречается с Альбертом Шпеером на аравийских берегах.

Примечания

[1] Business Week, 13 March 2006.

[2] 'Dubai overtakes Las Vegas as world's hotel capital', Travel Weekly, 3 May 2005.

[3] 'Ski in the Desert?', Observer, 20 November 2005; Hydropolis: Project Deion, Dubai, August 2003, www.conway.com.

[4] См. Mena Report 2005, на www.menareport.com.

[5] Один дубайский чиновник однажды пожаловался американскому журналисту на Египет: «У них есть такие пирамиды, а они с ними ничего не

* «Солидарность» (польск. Solidarność, полное название Независимый самоуправляемый профсоюз «Солидарность», польск. Niezależny Samorządny Związek Zawodowy «Solidarność») – объединение профсоюзов, созданное в 1980 г. Лехом Валенсой на судовой верфи имени Ленина в Гданьске, Польша. Некоторое время представлял собой массовое движение против госкапиталистической диктатуры.

делают. Уж можете представить, что мы бы смогли с ними сделать!» Lee Smith, 'The Road to Tech Mecca', *Wired Magazine*, July 2004.

[6] Официальное определение в дубайском отделе маркетинга: «Это собрание всех известных видов досуга на слайдах, которые выбираются обычным голосованием руками». Ian Parker, 'The Mirage', *The New Yorker*, 17 October 2005.

[7] Parker, 'Mirage'.

[8] Мактумы владеют в том числе лондонским музеем «Мадам Тюссо», зданием Хелмсли и зданием Эссекс в Манхэттене, тысячами квартир в «солнечных» штатах, громадными ранчо в Кентукки и «немалой долей 'Даймлера-Крайслера'». («Королевская семья платит 1.1 млрд. долл. за два нью-йоркских небоскрёба», *New York Times*, 10 ноября 2005 г.)

[9] «Экономический Сити им. Короля Абдуллы» в Саудовской Аравии – грядущий 30-миллиардный проект на Красном море – будет построен принадлежащей Мактумам фирмой недвижимости «Эмар» и станет всего лишь спутником Дубая. 'Opes Nations Temper the Extravagance', *New York Times*, 1 February 2006.

[10] Rowan Moore, 'Vertigo: the strange new world of the contemporary city', in Moore, ed., *Vertigo*, Corte Madera, 1999.

[11] 'Emirate rebrands itself as a global melting pot', *Financial Times*, 12 July 2005.

[12] George Katodrytis, 'Metropolitan Dubai and the Rise of Architectural Fantasy' Bidoun, no. 4, Spring 2005.

[13] 'In China, To Get Rich Is Glorious', *Business Week*, 6 February 2006.

[14] Baruch Knei-Paz, *The Social and Political Thought of Leon Trotsky*, Oxford 1978, p. 91.

[15] 'Oil Producers Gain Global Clout from Big Windfall', *wsj*, 4 October 2005.

[16] Joseph Kechichian, 'Sociopolitical Origins of Emirati Leaders', в Kechichian, ed., *A Century in Thirty Years: Shaykh Zayed and the UAE*, Washington, 2000, p. 54.

[17] Jack Lyne, 'Disney Does the Desert?', 17 November 2003, *The Site Selection*.

[18] Michael Pacione, 'City Profile: Dubai', *Cities*, vol. 22, no. 3, 2005, pp. 259–60.

[19] 'Young Iranians Follow Dreams to Dubai', *New York Times*, 4 December 2005.

[20] *WSJ*, 2 March 2006.

[21] Gilbert King, *The Most Dangerous Man in the World: Dawood Ibrahim*, New York, 2004, p. 78; Douglas Farah, 'Al Qaeda's Gold: Following Trail to

Dubai', Washington Post, 18 February 2002; and Sean Foley, 'What Wealth Cannot Buy: uae Security at the Turn of the 21st Century', in Barry Rubin, ed., Crises in the Contemporary Persian Gulf, London 2002, pp. 51–2.

[22] Steve Coll, Ghost Wars, New York 2004, p. 449.

[23] Suketu Mehta, Maximum City: Bombay Lost and Found, New York 2004, p. 135.

[24] S. Hussain Zaidi, Black Friday: The True Story of the Bombay Bomb Blasts, Delhi 2002, pp. 25–7 and 41–4.

[25] See 'Dubai's Cooperation with the War on Terrorism Called into Question', Transnational Threats Update, Centre for Strategic and International Studies, February 2003, pp. 2–3; and 'Bin Laden's operatives still using freewheeling Dubai', usa Today, 2 September 2004.

[26] Ira Chernus, 'Dubai: Home Base for Cold War', 13 March 2006, Common Dreams News Centre.

[27] Pratap Chatterjee, 'Ports of Profit: Dubai Does Brisk War Business', 25 February 2006, Common Dreams News Centre.

[28] Edward Chancellor, 'Seven Pillars of Folly', wsj, 8 March 2006; on Saudi repatriations, ame Info, 20 March 2005.

[29] ame Info, 9 June 2005.

[30] Chancellor, 'Seven Pillars'.

[31] Stanley Reed, 'The New Middle East Bonanza', BusinessWeek, 13 March 2006.

[32] Lyne, 'Disney Does the Desert?'.

[33] «Бери мудрость у мудрецов. Не каждый наездник – жокей». На надписи построят 1060 усадеб, а сами буквы будут видны из космоса.

[34] Peter Coy, 'Oil Pricing', Business Week, 13 March 2006.

[35] Tarek Atia, 'Everybody's a Winner', Al-Ahram Weekly, 9 February 2005.

[36] William Wallis, 'Big Business: Intense rivalry among the lieutenants', Financial Times, 12 July 2005.

[37] Hari Sreenivasan, 'Dubai: Build It and They Will Come', abc News, 8 February 2005.

[38] Pacione, 'City Profile: Dubai', p. 257.

[39] Smith, 'The Road to Tech Mecca'; Stanley Reed, 'A Bourse is Born in Dubai', Business Week, 3 October 2005; and Roula Khalaf, 'Stock Exchanges: Chance to tap into a vast pool of capital', Financial Times, 12 July 2005.

[40] Khalaf, 'Stock Exchanges'.

[41] William McSheehy, 'Financial centre: A three-way race for supremacy', Financial Times, 12 July 2005.

[42] 'A Short History of Dubai Property', AME Info, August 2004.

[43] Lonely Planet, Dubai: City Guide, London 2004, p. 9; and William Ridgeway, 'Dubai, Dubai–The Scandal and the Vice', Social Affairs Unit, 4 April 2005.

[44] William Wallis, 'Demographics: Locals swamped by a new breed of resident', Financial Times, 12 July 2005.

[45] Nick Meo, 'How Dubai, playground of business men and warlords, is built by Asian wage slaves', Independent, 1 March 2005.

[46] Meo, 'How Dubai'.

[47] Lucy Williamson, 'Migrants' Woes in Dubai Worker Camps', bbc News, 10 February 2005.

[48] 15 February 2005, at secretdubai.blogspot.com.

[49] News Digest, September 2003.

[50] Meena Janardhan, 'Welcome mat shrinking for Asian workers in UAE', Inter Press Service, 2003.

[51] Ray Jureidini, Migrant Workers and Xenophobia in the Middle East, un Research Institute for Social Development, Identities, Conflict and Cohesion: Programme Paper No. 2, Geneva, December 2003.

[52] 'uae: Abuse of Migrant Workers', Human Rights Watch, 30 March 2006.

[53] Anthony Shadid, 'In uae, Tales of Paradise Lost', Washington Post, 12 April 2006.

[54] Hassan Fattah, 'In Dubai, an Outcry from Asians for Workplace Rights', New York Times, 26 March 2006.

[55] Julia Wheeler, 'Workers' safety queried in Dubai', bbc News, 27 September 2004.

[56] Fattah, 'In Dubai'; Dan McDougall, 'Tourists become targets as Dubai's workers take revolt to the beaches', Observer, 9 April 2006; and 'Rioting in Dubai Labour Camp', Arab News, 4 July 2006.

Оригинал – New Left Review 41, September-October 2006.

Перевод Дмитрия Райдера и Никиты М. Сокращенный вариант был опубликован в журнале «Скепсис» <http://sceptsis.net/>.

Кто построит ковчег

Предлагаемый вам текст – нечто вроде знаменитой сцены в зале суда в фильме «Леди из Шанхая» Орсона Уэллса [1]. В этой нуаровой аллегории о пролетарской добродетели в плену у буржуазного декаданса Уэллс играет левого моряка по имени Майкл О'Хара, который закрутил роман с *femme fatale*, героиней Риты Хейворт, и впоследствии сел в тюрьму за убийство. Её муж, Артур Баннистер (которого играет Эверетт Слоун), самый знаменитый адвокат по уголовному праву в Америке, убеждает О'Хару выбрать его своим защитником, стремясь обеспечить осуждение и казнь своего соперника. В решающий момент процесса он совершает, к неудовольствию обвинителя, «очередной трюк знаменитого Баннистера»: Баннистер-адвокат вызывает Баннистера-убитого-горем-мужа к трибуне свидетелей и, к веселью присяжных, проводит стремительный шизоидный допрос самого себя. Эта статья написана в духе «Леди из Шанхая»: дебаты с самим собой как ментальное соревнование между аналитическим отчаянием и утопической возможностью, соревнование, которое – субъективно, и, вероятно, объективно – не может быть решено в пользу одной из сторон.

В первой части, «Пессимизм интеллекта», я привожу аргументы в пользу того, что мы уже проиграли первую, эпохальную стадию битвы против глобального потепления. Киотский протокол, по элегантному, но, к сожалению, точному выражению одного из его главных оппонентов, «не сделал ничего ощутимого» с изменением климата. После его подписания глобальные выбросы углекислого газа выросли настолько же, насколько, как ожидалось, они уменьшатся [2]. Весьма маловероятно, что процесс накопления парниковых газов удастся стабилизировать по эту сторону знаменитой «красной линии» в 450 миллионных долей (ppm) до 2020 года. И тогда даже героические усилия наших детей не смогут предотвратить радикальных изменений экологии, водных ресурсов и аграрных систем. Более того, в потеплевшем мире социально-экономическое неравенство приобретёт

метеорологический аспект, и у богатых стран северного полушария, которые своими выбросами углекислого газа разрушили климатический баланс голоцена, будет мало стимулов делиться ресурсами для адаптации с бедными субтропическими странами, наиболее уязвимыми для засух и наводнений.

Во второй части эссе, «Оптимизм воображения», я опровергаю сам себя. Я обращаюсь к парадоксу, согласно которому наиболее важная причина глобального потепления – урбанизация человечества – потенциально может стать и главным решением проблемы человеческого выживания в двадцать первом веке. Если же современная катастрофическая политика не будет свернута, города бедности почти наверняка станут могилами надежды, и тем больше у нас причин рассуждать подобно Ною. Поскольку большинство гигантских деревьев уже давно срублены, новый Ковчег должен быть построен из материалов, которые доведённое до отчаяния человечество найдёт под рукой в повстанческих сообществах, пиратских технологиях, нелегальных медиа, мятежной науке и забытых утопиях.

1/

Пессимизм интеллекта

Наш старый мир, тот, в котором мы жили последние 12 тысяч лет, завершил своё существование, даже если ни одна газета ещё не напечатала по этому поводу научный некролог. Вердикт ему вынесла Стратиграфическая комиссия Лондонского геологического общества. Основанное в 1807 году общество является старейшей ассоциацией геологов в мире, и его Стратиграфическая комиссия составляет коллегия кардиналов, выносящих решение по геологической шкале времени. Стратиграфы разрезают историю Земли, сохранённую в осадочных формациях, на эры, эпохи и периоды, обозначенные «золотыми пиками» массовых вымираний, процессов видообразования или резкими изменениями в химическом составе атмосферы. В геологии, как в биологии и истории, периодизация является сложным и противоречивым искусством: ожесточённая битва в британ-

ской науке девятнадцатого века – ныне известная как «великий девонский спор» – шла из-за интерпретаций валлийской граувакки и английского красного песчаника. В результате в геологии были установлены чрезвычайно строгие стандарты относительно введения какой-либо новой геологической периодизации. Хотя идея «антропоцена» – эпохи, обозначенной возникновением урбанистического индустриального общества, – уже давно циркулировала в литературе, стратиграфы никогда не признавали её научной.

И вот по крайней мере Лондонским Обществом эта позиция сейчас пересмотрена. На вопрос, живём ли мы сейчас в антропоцене, Комиссия в составе двадцати одного представителя единогласно ответила «да». В отчёте за 2008 год она привела убедительные доказательства в пользу гипотезы, гласящей, что время голоцена – межледникового периода удивительно стабильного климата, сделавшего возможной стремительную эволюцию земледелия и городской цивилизации, – завершилось, и Земля вошла в «стратиграфический интервал, не имеющий близких аналогов за последние несколько миллионов лет» [3]. Кроме накопления парниковых газов, стратиграфы вспомнили, во-первых, трансформацию ландшафта человеком, которая «теперь на порядок превышает [ежегодное] природное образование осадочных пород», во-вторых, угрозу окисления океанов и безжалостное уничтожение биоразнообразия.

Эта новая эра, объясняют они, характеризуется тенденцией к потеплению – ближайшим аналогом которой может быть катастрофа, случившаяся 56 000 000 лет назад и известная как палеоцено-эоценовый термальное максимум, – а также радикальной нестабильностью экосистем будущего. Суровой прозой звучит их предупреждение:

«Такая комбинация вымирания, глобальной миграции видов и широко распространённой замены натуральной растительности сельскохозяйственными монокультурами создаёт отчетливый биостратиграфический сигнал современности. Эти эффекты являются

перманентными, поскольку будущая эволюция будет происходить за счёт выживших (и, к тому же, часто перемещённых из-за антропогенных факторов) видов» [4].

Иными словами, эволюция была силой направлена по новой траектории.

Спонтанная декарбонизация?

В тот период, когда Комиссия признала антропоцен, обострились научные споры вокруг Четвёртого оценочного доклада Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). МГЭИК поручено оценивать возможный размах изменений климата и определять соответствующие меры по сокращению выбросов. Наиболее критические моменты – предположение о «климатической чувствительности» к ускоренному накоплению парниковых газов, а также социально-экономическая таблица, в которой сопоставлены различные перспективы энергосбережения и соответственно выбросов. И вот впечатляющее количество исследователей старшего поколения, в том числе ключевые участники собственной рабочей группы МГЭИК, недавно выразили сомнения по поводу методологии четырёхтомного Четвёртого отчёта, который, согласно их обвинениям, неоправданно оптимистичен в плане геофизических и социальных прогнозов [5].

Самый известный бунтарь, Джеймс Хансен из Института Годдарда (NASA), Пол Ревир глобального потепления, предупреждавший Конгресс об опасности парникового эффекта на известном слушании 1988 г., вернулся в Вашингтон с тревожным сообщением: МГЭИК, из-за провала в оценке параметров решающих реакций земной экосистемы, дала слишком большую отсрочку углеродным выбросам. Вместо предложенной МГЭИК «красной линии» в 450 миллионных долей (ppm) двуокиси углерода, его исследовательская группа нашла необходимые палеоклиматические доказательства того, что предел безопасности составляет 350 миллионных долей или даже меньше. «Потрясающим следствием» этой перекалибровки «климатической чувствительности»,

показал он, является то, что «часто озвучиваемая цель – держать глобальное потепление на уровне ниже двух градусов Цельсия – рецепт глобального бедствия, а не спасения» [6]. Действительно, если нынешний уровень составляет 385 миллионов долей, мы могли уже преодолеть пресловутую «точку равновесия». Хансен мобилизовал армию донкихотов среди учёных и активистов экологического направления, чтобы спасти планету с помощью аварийного углеродного налога, который вернул бы к 2015 г. концентрацию парниковых газов к уровню до 2000.

У меня недостаточно научной квалификации, чтобы высказываться о полемике вокруг утверждений Хансена или о правильной настройке на планетарный термостат. Однако любой, кто занимается общественными науками или просто регулярно уделяет внимание макротенденциям, уж точно должен, не стесняясь, участвовать в обсуждении другого краеугольного камня Четвёртого оценочного доклада – представленных в нем социоэкономических планов и, так скажем, их «политического бессознательного». Нынешние сценарии были приняты МГЭИК в 2000 г. для моделирования будущих совокупных выбросов в зависимости от различных «сценариев» как роста населения, так и технологического и экономического развития. Главные сценарии Группы (МГЭИК) – группа A1, B2 и т.д. – хорошо известны уполномоченным лицам и климатическим активистам, но мало кто вне научного сообщества действительно уловил их детали, например, героическую уверенность МГЭИК в том, что большая энергоэффективность станет «автоматическим» побочным продуктом будущего экономического роста. И, конечно, все сценарии, даже в духе «бизнес идет по плану», предполагают, что почти 60% будущего сокращения углеродных выбросов произойдёт независимо от насущных мер по предупреждению изменения климата [7].

В результате МГЭИК поставила на карту направляемого рынком движения к постуглеродной мировой экономике последнее, а именно саму планету: переход, который требует не только международного сокращения выбросов и углеродной торговли, но ещё и добровольных совместных обязательств по

использованию технологий, которые вряд ли существуют даже в проекте, – например, улавливание углерода, чистый уголь, водородная и усовершенствованная транспортная система, а также целлюлозное биотопливо. Как неоднократно отмечали критики, во многих из этих «сценариев» развёртывание безуглеродных систем энергоснабжения «превышает масштаб мировой энергетической системы 1990 года» [8].

Соглашения и рыночные схемы в духе Киотского протокола – почти аналоги кейнсианской «подкачки» экономики – нужны, чтобы перекрыть разрыв между спонтанной декарбонизацией и стратегическим количеством выбросов, предусмотренным каждым из сценариев. Хотя МГЭИК никогда не распространяется на эту тему, её планы по выбросам неизбежно предполагают, что золотой дождь доходов от высоких цен на ископаемые виды топлива во времена следующего поколения будет успешно преобразован в технологии возобновляемой энергии, а не потрачен на семимильные небоскрёбы, «мыльные пузыри» активов и мегавыплаты акционерам. В целом, Международное энергетическое агентство оценивает стоимость работ по сокращению вдвое выработки парниковых газов к 2050 г. в 45 триллионов долларов [9]. Но без высокого показателя «автоматической» энергоэффективности моста никогда не построить, и цель МГЭИК будет недостижимой. В худшем случае прямой экстраполяции нынешнего энергосбережения на будущее – количество углеродных выбросов может легко вырасти втрое к середине века.

Критики цитируют мрачные данные по углеродным выбросам последнего – упущенного – десятилетия, чтобы продемонстрировать: основные представления МГЭИК о рынках и технологии не многим более осмысленны, чем шаги вслепую. Несмотря на хваленое принятие Евросоюзом системы сокращения углерода и торговли квотами, европейские углеродные выбросы продолжали расти, в некоторых секторах значительно. Более того, в последние годы не появилось достаточных доказательств автоматического прогресса в области энергоэффективности, который является *необходимым условием* сценариев МГЭИК. Многие из

того, что в этих сценариях подается как достижения новой технологии, на самом деле стало результатом сворачивания тяжёлой промышленности Соединённых Штатов, Европы и постсоветского блока. Перенос производства, интенсивно потребляющего энергию, в Восточную Азию «отбеливает» отчёты об углеродном балансе некоторых стран Организации экономического сотрудничества и развития, но деиндустриализацию не стоит путать со спонтанной декарбонизацией. Большинство исследователей считают, что интенсивность энергопотребления на самом деле выросла с 2000 г., то есть совокупные выбросы двуокиси углерода идут в ногу с энергопотреблением (а где-то и опережают его) [10].

Возвращение Короля-Угля

Более того, «углеродный бюджет» МГЭИК уже исчерпан. Согласно информации Глобального углеродного проекта, количество выбросов выросло быстрее, чем предполагал даже худший из сценариев МГЭИК. С 2000 по 2007 гг. количество двуокиси углерода выросло до 3,5 % ежегодно по сравнению с 2,7 % в прогнозах МГЭИК или 0,9 %, зарегистрированными в 1990-х [11]. Другими словами, мы уже превысили ожидания МГЭИК, и уголь может быть одним из главных виновников этого непредвиденного роста выбросов парниковых газов. Производство угля пережило невиданное возрождение за последнее десятилетие, а ужасы XIX века тем временем снова одолевают нас в веке XXI. В Китае 5 миллионов шахтёров работают наизнос в опасных условиях, добывая грязный минерал, что, по сообщениям, позволяет Пекину открывать новую угольную тепловую электростанцию ежедневно. Бум потребления угля также происходит в Европе, где в ближайшие несколько лет планируется открыть 50 новых фабрик, работающих на угле [12], и в Северной Америке, где планируется открыть 200 фабрик. В Западной Вирджинии строится огромная фабрика, которая будет выбрасывать количество углерода, эквивалентное выхлопам миллиона машин. В немаловажном исследовании «Будущее угля» (The Future of Coal) инженеры МИТ (Массачусетского технологического института) пришли к выводу,

что потребление будет повышаться при любом из предсказуемых сценариев, даже несмотря на крупные углеродные налоги. Инвестирование в технологии УХУ – улавливания и хранения углерода – является, кроме того, «полностью неадекватным»: даже после признания УХУ действительно практичной она не станет достаточной по масштабу альтернативой как минимум до 2030 г. В Соединённых Штатах законы о «зелёной энергетике» лишь создали для коммунальных служб «обратный стимул» к строительству фабрик, работающих на угле, с «расчётом на то, что их деятельность будет “покрываться” бесплатными разрешениями на выработку CO₂ в рамках будущих урегулирований количества выбросов» [13]. А тем временем консорциум производителей угля, коммунальных служб, работающих на угле, и железных дорог, которые его перевозят, – назвавшись Американской коалицией за электричество на чистом угле – потратил 40 млн. долларов за период выборов 2008, чтобы оба кандидата в президенты пели в унисон о преимуществе грязного, но дешёвого топлива.

Первое место в мире по добыче угля занимает Китай. В 2013 году в Поднебесной было добыто 3680 млн. тонн угля. Это 46,6% всей мировой добычи.

В значительной степени из-за популярности угля, ископаемого топлива с доказанным запасом в 200 лет, количество углерода на единицу энергии на самом деле может вырасти [14]. До обвала американской экономики Департамент энергетики США предсказывал рост показателей энергетического производства по меньшей мере на 20 % в ближайшие 30 лет. Ожидается, что глобальное совокупное потребление ископаемых видов топлива возрастет до 55 %, а масштабы международного экспорта увеличатся вдвое. Программа развития ООН, которая осуществила собственное исследование планов устойчивого энергопотребления, предупреждает, что к 2050 мировые выбросы парниковых газов нужно будет сократить на 50 процентов по сравнению с 1990-ми, чтобы удержать человечество у критической черты неконтролируемого потепления [15]. Однако Международное

энергетическое агентство (МЭА) прогнозирует, что скорее всего количество этих выбросов в действительности вырастет за следующие полвека примерно на 100 процентов – достаточный объём парниковых газов, чтобы вывести нас сразу за несколько критических точек. МЭА также считает, что возобновляемая энергия (отдельно от гидроэнергетики) обеспечит лишь 4 процента производства электричества в 2030 – немногим более, чем 1%, который мы имеем сегодня [16].

Зелёная рецессия?

Нынешняя мировая рецессия – нелинейное событие из тех, которые сценаристы МГЭИК игнорируют в своих сценариях, – может принести временное облегчение, особенно если снизившиеся цены на нефть приостановят открытие ящика Пандоры – новых мегауглеродных резервуаров вроде битуминозных песков и нефтяных сланцев. Но вряд ли кризис замедлит разрушение лесов Амазонии, ведь бразильские фермеры получают рациональный интерес поддерживать совокупный доход за счёт расширения производства. И поскольку спрос на электричество менее эластичен, чем использование автомобилей, доля угля среди углеродных выбросов растёт. В Соединённых Штатах производство угля действительно является одной из немногих невоенных отраслей промышленности, в которой сейчас рабочих больше нанимают, чем увольняют. Что ещё важнее, падение цен на ископаемые виды топлива и недостаточное предложение на кредитных рынках ослабляют предпринимательские стимулы к развитию капиталоемких ветровых и солнечных альтернатив. На Уолл-стрит акции экологической энергетики упали быстрее, чем на рынке в целом, и инвестиционный капитал фактически исчез, поставив некоторые экологически чистые стартапы, например, *Tesla Motors* или *Clear Skies Solar Inc*, перед угрозой внезапной смерти в колыбели. Налоговые кредиты, пропагандируемые Обамой, вряд ли помогут обратить вспять эту зелёную депрессию. Как сказал газете «Нью-Йорк Таймс» один венчурный инвестор, «природный газ за 6 долларов делает идею ветровой энергетики сомнительной, а солнечную энергию – невероятно дорогой» [17].

Экономический кризис даёт жениху убедительный предлог для того, чтоб бросить невесту у алтаря, поэтому крупные компании отказываются выполнять свои общественные обязательства по возобновляемой энергии. В Соединённых Штатах техасский миллиардер Т. Бун Пикенс сворачивает план строительства крупнейшей в мире ветряной электростанции, тогда как *Royal Dutch Shell* отказалась от своего плана инвестировать в ветряную электростанцию *London Array*. Правительства и партии у власти проявляют одинаковую жадность, избегая выплаты углеродных долгов. Консервативная партия Канады, поддержанная заинтересованным в нефти и угле Западом, победила либералов с их программой *Green Shift*, основанной на национальном углеродном налоге в 2007 г., а Вашингтон свернул свои главные технологические инициативы по уловлению углерода.

Находящийся на якобы более зелёной стороне Атлантики режим Берлускони – который сейчас переводит энергетическую систему Италии с нефти на уголь, – денонсировал договорённости о том, что целью ЕС является сокращение выбросов до 20% к 2020 г. («невозможная жертва»), немецкое правительство же, по словам «Файненшел Таймс», «выступив резко против того, чтобы компании платили за свои углеродные выбросы», почти полностью освободило промышленность от налогов. «Этот кризис меняет приоритеты», – смущенно пояснил министр иностранных дел Германии [18]. Да, пессимизма теперь хватает. Даже Иво де Бур, исполнительный секретарь Рамочной конвенции ООН по изменению климата, признаёт: пока продолжается экономический кризис, «ответственные правительства не смогут обязать промышленность к несению новых издержек в виде ограничений углеродных выбросов». Так что даже если невидимые руки и интервенционистские лидеры смогут перезапустить двигатели экономического роста, они вряд ли смогут вовремя выключить мировой термостат, чтобы предотвратить изменения климата. Не стоит надеяться и на то, что «Большая семёрка» или «Большая двадцатка» стремятся убрать устроенный ими беспорядок [19].

Экологическое неравенство

Климатическая дипломатия, основанная на киотско-копенгагенской схеме, предусматривает, что раз уж главные игроки приняли консенсусную науку отчётов МГЭИК, они осознают общую для всех заинтересованность в контроле над парниковым эффектом. Но глобальное потепление – это не «Война миров» Г. Уэллса, где марсиане-завоеватели демократично истребляют человечество независимо от классовой или этнической принадлежности. Изменения климата окажут драматически неравномерное влияние на различные регионы и социальные классы, нанося наибольший ущерб бедным странам с наименьшими ресурсами для адаптации. Это географическое отделение источников выбросов от их последствий для окружающей среды подрывает проактивную солидарность. Как отмечается в Программе развития ООН, глобальное потепление является самой большой угрозой для бедных и нерождённых – «двух категорий избирателей с наименьшим или нулевым политическим влиянием» [20]. Согласованные глобальные действия от их имени, таким образом, предполагают либо революционное предоставление им полномочий – сценарий, который МГЭИК не рассматривала, – либо превращение эгоизма богатых стран и классов в просвещённую «солидарность», прецедентов которой мало в истории.

С точки зрения рационального агента, последний сценарий покажется реалистичным только если доказать, что привилегированные группы не имеют никакого другого приемлемого выхода, что политика ключевых стран определяется международной общественной мыслью, и что влияние парниковых газов может быть уменьшено без значительных жертв для уровня жизни Северного полушария – а все перечисленное едва ли похоже на правду. Более того, хватает знаменитостей, таких как йельские экономисты Уильям Нордхаус и Роберт Мендельсон, утверждающих, что предпочтительнее отложить снижение выбросов до тех пор, пока бедные страны не станут более богатыми, а, следовательно, более способными самостоятельно нести расходы. Иначе говоря, вместо героического новаторства и оживления международного

сотрудничества растущее экологическое и социально-экономическое возмущение могут просто побудить элиту к безумным попыткам отгородиться от остального человечества. Глобальное снижение выбросов, в случае этого неисследованного, но не такого уж невероятного сценария, окажется молчаливо забытым – каким в определённой степени оно уже стало – ради усиленных инвестиций в выборочную адаптацию пассажиров «первого класса» планеты Земля. Целью станет создание ограждённых зелёных оазисов постоянного достатка посреди остальной опустошённой планеты.

Конечно, всё ещё будут сделки, углеродные кредиты, помощь голодным, гуманитарная акробатика, и, возможно, полный переход некоторых европейских городов и стран на альтернативные источники энергии. Но всемирная адаптация к изменениям климата, предусматривающая инвестирование триллионов долларов в городскую и сельскую инфраструктуру бедных стран и стран со средним доходом, как и субсидированная миграция десятков миллионов людей из Африки и Азии, непременно потребуют революции почти мифического размаха и перераспределения прибыли и влияния. А тем временем мы приближаемся к фатальному рандеву около 2030 г. или даже раньше, когда совокупное воздействие изменений климата, пика нефти, пика воды и дополнительные полтора миллиарда людей на планете приведут к негативным последствиям, которые мы, вероятно, даже не можем себе представить.

Фундаментальный вопрос заключается в том, мобилизуют ли богатые страны свою политическую волю и экономические ресурсы для достижения целей МГЭИК, т.е. помогут ли они бедным странам приспособиться к неизбежному, уже «реальному» показателю глобального потепления. Конкретнее: избавится ли электорат богатых стран от нынешней нетерпимости и укрепленных границ, чтобы принять беженцев из предполагаемых эпицентров засух и опустынивания: Магриба, Мексики, Эфиопии, Пакистана? Смогут ли американцы, самые скупые люди мира, если посмотреть на объем помощи иностранным государствам

на душу населения, потратить столько, сколько нужно для переезда миллионов людей, живущих под угрозой наводнения в густонаселенных районах в дельтах рек, например, в Бангладеш? И обеспечит ли добровольно агробизнес Северной Америки, вероятный выгодополучатель глобального потепления, мировую продовольственную безопасность, отказавшись от прибыли за счёт рыночной конъюнктуры, выгодной продавцу, – то есть от своего крупнейшего приоритета?

Рыночные оптимисты, конечно, укажут на многочисленные показушные программы по компенсации выбросов углерода вроде т.н. Механизма чистого развития (the Clean Development Mechanism), которые, по их мнению, обеспечат зелёные инвестиции в страны «третьего мира». Но влияние Механизма чистого развития очень незначительно, он подразумевает выплату небольших субсидий на лесовосстановление и очистку промышленных выбросов вместо основательного инвестирования в решение проблемы бытового и муниципального использования ископаемого топлива. Более того, с точки зрения развивающихся стран, Север должен осознать вызванное им экологическое бедствие и взять на себя ответственность за его устранение. Бедные страны справедливо возмущены логикой, согласно которой наибольшее бремя приспособления к эпохе антропоцена должно быть возложено на тех, кто наименее причастен к выбросам углерода и кто получил меньше выгоды от промышленной революции последних двух веков. Недавний подсчёт цены экономической глобализации для окружающей среды с 1961 г. – в плане исчезновения лесов, изменения климата, чрезмерного вылова рыбы, разрушения озонового слоя, сокращения мангровых экосистем и экстенсивного сельского хозяйства – свидетельствует о том, что богатые страны вызвали 42% разрушений окружающей среды во всём мире, оплачивая при этом только 3% конечных затрат [21].

Радикалы Юга могут справедливо указать и на другой долг. В течение 30 лет города в развивающихся странах росли с головокружительной скоростью, без одновременных государственных

капиталовложений в инфраструктуру, хозяйство и здравоохранение. К этому отчасти привели долги диктаторов по сделкам с заграницей, к уплате которых принуждал Международный валютный фонд, а также сокращения и перераспределения общественных расходов по «программе структурной перестройки» Всемирного банка. Эту всепланетную нехватку возможностей и социальной справедливости лучше всего подтверждает тот факт, что более 1 миллиарда человек, по информации Программы ООН по населённым пунктам, ныне живут в трущобах и их количество до 2030 может вырасти вдвое. Такое же или даже большее количество людей переместится в т.н. неформальный сектор (эвфемизм, принятый в странах «первого мира» для обозначения массовой безработицы). Между тем, чисто демографическая инерция приведёт в ближайшие 40 лет к росту мирового городского населения до 3 миллиардов, 90% из которых сосредоточится в бедных городах. Никто – ни ООН, ни Всемирный банк, ни Большая двадцатка – не имеет представления о том, как обеспечить биологическое выживание людей, не говоря уже об их счастье и достоинстве, на планете трущоб, одолеваемой продуктовым и энергетическим кризисом.

Наиболее глубокое из современных исследований возможно воздействия глобального потепления на сельское хозяйство тропиков и субтропиков – работа Уильяма Клайна, в которой рассмотрены разные страны по отдельности. Клайн сопоставляет климатические прогнозы с процессом переработки урожая и неорикарданскими моделями объёма сельскохозяйственного производства, подразумевающими те или иные объёмы двуокиси углерода в качестве удобрения. Он пытается понять, каким образом станет возможно обеспечение человечества продовольствием в будущем. Перспектива мрачная. Даже в самых оптимистичных моделях Клайна системы сельского хозяйства Пакистана (минус 20% от нынешней выработки ферм) и Северо-Западной Индии (минус 30%), вероятно, придут в упадок, как и многие хозяйства Среднего Востока, Магриба, пояса Сахель, части Южной Африки, Вест-Индии, Мексики. Двадцать девять развивающихся

стран обречены на потерю 20 или более % их нынешнего объёма сельскохозяйственной продукции из-за глобального потепления, тогда как сельское хозяйство и без того богатого Севера может получить в среднем 8% прибыли [22].

Эта возможное ослабление сельского хозяйства в развивающихся странах выглядит ещё более зловеще в контексте предупреждения ООН о том, что для спасения жителей Земли от голода к середине века придётся удвоить производство продовольствия. Продовольственный кризис 2008 г., усугублённый биотопливным бумом, является лишь скромным предвестником того хаоса, к которому мы можем скоро прийти из-за истощения ресурсов, непреодолимого неравенства и изменения климата. Перед лицом этой опасности сама человеческая солидарность может дать трещину, как ледниковый шельф Западной Антарктики, и распасться на тысячу осколков.

2/

Оптимизм воображения

Научные исследования начались слишком поздно, чтобы противостоять нескольким одновременным вызовам: пику роста населения, коллапсу сельского хозяйства, внезапным изменениям климата, пику нефти, пику воды (в некоторых регионах) и накопившимся проблемам приходящих в упадок городов. Неудивительно, что предупреждение немецкого правительства, Пентагона и ЦРУ о возможных последствиях комплексного кризиса для национальной безопасности получило «голливудскую» огласку. Как говорится в недавно опубликованном Отчёте о человеческом развитии, «Неотложность проблемы изменения климата не имеет прямых исторических аналогов» [23]. Хотя палеоклиматология может помочь учёным предсказать нелинейную физику Земли в условиях потепления, не существует ни исторического прецедента, ни выгодной отправной позиции для понимания того, что произойдёт в 2050-х, когда максимальная видовая популяция в 9–10 миллиардов будет бороться за приспособление к клима-

тическому хаосу и за исчерпывающиеся запасы ископаемого топлива. Почти любой сценарий, от коллапса цивилизации до нового золотого века термоядерной энергии, может сбыться при жизни наших внуков.

Однако мы можем быть уверены, что город и дальше будет эпицентром всех этих процессов. Хотя в переходе к новой геологической эпохе принципиальную роль сыграли вырубка лесов и выращивание монокультур на экспорт, главным фактором стал почти экспоненциальный рост углеродных «следов» в городских регионах Северного полушария. Нагрев и охлаждение городской среды ответственны за 35–45% нынешних углеродных выбросов, городские отрасли промышленности и транспорт – ещё за 35–40%. В определённом смысле городская жизнь быстро уничтожает экологическую нишу – голоценовую климатическую стабильность, благодаря которой и стала возможной эволюция этой самой жизни в сторону усложнения.

Но здесь есть невероятный парадокс. То, что делает городские территории столь несоответствующими принципам устойчивого развития, – это наличие, даже в крупнейших мегагородах, крайне антигородских или пригородных элементов. Первый из них – экстенсивное расширение по горизонтали, которое сочетается с разрушением жизненно важных природных ресурсов, – водоносного горизонта, водоразделов, огородных хозяйств, лесов, экосистем побережья – и подразумевает большие затраты на инфраструктуру для разросшихся пригородных территорий. Результат – гротескно большие экологические «следы» с сопутствующим усилением транспортного и воздушного загрязнения и чаще всего неконтролируемым накоплением мусора. Там, где формы существования городов диктуют спекулянты и застройщики, где обходят демократический контроль планирования и использования ресурсов, там предсказуемым социальным последствием является крайняя пространственная сегрегация по имущественному и этническому признаку, как и наличие сред, опасных для детей, пожилых людей и людей с осо-

быми потребностями. Развитие городских центров предусматривает джентрификацию через выселение, которое разрушает городскую культуру рабочего класса. К этому мы можем добавить социополитические черты мегаполиса в условиях капиталистической глобализации: рост трущоб и неформальной занятости на периферии, приватизация общественного пространства, война низкой интенсивности между полицией и малообеспеченными преступниками, исход богачей в стерильные исторические центры или ограждённые пригороды.

И наоборот, свойства, которые являются наиболее «городскими», даже в масштабах маленьких городов, сочетаясь, образуют механизм самоусиления. Там, где четко определены границы между городом и сельской местностью, рост города может сохранить открытое пространство и важные природные системы, в то же время работая на безопасную для окружающей среды экономику, подразумевающую развитие системы транспорта и жилищного строительства. Передвижение к городским центрам от периферии становится более доступным и лучше регулируемым. Мусор более легко перерабатывается, а не вывозится на окраины и дальше. В этих классических городах на смену приватизированному потреблению приходит общественное богатство – посредством социализации желания и идентичности внутри коллективного городского пространства. Большие территории общественного и некоммерческого строительства воспроизводят по принципу фрактала этническую и имущественную гетерогенность во всём городе. Общедоступные коммунальные услуги спроектированы с учётом запросов детей, пожилых людей и людей с особыми потребностями. Механизмы демократического контроля предоставляют большие возможности для прогрессивного налогообложения и планирования с высоким уровнем политической мобилизации и общественного участия, приоритетом общественной памяти над культом частного предпринимательства, а также для пространственной интеграции работы, отдыха и личной жизни.

Саморегулирующийся город

Такие резкие разграничения между «хорошими» и «плохими» чертами городской жизни напоминают о попытках XX века выявить суть канонического урбанизма или антиурбанизма: Льюис Мамфорд и Джейн Джекобс, Фрэнк Ллойд Райт и Уолт Дисней, Корбюзье и манифест Международного конгресса современной архитектуры, «новый урбанизм» Андре Дюани и Питера Калторпа и т. д. Но никому не нужны теоретики урбанизма, чтобы составить мнение о преимуществах и недостатках городской среды и типах социального взаимодействия, которым она способствует или препятствует. И в этих моральных выкладках часто остаётся незамеченной закономерная близость между социальной справедливостью и экологической справедливостью, между этосом сообщества и зелёным урбанизмом. А ведь эти вещи тесно, если не неразрывно, связаны друг с другом. Например, охрана городских зелёных и водных зон одновременно является охраной живых природных элементов метаболизма города, предоставляет ресурсы для досуга и культурного обогащения народных слоев. Уменьшение заторов в пригородах путём улучшения планирования и увеличения количества общественного транспорта возвращает автомобилистов в собственные кварталы, одновременно сокращая выбросы парниковых газов.

Есть множество примеров, указывающих на единственный объединяющий принцип: краеугольным камнем для города с низким количеством выбросов является приоритет всеобщего благосостояния над частным капиталом – в большей степени, чем любой зелёный дизайн или технология. Как известно, для того чтобы всё человечество жило в пригородных домиках с двумя машинами и лужайкой, понадобилось бы ещё несколько планет, и об этом очевидном ограничении иногда вспоминают, чтобы оправдать исчерпаемостью ресурсов невозможность роста уровня жизни. Большинство современных городов, как в богатых, так и в бедных странах снижают эффективность охраны окружающей среды. Эта проблема напрямую связана с плотностью расселения. Экологический гений города остаётся неисчер-

паемой, в основном скрытой силой. Но «ёмкости» планеты будет достаточно, если двигателем равенства в условиях устойчивого развития сделать демократическое общественное пространство, а не модульное частное потребление. Общее благосостояние – представленное крупными городскими парками, бесплатными музеями, библиотеками и бесконечными возможностями для человеческого взаимодействия – вот альтернативный путь к высоким жизненным стандартам, основанным на дружественном к Земле характере общества. Хотя это редко замечают академические теоретики урбанизма, кампусы университетов зачастую являются островками квазисоциалистического рая рядом с публичными пространствами для обучения, исследований, культурной деятельности, а также местами для воспроизводства.

Утопической экологической критике современного города положили начало социалисты и анархисты: начиная с мечты о гильдейском социализме, на которую повлияли биорегионалистские идеи Кропоткина, а позже – Геддеса, о городах-садах для английских рабочих, вернувшихся к ремесленничеству, и заканчивая обстрелянным в 1934 г., во время гражданской войны в Австрии, Карл-Маркс-Хофом, площадкой крупного коммунального эксперимента в Красной Вене. В промежутке мы найдем кибуцы, изобретенные российскими и польскими социалистами, модернистские проекты общественного жилья, разработанные Баухаузом, и активное обсуждение урбанизма в Советском Союзе в 1920-х гг. Это радикальное урбанистское воображение стало жертвой трагедий 1930-х – 40-х гг. С одной стороны – сталинизм, переориентировавшийся на монументальный стиль в архитектуре и искусстве, лишенный человеческого масштаба и фактуры, и потому не сильно отличавшийся от вагнеровских гипербол Альберта Шпеера в Третьем Рейхе. С другой стороны – послевоенная социал-демократия, которая, отказавшись от идеи альтернативного города ради кейнсианской политики массового жилья и сконцентрировавшись на масштабном строительстве высоток в дешёвых пригородных массивах, тем самым подорвала традиционные идентичности городского рабочего класса.

Однако дискуссии о «социалистическом городе» в конце XIX и начале XX века предоставляют важнейшую отправную точку для размышлений о современном кризисе. Остановимся, например, на конструктивистах. Эль Лисицкий, Мельников, Леонидов, Голосов, братья Веснины и другие выдающиеся социалистические дизайнеры – в то время ограниченные нищетой городов и глубокой нехваткой государственного инвестирования в раннем Союзе – предложили облегчить жизнь в тесных квартирах за счёт просторных рабочих клубов, народных театров и спорткомплексов. Сделав упор на эмансипацию трудящихся женщин, они взялись за проекты коммунальных кухонь, дневных детских садов, общественных бань, различных кооперативов. Они понимали, что рабочие клубы и общественные центры будут в итоге связаны с гигантскими фордистскими предприятиями и многоэтажными массивами, «социальным выражением» новой пролетарской цивилизации, поэтому также разрабатывали практическую стратегию повышения стандартов жизни бедных городских рабочих, условия существования которых оставались суровыми.

В контексте глобальной чрезвычайной ситуации в экологии конструктивистский проект можно рассматривать как подтверждение того, что эгалитарные аспекты городской жизни закономерно способствуют в социологическом и физическом плане сохранению ресурсов и ослаблению изменения климата. Действительно, на сокращение парниковых выбросов или адаптацию человеческих жилищ к антропоцену можно не надеяться, если движение за контроль над глобальным потеплением не будет объединено с борьбой за повышение уровня жизни и уничтожение мировой бедности. В реальной жизни, вне упрощённых сценариев МГЭИК, это означает участие в борьбе за демократический контроль над городским пространством, потоками капитала, использованием ресурсов и масштабными средствами производства.

Внутренний кризис современной экологической политики заключается именно в отсутствии смелых концепций, которые бы отвечали на вызовы бедности, энергопотребления, сохранения биоразнообразия и изменения климата в рамках целостного видения

человеческого развития. На микроуровне, конечно, были сделаны огромные шаги в развитии альтернативных технологий и энергосберегающего жилья, но демонстрационные проекты в богатых районах и богатых странах не спасут мир. Состоятельный человек ведь уже сейчас может выбирать среди разнообразия проектов экологической жизни, но в чем же состоит окончательная цель: в том, чтоб дать знаменитостям-альтруистам возможность похвастаться своим «безуглеродным» стилем жизни, или в том, чтобы привнести солнечную энергию, туалеты, педиатрические клиники и общественный транспорт в бедные городские сообщества?

Вне зелёной зоны

Чтобы решить проблему устойчивого развития городов всей планеты, а не нескольких привилегированных стран или социальных групп, требуется мощная работа воображения, вроде той, что происходила в искусствах и науках времени расцвета (May Days) ВХУТЕМАС и Баухауза. Необходима радикальная готовность мыслить вне рамок неолиберального капитализма, мыслить в направлении глобальной революции, которая бы реинтегрировала труд как работников неформального сектора, так и сельской бедноты в процесс восстановления их городских сред и жизненных ресурсов на принципах устойчивого развития. Конечно, этот сценарий вопиюще нереалистичен, но уж лучше надеяться на то, что сотрудничество архитекторов, инженеров, экологов и активистов сыграет хоть и небольшую, но значительную роль в создании альтернативного мира, чем подчиниться будущему, в котором дизайнеры являются лишь нанятыми элитой «имаджинерами». Планетарные «зелёные зоны» способны предоставлять поистине фараоновские возможности для монументализации личных фантазий, но моральные вопросы архитектуры и планирования могут быть решены только путем строительства многоквартирных домов и расширения «красных зон».

С этой точки зрения, только вернувшись к откровенно утопическому мышлению, мы сможем прояснить для себя минимально

необходимые условия сохранения человеческой солидарности перед лицом комплексного всепланетного кризиса. Я, кажется, понимаю, что имели в виду итальянские архитекторы-марксисты Тафури и Франческо Даль Ко, когда предостерегали от «возвращения к утопии», но, чтобы поднять наше воображение на уровень, адекватный вызову антропоцена, мы должны воображать альтернативные конфигурации агентов, практик и социальных связей, а это, в свою очередь, требует отказа от политико-экономических принципов, привязывающих нас к нынешнему состоянию. Но утопизм – это не обязательно милленаризм*, не ограничивается он и трибунами или кафедрами. Одной из наиболее обнадеживающих перемен в том новом интеллектуальном пространстве, где исследователи и активисты обсуждают влияние глобального потепления на развитие планеты, стала готовность отстаивать Необходимое, а не Практическое. Растёт хор экспертов, предупреждающих: либо мы будем бороться за «невозможные» разрешения усугубляющегося кризиса, связанного с городской бедностью и изменением климата, либо мы сделаемся соучастниками самой настоящей сортировки человечества.

Поэтому я считаю, что мы можем радоваться недавней педеровице «Nature». Объясняя, что «вызовы бурной урбанизации требуют целостных, мультидисциплинарных подходов и нового мышления», редакторы призывают богатые страны финансировать безуглеродную революцию в городах развивающихся стран. «Может показаться утопическим, – пишут они, – внедрять подобные инновации в новых мегагородах развивающихся стран, многие жители которых с трудом могут позволить себе крышу над головой. Но эти страны уже показали способность к быстрому технологическому развитию, например, оперативно внедрили мобильную связь для потребностей наземной инфраструктуры. Кроме того, многие бедные страны имеют значительный опыт адаптации архитектуры к местным практикам, среде и климату –

* Милленаризм – убежденность религиозной, социальной или политической группы или движения во взаимосвязи кардинальных преобразований общества с тысячелетними циклами (Прим. ред.)

собственный подход к интегрированному дизайну, который почти утрачен на Западе. Теперь у них есть возможность сочетать этот традиционный подход с современными технологиями» [24].

Подобным образом и Отчёт ООН по человеческому развитию предупреждает, что «будущее человеческой солидарности» зависит от того, насколько глобальная благотворительная программа поможет развивающимся странам адаптироваться к изменению климата. Отчёт призывает к устранению «препятствий для быстрого кредитования низкоуглеродных технологий, необходимых для борьбы с изменением климата» – «бедное население планеты не может быть оставлено на произвол судьбы со своими собственными ресурсами, пока богатые страны спасают своих граждан за стенами климатозащитных укреплений». «Прямо говоря», – написано дальше, – «для бедняков всего мира и будущих поколений неприемлемы самоуспокоение и уход от ответственности, которые по-прежнему имеют место на международных переговорах об изменении климата». Отказ решительно действовать от имени всего человечества был бы «моральным поражением, которое не имеет прецедентов в истории» [25]. Если это звучит как сентиментальный призыв к построению баррикад, как эхо аудиторий, улиц и студий сорокалетней давности, то пусть будет так, ибо на основании имеющихся у нас доказательств можно утверждать: «реалистическое» видение перспектив человечества, подобно видению головы Медузы, просто превратит нас в камень.

Примечания

1 Статья представляет собой текст доклада в Центре социальной теории и сравнительной истории Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе в январе 2009.

2 Отвратительный Патрик Михаэлс из Института Катона, *Washington Times*, 12 February 2005.

3 Jan Zalasiewicz et al., 'Are We Now Living in the Anthropocene?', *GSA Today*, vol. 18, no. 2, February 2008.

4 Zalasiewicz, 'Are We Now Living in the Anthropocene?'

5 Более того, три ведущих члена Рабочей Группы 1 заявили, что в Докладе сознательно недооцениваются риски подъёма уровня моря и игнорируется новое исследование нестабильности ледников Гренландии и Западной Антарктиды. См. Дебаты в 'Letters', Science 319, 25 January 2008, pp. 409–10.

6 James Hansen, 'Global Warming Twenty Years Later: Tipping Point Near', Testimony before Congress, 23 June 2008.

7 Scientific Committee on Problems of the Environment (Scope), The Global Carbon Cycle, Washington, dc 2004, pp. 77–82; and IPCC, Climate Change 2007: Mitigation of Climate Change: Contribution of Working Group III to the Fourth Assessment Report, Cambridge 2007, pp. 172 and 218–24.

8 Scope, The Global Carbon Cycle, p. 82.

9 International Energy Agency, Energy Technology Perspectives: In support of the G8 Plan of Action—Executive Summary, Paris 2008, p. 3.

10 Josep Canadell et al., 'Contributions to Accelerating Atmospheric co2 Growth', Proceedings of the National Academy of Sciences 104, 20 November 2007, pp. 18,866–70.

11 Global Carbon Project, Carbon Budget 2007, p. 10.

12 Elisabeth Rosenthal, 'Europe Turns Back to Coal, Raising Climate Fears', New York Times, 23 April 2008.

13 Stephen Ansolabehere et al., The Future of Coal, Cambridge, MA 2007, p. xiv.

14 Pew Center on Global Climate Change, quoted in Matthew Wald, 'Coal, a Tough Habit to Kick', New York Times, 25 September 2008.

15 UN Human Development Report 2007/2008: Fighting Climate Change: Human Solidarity in a Divided World, p. 7.

16 IEA report quoted in Wall Street Journal, 7 November 2008.

17 Clifford Krauss, 'Alternative Energy Suddenly Faces Headwinds', New York Times, 21 October 2008.

18 Peggy Hollinger, 'EU Needs Stable Energy Policy, EDF Warns', Financial Times, 5 October 2008.

19 Позорный фарс в Копенгагене, увенчанный отчаянной ложью Обамы о соглашении, показал, что пропасть между народами меньше, чем моральная бездна между правительствами и человечеством. В то же время знаменитые 2°C дополнительного потепления, которые президент и премьер уже обещали не допустить, уже делают своё дело с мировым оке-

аном: будущее, которое произойдёт, даже если все углеродные выбросы завтра прекратятся. (Об «остановленном» потеплении и основополагающей иллюзии копенгагенского соглашения, см. статью с тревожным, хотя и неуклюжим заголовком Scripps Institution researchers V. Ramanathan and Y. Feng: 'On Avoiding Dangerous Anthropogenic Interference with the Climate System: Formidable Challenges Ahead', Proceedings of the National Academy of Science 105, 23 September 2008, pp. 14,245–50.)

20 UN Human Development Report 2007/2008, p. 6.

21 U. Srinivasan et al, 'The Debt of Nations and the Distribution of Ecological Impacts from Human Activities', Proceedings of the National Academy of Science 105, 5 February 2008, pp. 1,768–73.

22 William Cline, Global Warming and Agriculture: Impact Estimates by Country, Washington, 2007, pp. 67–71, 77–78.

23 UN Human Development Report 2007/2008, p. 6.

24 'Turning blight into bloom', Nature, 11 September 2008, vol. 455, p. 137.

25 UN Human Development Report 2007/2008, pp. 6, 2.

Оригинал: Mike Davis, Who Will Build The Ark? New Left Review 61, January-February 2010. Перевод Дмитрия Райдера, впервые опубликован в журнале <http://22century.ru/>.

Барон Осман* в тропиках

Коренная причина разрастания трущоб в городах,
как представляется, лежит не в городской нищете,
но в городском богатстве.

Гита Верма [1]

Поляризованные модели землепользования и плотность населения напоминают старую логику имперского контроля и расового господства. Повсюду в «третьем мире» постколониальные элиты унаследовали и ревностно воспроизвели физические признаки изолированного колониального города. Несмотря на риторику национального освобождения и социальной справедливости, они активно адаптировали расовое зонирование колониального периода для защиты своих собственных классовых привилегий и пространственной обособленности.

В Индии независимость также мало изменила географию обособления эпохи раджей. Кальпана Шарма в своей книге о «крупнейших трущобах Азии», «Rediscovering Dharavi**», подчеркивает, что «неравенство, определявшее Бомбей в качестве колониального портового города, сохранилось... Инвестиции всегда найдутся, чтобы украсить уже хорошо обеспеченные части города. Но никогда нет денег, чтобы обеспечить даже самые элементарные услуги в бедных районах» [2]. Нандини Гупту показала, как «социалистическая» Партия Конгресса, которая в 1930-х

* Барон Осман – архитектор Жорж Эжен Осман, перестроивший в 1850-60-е гг. значительную часть Парижа в целях предотвратить в дальнейшем (после опыта революции 1848 г.) возможность баррикадного уличного сопротивления и создать максимальное удобство для маневра войск при уличных беспорядках. При этом средневековые кварталы города были практически полностью уничтожены.

** Дхарави – пригород Мумбаи (бывш. Бомбея), крупнейший в Азии район трущоб.

и 1940-х годах восхваляла «гариб джаната» (простых людей), превратилась после обретения независимости в рьяного хранителя колониальной городской обособленности и социального разделения. «Прямо или косвенно, бедные были лишены места в гражданской жизни и городской культуре, и рассматривались как препятствие на пути прогресса и улучшения жизни общества» [3].

Городская сегрегация – это не замороженный статус-кво, но непрерывная социальная война, в которую регулярно вмешивается государство во имя «прогресса», «благоустройства» и даже «социальной справедливости для бедных», перекраивая границы в пользу землевладельцев, иностранных инвесторов, элитных домовладельцев, а также принадлежащих к среднему классу жителей пригородов. Как и в Париже 1860-х годов под фанатической властью барона Османа, городская перепланировка по-прежнему направлена на максимизацию и частной прибыли, и социального контроля. Масштаб переселений колоссален: каждый год в странах «третьего мира» сотни тысяч бедняков – законных арендаторов, а также сквоттеров – выселяются насильственно. Городские бедняки в результате становятся кочевниками, «находящимися в состоянии постоянного перемещения» [4].

В крупных городах «третьего мира» принуждающую, паноптическую роль «Османа», как правило, играют специальные учреждения, занимающиеся вопросами развития. Финансируемые оффшорными кредиторами вроде Всемирного банка и защищенные от местных вето, они призваны создавать и защищать острова кибер-современности среди неудовлетворенных потребностей города и общей экономической неразвитости.

Соломон Бенджамин изучил пример Бангалора, в котором группа *Agenda Task Force*, контролирующая принятие городских стратегических решений, находится в руках главы муниципалитета и крупных корпораций, при незначительной подотчетности местным выборным представителям. «Стремление политической элиты превратить Бангалор в Сингапур привело в итоге к массовым выселениям и сносу кварталов, особенно мелких предпри-

ятий, сконцентрированных в производственных районах города. Землю после сноса перераспределили в соответствии с генеральным планом между группами, заинтересованными в увеличении своей прибыли, в числе которых были корпорации» [5].

Аналогичным образом в Дели, как считает Банашри Чаттерджимитра, правительство полностью «отказывается от предоставления земли для жилья малоимущим», позволяя захватить ее среднему классу. Целью властей было выселение или «добровольное переселение» почти полумиллиона сквоттеров [6]. Опыт индийской столицы безжалостно подтверждает слова Джереми Сибрука о том, что «термин инновационная инфраструктура» – это новое кодовое обозначение бесцеремонного очищения города от хрупких убежищ бедняков» [7].

В отличие от Парижа эпохи Второй империи, современная «османизация» часто захватывает центр – во имя неблагодарного высшего класса, чьи чемоданы уже упакованы для переезда в пригород. Если бедные ожесточенно сопротивляются выселению из городского центра, то хорошо обеспеченные жители добровольно обменивают свои старые кварталы на окруженные стенами окраинные районы. Конечно, старые «золотые берега» остались – Замалек в Каире, Ривьера в Абиджане, остров Виктория в Лагосе, и так далее, – но новой глобальной тенденцией с начала 1990-х был взрывной рост обособленных, закрытых пригородов на окраине городов «третьего мира». Даже (или особенно) в Китае закрытые сообщества были названы «наиболее значительной тенденцией развития в современном городском планировании и дизайне» [8].

Эти «внешние миры» (off worlds) – если использовать терминологию «Бегущего по лезвию»^{*} – часто представлены в виде

* «Бегущий по лезвию» – фильм Р.Скотта, снятый в 1982 году по роману американского писателя-фантаста Филипа К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?». Внешними мирами в нем названы колонизируемые людьми планеты, в то время как Земля представляет собой мрачное урбанизированное место.

копий Южной Калифорнии. Так, «Беверли Хиллз» – это не только почтовый индекс 92102, это еще и похожий на Утопию и Страну Грез пригород Каира – богатый частный город, «жители которого могут оставаться вдали от зрелища и остроты бедности, насилия и политического ислама, которыми, по-видимому, пропитаны окрестности» [9]. Схожим образом, в северном предместье Пекина есть «округ Ориндж», представляющий собой закрытое поместье из домов ценой в миллионы долларов в калифорнийском стиле, спроектированных архитектором из Ньюпорт Бич и с интерьером от Марты Стюарт. Лаура Руджери сравнивает роскошный образ жизни обитателей этой «импортированной» Калифорнии в тамошних больших полуособняках с условиями жизни их филиппинских домработниц, которые спят в похожих на курятники сараях на крышах домов [10].

Бангалор, конечно, прославился воссозданием в своих южных пригородах образов жизни Пало-Альто и Саннивейла, в комплексе со «Старбакс» и мультиплексами. Богатые экспатрианты (официально «временно проживающие индийцы») живут, как и в Калифорнии, в «эксклюзивных «сельских домах»» и многоквартирных зданиях с собственными бассейнами, клубами здоровья, частной охраной, 24-часовым резервным электроснабжением и эксклюзивными клубными услугами» [11]. Липпо Каравачи в округе Тангеранг к западу от Джакарты не имеет американского названия, но у него есть иной способ «имитации» пригорода Западного побережья: он может похвастаться более или менее самодостаточной инфраструктурой «с больницей, торговым центром, кинотеатром, спортивными и гольф-клубами, ресторанами и университетом». Он тоже находится внутри закрытого района, известного в округе как «абсолютно охраняемая зона» [12].

Поиски безопасности и социальной обособленности носят навязчивый и универсальный характер. В центральных и пригородных районах Манилы ассоциации богатых домовладельцев ограждают улицы общественного пользования и выступают за снос трущоб. Бернер описывает обособленный район Лойола

Хайтс вблизи университета: «Тщательно разработанная система железных ворот, блокпостов и контрольно-пропускных пунктов отмечает границы этого района и отрезает его от остальной части города, по крайней мере, на ночь... Угрозы для жизни, физической неприкосновенности и собственности составляют главный предмет обеспокоенности состоятельных жителей. Дома превратились в настоящие крепости, окруженные высокими стенами, увенчанными стеклянными осколками и колючей проволокой, с тяжелыми железными прутьями на всех окнах» [13].

Эта «архитектура страха», как Тунде Агбола называет подобный образ жизни в Лагосе, является обычным явлением в странах «третьего мира» и в некоторых частях первого, но достигает крайней степени в крупных городских сообществах с большим социально-экономическим неравенством: в Южной Африке, Бразилии, Венесуэле и Соединенных Штатах [14].

В Бразилии самый известный обнесенный стенами американизированный город-спутник – это Альфавилль, в северо-западной части квадранта большого Сан-Паулу. Названный (в качестве извращенной шутки) в честь мрачного нового мира из антиутопического фильма Годара, Альфавилль является полностью частным городом с большим офисным комплексом, эксклюзивным торговым центром и обнесенными стенами жилыми районами – все это под защитой более чем 800 частных охранников.

Города на окраине Йоханнесбурга и Сан-Паулу (как и в Бангалоре с Джакартой) являются самодостаточными «внешними мирами», так как они включают большую базу занятости, а также основную часть розничной торговли и культурной инфраструктуры традиционного городского центра. В случаях же чисто жилых анклавов строительство высокоскоростных магистралей – как в Северной Америке – было неперенным условием субурбанизации изобилия.

Частные автомагистрали в Буэнос-Айресе в настоящее время позволяют богатым жить в их загородных элитных домах в далеком Пилар и ездить на работу в офисы в центр города. (У Гран-Буэнос-Айреса также есть амбициозный город-спутник

или *megaempredimiento*, названный Нордельта, чья финансовая жизнеспособность является сомнительной) [15]. В Лагосе, аналогичным образом, был проложен широкий коридор через густонаселенные трущобы с целью создания скоростной автомагистрали для менеджеров и государственных чиновников, живущих в богатом пригороде Аджа.

Важно осознавать, что мы имеем дело с реорганизацией пространства крупных городов, приводящей к резкому уменьшению возможности пересечения между жизнью богатых и бедных, что выходит за рамки традиционной социальной сегрегации и фрагментации городской среды. Некоторые бразильские авторы в последнее время говорят о «возвращении в средневековый город», но последствия выхода среднего класса из общественного пространства более радикальны [16]. Роджерс, вслед за Гидденсом, обозначает суть этого процесса, как «открепление» (*disembedding*) деятельности элиты от местных территориальных условий, квазиутопическую попытку уйти от удушающей матрицы нищеты и социального насилия [17].

Превращенные в подобие крепостей, анклавов и города-на-окраине, отделенные от собственных социальных ландшафтов, но включенные в парящую в цифровом эфире кибер-Калифорнию глобализации, возвращают нас к Филипу К. Дику. В этой «позолоченной клетке», добавляет Джереми Сибрук, буржуа городов «третьего мира» «перестают быть гражданами своей страны и становятся кочевниками, принадлежащими внетерриториальной топографии денег; они становятся патриотами богатства, националистами иллюзорного и золотого Нигде» [18].

Примечания

- 1 Gita Verma, *Slumming India: A Chronicle of Slums and Their Saviours*, London 2003, p. XIX
- 2 Kalpana Sharma, *Rediscovering Dharavi*, Delhi 2000, p. 8
- 3 Nandini Gooptu, *The Politics of the Urban Poor in Early Twentieth-Century India*, Cambridge 2001, p. 421

- 4 Tunde Agbola, *Architecture of Fear*, IFRA, Ibadan 1997, p. 51
- 5 Solomon Benjamin, «Globalization's Impact on Local Government», *UN Habitat Debate* 7:4 (December 2001), p. 25
- 6 Banashree Chatterjimitra, «Land supply for low-income housing in Delhi, in Baken and van der Linden, pp. 218-29; and Neelima Risbud, «Policies for Tenure Security in Delhi», in Durand-Lasserve and Royston (eds.), *Holding Their Ground: Secure Land Tenure for the Urban Poor in Developing Countries*, London 2002, p. 61.
- 7 Jeremy Seabrock, *In the Cities of the South: Scenes from a Developing World*, London 1996, p. 267
- 8 Pu Miao, «Deserted Streets in a Jammed Town: The Gated Community in Chinese Cities and Its Solution», *Journal of Urban Design* 8:1 (2003), p. 199
- 9 Asef Bayat and Eric Denis, «Who is afraid of ashwaiyat?», *Environment and Urbanization* 17:2 (October 2000), p. 199
- 10 Laura Ruggeri, «Palm Springs. Imagineering California in Hong Kong», 1991/94, author website (www.spacing.org).
- 11 Solomon Benjamin, «Governance, economic settings and poverty in Bangalore», *Environment and Urbanization* 12:1 (April 2000), p. 39
- 12 Harald Leisch, «Gated Communities in Indonesia», *Cities* 19:5 (2002), pp. 341 & 344-45
- 13 Berner, *Defending a Place*, p. 163
- 14 Описание домов-крепостей Лагоса см. Agbola, pp. 68-69
- 15 Guy Thuillier, «Gated Communities in the Metropolitan Area of Buenos Aires», *Housing Studies* 20:2 (March 2005), pp. 258-59
- 16 Amalia Geraiges De Lemos, Francisco Scarlato and Reinaldo Machado, «O retorno a cidade medieval: os condomínios fechados da metropole paulistana», in Luis Cabrales (ed.), *Latinoamerica: países abiertos, ciudades cerradas*, Guadalajara 2000, pp. 217-36
- 17 Dennis Rodgers, «“Disembedding” the city: crime, insecurity and spatial organization in Managua», *Environment and Urbanization* 16:2 (October 2004), p. 123
- 18 Seabrock, p. 211

Оригинал: <http://world-information.org/wio/readme/992003309/1154965269>.
 Перевод Дмитрия Райдера, впервые опубликован в журнале «Скепсис»,
<http://scepsis.net/>.

Планета трущоб

В скором будущем в лагосской трущобе Айегунле родит женщина, или молодой человек сбежит из своей деревни в западной части Явы в Джакарту, или фермер со своей обнищавшей семьей переселится в одну из бесчисленных *pueblos jóvenes* Лимы. Само по себе такое событие не будет иметь большого значения и останется полностью незамеченным. Тем не менее, оно послужит своеобразным водоразделом в истории человечества. Впервые городское население по численности превзойдет деревенское. И, принимая во внимание несовершенство переписей, проводимых в «третьем мире», этот эпохальный переход, возможно, уже совершился. Урбанизация планеты разворачивалась быстрее, чем изначально предсказывал в печально известном мальтузианском докладе «Пределы роста» Римский клуб. В 1950 году в мире было 86 городов с населением более одного миллиона человек; сегодня таких городов 400, а к 2015 году их будет по меньшей мере 550. Города уже поглотили почти две трети глобального демографического взрыва, который начался в середине прошлого столетия, и в настоящее время они пополняются миллионом младенцев и мигрантов в неделю. Городское население (3,2 миллиарда человек) превосходит сегодня по численности все население мира в 1960 году. Между тем, глобальная деревня уже достигла своего максимального населения (3,2 миллиарда человек) и начнет сокращаться после 2020 года. В результате города будут обеспечивать весь будущий прирост мирового населения, численность которого, по прогнозам, к 2050 году достигнет своего максимума и составит примерно 10 миллиардов человек.

Где герои, колонизаторы, жертвы Метрополиса?
Брехт, предисловие к Дневнику, 1921.

Девяносто пять процентов умножившегося человечества будет обитать в городских пространствах развивающихся стран, население которых в течение следующего поколения достигнет почти 4 миллиардов [1]. (А население Китая, Индии и Бразилии уже почти равно населению Европы и Северной Америки.) В лучшем случае нас ждет зарождение новых мегагородов с населением, превышающим 8 миллионов, а скорее даже гипергородов с населением более 20 миллионов жителей (примерно таким было население земного шара во времена Французской революции). В 1995 году этого порога достиг Токио. К 2005, согласно *Far Eastern Economic Review*, только в Азии будет 10–11 городских образований такого порядка, включая Джакарту (24,9 млн.), Дакку (25 млн.) и Карачи (26,5 млн.). Шанхаю, рост которого десятилетиями тормозился маоистской политикой сознательного сдерживания урбанизации, возможно, придется вместить 27 миллионов жителей, расселенных по огромному урбанизированному устью. А вот население Мумбаи (Бомбея), согласно прогнозам, достигнет 33 миллионов, хотя никто не знает, насколько в принципе биологически и экологически устойчива такая гигантская концентрация нищеты.

Но если мегагорода это самые яркие звезды на урбанистическом небосклоне, то рост населения на 75% будет приходиться на малоприметные города второго ряда и более мелкие городские образования, в которых, как подчеркивается в докладе ООН, «нет или почти нет планов по расселению людей и предоставлению им услуг» [2]. В Китае (где в 1997 городское население, по официальным данным, составляло 43%) количество поселений со статусом города с 1978.года возросло с 193

до 640. Но крупные метрополисы, несмотря на необычайный рост, утратили в относительной доле городского населения. Именно малые города и недавно ставшие городами поселения выбрали большую часть сельской рабочей силы, которая оказалась избыточной в результате начавшихся в 1979 году рыночных реформ [3]. Также в Африке взрывной рост нескольких гигантов вроде Лагоса (от 300000 в 1950 до 10 млн. сегодня) сопровождался трансформацией нескольких десятков маленьких городов и оазисов вроде Уагадугу, Нуакшота, Дуалы, Антананариву и Бамако в города, превосходящие по размеру Сан-Франциско и Манчестер. В Латинской Америке, где основные города давно монополизировали рост, города второстепенные, вроде Тихуаны, Куритибы, Темуко, Сальвадора и Белена, сегодня переживают бешеное развитие, причем наибольший рост происходит в городах с населением от 100 000 до 500000 жителей.

Более того, согласно Грегори Гулдину, урбанизацию надо понимать как структурную трансформацию и интенсифицированное взаимодействие между каждой точкой континуума города-деревни. Согласно его исследованию Южного Китая, сельская местность урбанизируется в форме сити, а также порождает эпохальные миграционные процессы. «Деревни начинают больше походить на рынки и городские образования (сян), а районные центры и малые города – на города крупные». Результатом в Китае и большей части Юго-Восточной Азии является «гермафродитический» ландшафт, частично урбанизованная провинция, которые, по мнению Гулдина и других, могут стать «существенно новым типом расселения и развития человечества... это форма не сельская и не городская, а соединение той и другой, где густая сеть взаимодействий связывает большие городские ядра с окружающими районами». В Индонезии схожий процесс гибридизации города/деревни зашел весьма далеко в Джаботабекке (покрывающим большую часть округа Джакарта). Исследователи называют эти новые модели использования земли дезокотас и спорят о том, являются ли они переходными ландшафтами или критически новыми типами урбанизма.

Урбанисты также размышляют о процессах связывания городов «третьего мира» в необычайные новые сети, коридоры и иерархии. Например, дельты Жемчужной реки (Гонконг-Гуанчжоу) и Янцзы (Шанхай) наряду с коридором Пекин-Тяньцзинь, быстро развиваются в промышленные мегалополисы, сравнимые с Токио-Осакой, Нижним Рейном или Нью-Йорком-Филладельфией. Но это может быть лишь первой стадией развития еще большей структуры: «непрерывного урбанистического коридора от Японии/Северной Кореи до Западной Явы». Тогда Шанхай почти наверняка присоединится к Токио, Нью-Йорку и Лондону как один из «мировых городов», контролирующих глобальную сеть потоков капитала и информации. Платой за этот новый урбанистический порядок станет усиление неравенства внутри и между городами разных размеров и специализаций. Гулдин, например, цитирует интереснейшие дискуссии в Китае по поводу того, насколько древний разрыв между городом и деревней в уровне доходов и развития может смениться равно фундаментальным разрывом между маленькими городами и прибрежными гигантами.

2 /

Назад к Диккенсу

Я видел бесчисленные массы, обреченные на тьму, грязь, эпидемии, непотребство, нищету и раннюю смерть.

Диккенс. Декабрьское видение, 1850

Динамика урбанизации «третьего мира» отчасти повторяет, отчасти оставляет в прошлом прецеденты 19 и начала 20 века в Европе и Северной Америке. Величайшая в истории промышленная революция, происшедшая в Китае, стала Архимедовым рычагом, переместившим население, сопоставимое с европейским, из деревень в города, задыхающиеся от смога и рвущиеся в поднебесье. В результате «Китай уже не будет

преимущественно сельской страной, каковой был на протяжении тысячелетия» [4]. И огромное око Мирового финансового центра в Шанхае скоро наверняка сможет обозревать гигантский урбанистический мир, который едва ли могли вообразить Мао или Корбюзье. Но росту городов в большей части развивающегося мира не хватает китайской мощной машинерии производства на экспорт, как и огромного притока иностранного капитала (сегодня этот приток в Китае равен половине всех иностранных инвестиций в развивающиеся страны).

Поэтому во всех остальных регионах урбанизация оказалась радикальным образом отделена от индустриализации, даже от развития как такового. Некоторые возразят, что это неизбежно: капитализму креативных индустрий свойственна тенденция отделять рост производства от роста занятости. Но в Африке к югу от Сахары, Латинской Америке, Ближнем Востоке и многих частях Азии урбанизация без роста является скорее наследием глобальной политической конъюнктуры – долгового кризиса конца 70-х и последующей реструктуризации экономик «третьего мира» под руководством МВФ в 80-х – в этом тогда проявлялся железный закон развивающихся технологий. Более того, урбанизация «третьего мира» продолжила стремительно развиваться (3.8 процента в год с 1960-93) и в нищие 80-х и в начале 90-х, вопреки падению реальных зарплат, взлету цен и скачку городской безработицы.

Этот «извращенный» урбанистический бум опровергал ортодоксальные экономические модели, согласно которым негативные последствия рецессии в городах должны замедлять или даже останавливать миграцию из сельской местности. Особенно парадоксальным стал случай Африки. Каким образом города в Кот-д'Ивуар, Танзании, Габоне и др., экономики которых переживали спад от 2–5 % в год, могли выдерживать рост населения от 5–8 % в год? Отчасти секрет, конечно, в том, что навязываемая МВФ (а теперь ВТО) политика дерегуляции сельского хозяйства и «декрестьянизации» усиливала исход избытка рабочей силы

из села в городские трущобы даже когда города перестали быть конвейерами рабочих мест. Рост городского населения несмотря на стагнирующий или негативный экономический рост в городах – крайнее выражение того, что некоторые исследователи назвали «переурбанизацией». Это только один из нескольких неожиданных путей упадка, на которые неолиберальный мировой порядок перевел урбанизацию рубежа тысячелетий.

Да, классическая социальная теория от Маркса от Вебера считала, что огромные города будущего будут идти по стопам промышленных гигантов – Манчестера, Берлина и Чикаго. Лос-Анджелес, Сан Паоло, Пузана, а сегодня Сьюдад-Хуарес, Бангалор и Гаунчжоу более или менее следовали классической траектории. Но большая часть городов Юга развиваются скорее как викторианский Дубин, который, как подчеркивал Эммет Ларкин, был исключением среди «всех трущоб, порожденных западным миром в 19 веке... [поскольку] его трущобы не были продуктом индустриальной революции. Дублин страдал скорее от проблем деиндустриализации, чем индустриализации – в период 1800-1850» [5].

Киншаса, Хартум, Дар-эс-Салам, Дакка и Лима также чудесным образом развиваются вопреки разрушенным отраслям импортозамещения, сдуваемому публичному сектору и нисходящей мобильности средних классов. Глобальные силы, «выталкивающие» людей из провинции – механизация на Яве и в Индии, импорт продовольствия в Мексике, Гаити и Кении, гражданская война и засуха по всей Африке, объединение маленьких хозяйств в большие и конкуренция агропромышленного бизнеса – судя по всему, все это способствует урбанизации даже когда «притяжение» города чудовищно ослабляется долгом и депрессией. В то же время быстрый урбанистический рост в контексте структурной перестройки, падение курса валют и государственное сокращение расходов неизбежно приводили к массовому распространению трущоб. В результате большая часть городского мира стремится назад, в век Диккенса.

Удивительное распространение трущоб – главная тема тревожного и эпохального отчета, опубликованного в октябре прошлого года Программой ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат) [6]. «Вызов мировых трущоб» – первое по-настоящему глобальное исследование мировой бедности. В нем умело совмещаются разнообразные исследования от Абиджана до Сиднея с глобальными данными по домохозяйствам, впервые включающим Китай и бывший Советский блок. (Авторы отчета ООН признают особые заслуги перед Бранко Милановичем, экономистом Мирового банка, пионером использования микроисследований как мощного способа познания растущего мирового неравенства. В одном из своих докладов Миланович объясняет, что «впервые в человеческой истории исследователи имеют точные данные о распределении дохода или богатства среди более чем 90% населения мира») [7].

«Трущобы» также необычны своей интеллектуальной честностью. Как сказал мне один из исследователей, работавший над отчетом, вашингтонский консенсус (Мировой банк, МВФ и т.п.) всегда настаивал на том, что проблема мировой трущобы это результат не глобализации и неравенства, а «плохого управления». Новый же отчет отказывается от традиционной для ООН осторожности и самоцензуры и напрямую обвиняет неолиберализм, особенно программы структурной перестройки МВФ. «На самом деле, основные направления как национальных, так и международных мер в течение последних 20 лет усилили городскую нищету и количество трущоб, увеличили количество исключенных и неравенство, а также ударили по способности городских элит использовать города как машины роста».

Надо сказать, что «Трущобы» замалчивают (или оставляют для следующих отчетов ООН-Хабитат) некоторые из наиболее важных проблем, связанных с использованием земли и возникающих из-за свехурбанизации и неформальных поселений – бесконтрольная застройка, деградация природой среды и городские опасности. Доклад также почти не проливает свет на процессы

вытеснения рабочей силы из провинции и не опирается на большую и быстро пополняющуюся литературу о гендерном измерении городской нищеты и неформальной занятости. Но, как бы мы ни придирались, «Трущобы» остаются бесценным документом, поддерживающим текущие изыскания авторитетом ООН. Если репортажи межправительственной комиссии по изменению климата демонстрируют беспрецедентный научный консенсус по поводу угроз глобального потепления, то «Трущобы» выглядят настолько же авторитетным предупреждением по поводу глобальной катастрофы, которой чревата мировая нищета (третий отчет, возможно, однажды опишет зловещее пространство взаимодействия этих двух факторов). Решая поставленные перед собой задачи, авторы предлагают великолепную возможность заново организовать дискуссию об урбанизации, о неформальной экономике, человеческой солидарности и агентах исторических изменений.

3 /

Урбанизация бедности

Гора мусора простиралась очень далеко, постепенно, без видимой границы переходя во что-то еще. Но во что? Запутанные и непролазные постройки. Картонные коробки, листы фанеры, гнилые доски, ржавые кузова машин с выбитыми стеклами были свалены вместе, образуя своеобразное жилище.

Майкл Телвел, Корни травы, 1980

Говорят, что первое опубликованное определение «трущоб» появилось в «Словаре блатного жаргона» Джеймса Харди Во 1812 года; тогда это слово было синонимом «рэкета» или «незаконной торговли» [8]. Но в 1830-1840-х годах во времена холеры бедняки жили в трущобах, а не занимались такими вещами. Поколение

спустя трущобы появились в Америке и Индии и вообще стали считаться международным феноменом. «Классические трущобы» стали ограниченным и живописно локальным явлением, но в целом реформаторы были согласны с Чарльзом Бутом, что все трущобы отличало сочетание ветхого жилья, перенаселенности, бедности и порока. Для либералов XIX столетия решающее значение имело, конечно же, моральное измерение, а трущобы были, прежде всего, местом, где происходило моральное разложение «отбросов общества». Авторы «Трущоб» отказываются от викторианского морализма, но продолжают следовать классическому определению: перенаселенность, бедность или неформальное жилье, отсутствие доступа к чистой воде, антисанитария и незащищенность [9]. Это многомерное определение на самом деле отражает весьма консервативный подход к тому, что принято называть трущобами: многие читатели будут удивлены, узнав, что, по оценкам ООН, всего лишь 19,6% горожан Мексики живут в трущобах. Тем не менее, даже с таким жестким определением «Трущобы» пришли к выводу, что в 2001 году численность обитателей трущоб в мире составляла по меньшей мере 921 миллион человек: во времена, когда молодой Энгельс впервые оказался на злых улицах Манчестера, столько людей жило вообще во всем мире. На самом деле, неолиберальный капитализм привел к стремительному росту трущоб, похожих на известную диккенсовскую трущобу «Одинокого Тома» из «Холодного дома». Жители трущоб составляют примерно 78,2% городского населения наименее развитых стран мира и целую треть всего городского населения в мире. Исходя из возрастной структуры большинства городов «третьего мира», можно сделать вывод, что по меньшей мере половина жителей трущоб моложе 20 лет.

Наиболее высокий процент жителей трущоб – в Эфиопии (поразительные 99,4% городского населения), Чаде (те же 99,4%), Афганистане (98,5%) и Непале (92%). Но самыми бедными горожанами являются жители Мапуту и Киншасы, где, по данным других источников, две трети населения зарабатывают меньше

стоимости минимально необходимого ежедневного питания. В Дели специалисты по городскому планированию говорят об образовании «трущоб в трущобах», когда городская беднота самовольно заселяет небольшие открытые пространства периферийных колоний-поселений, куда в 1970-х была насильственно выселена старая городская беднота. В Каире и Пномпене новые горожане селятся или платят за место на крышах домов, создавая трущобы под открытым небом.

Численность населения трущоб нередко сознательно преуменьшается. Например, в конце 1980-х в Бангкоке «официально» бедными считались всего 5% жителей, но исследователи обнаружили, что почти четверть населения (1,16 миллиона человек) жила в трущобах и самовольных поселениях. Точно так же представители ООН недавно обнаружили, что они, сами того не желая, недооценивали численность городской бедноты в Африке. Оказалось, что численность обитателей трущоб, например, в Анголе почти вдвое превышала первоначальные оценки. Подобным образом недооценивалось количество бедных горожан и в Либерии: и в этом нет ничего удивительного, так как численность жителей Монровии всего за год (1989–1990) выросла втрое, когда охваченные паникой жители деревень бежали в города от ужасов гражданской войны.

На земле существует, вероятно, более четверти миллиона трущоб. В одних только пяти южноазиатских мегаполисах находится около 15.000 трущоб с общей численностью населения свыше 20 миллионов человек. Еще больше людей проживает в трущобах Западной Африки; крупные поселения бедняков тянутся через Анатолию и Эфиопское нагорье; закрепляются у подножий Анд и Гималаев; окружают небоскребы Мехико, Йоханнесбурга, Манилы и Сан-Пауло; и, конечно, лежат вдоль побережий Амазонки, Нигера, Конго, Нила, Тигра, Ганга, Иравати и Меконга. Составляющие этой планеты трущоб, парадоксальным образом, полностью взаимозаменяемы и совершенно уникальны: они включают *bustees* Калькутты, *chawls* и *zopadpattis*

Мумбаи, *katchi abadis* Карачи, *kampungs* Джакарты, *iskwaters* Манилы, *shammasas* Хартума, *umjondolos* Дурбана, *intra-murios* Рабата, *bidonvilles* Абиджана, *baladis* Каира, *gesekondus* Анкары, *conventillos* Кито, *favelas* Бразилии, *villas miseria* Буэнос-Айреса и *colonias populares* Мехико. Это мрачная противоположность фантастических ландшафтов и жилых тематических парков – буржуазных «иных миров» Филиппа К. Дика, – в которых все чаще предпочитают заточать себя глобальные средние классы.

Если раньше классической трущобой был разлагающийся центр города, то новые трущобы обычно располагаются на окраинах разросшихся городов. Горизонтальный рост городов, вроде Мехико, Лагоса или Джакарты, конечно, беспрецедентен по своим масштабам, и «разрастание трущоб» представляет такую же проблему для развивающихся стран, как и разрастание пригородов для богатых. Заселенная область Лагоса, например, всего за десятилетие с 1985 по 1994 год выросла вдвое. В 2002 году губернатор штата Лагос заявил репортерам, что «около двух третей всех земель штата – площадью 3577 квадратных километров – можно отнести к лачугам или трущобам» [10]. Как пишет обозреватель ООН, большая часть города представляет собой загадку... неосвященные дороги проходят между горами тлеющего мусора, сменяясь грязными улочками, образующими 200 кварталов трущоб с забитыми до отказа сточными канавами... Никто не знает наверняка, сколько здесь живет людей (официально – 6 миллионов, но большинство специалистов говорит о 10 миллионах), не говоря уже о количестве убийств, совершаемых каждый год, или носителей ВИЧ [11].

Кроме того, Лагос – это самый большой узел в коридоре трущоб с семидесятимиллионным населением, который простирается от Абиджана до Ибадана: наверное, самой большой области непрерывной городской бедности на земле. Экология трущоб, конечно, основывается на обеспечении заселенного пространства различными благами. Уинтер Кинг, в своем недавнем исследовании, опубликованном в *Harvard Law Review*, утверждает,

что 85% городских жителей в развивающихся странах «занимают собственность незаконно» [12]. Неопределенность с правами на землю и/или размытая государственная собственность – это и есть те лазейки, сквозь которые огромные массы людей пробрались в города. Формы поселения в трущобах заметно варьируются от высоко дисциплинированных захватов земель в Мехико и Лиме до сложно организованных (и часто незаконных) рынков наемного жилья на окраинах Пекина, Карачи и Найроби. Даже в городах вроде Карачи, где городская периферия формально принадлежит правительству, «огромная прибыль частного сектора от спекуляций с земельными участками... продолжает расти за счет домохозяйств с низкими доходами» [13]. Причем национальные и местные власти обычно не борются с неформальным заселением (и часто незаконными частными спекуляциями), пока им удастся контролировать трущобы и поддерживать непрерывный поток взяток или получение ренты. Без формальных прав на землю или собственности на жилье обитатели трущоб обречены на квази-феодалную зависимость от местных чиновников и партийных боссов. Нелояльность может означать выселение или даже снос всего района. Из-за высоких темпов урбанизации не удастся своевременно создавать жизненно важную инфраструктуру, вследствие чего полугородские трущобы зачастую не имеют никаких формальных коммунальных служб или водопровода и канализации [14]. В бедных районах латиноамериканских городов дела обстоят не лучше, чем в бедных районах городов Южной Азии, но, в отличие от большинства африканских трущоб, они имеют водопровод и электричество. Как и в ранневикторианском Лондоне, загрязнение воды экскрементами людей и животных остается причиной хронических кишечных заболеваний, которые уносят в год не менее двух миллионов жизней младенцев и маленьких детей, проживающих в городах [15]. Около 57% горожан в Африке не имеют водопровода и канализации, а в городах, вроде Найроби, бедняки вынуждены использовать «компактные туалеты» (испражняться в полиэтиленовые пакеты) [16]. В Мум-

баи масштабность проблемы санитарии можно оценить по тому, что в бедных районах на тысячу жителей приходится всего два туалета. Только 11% бедных окрестностей Манилы и 18% Даки имеют формальные средства избавления от нечистот [17]. Если оставить в стороне эпидемию ВИЧ/СПИД, по подсчетам ООН, двое из пяти обитателей африканских трущоб живут в бедности, которая в буквальном смысле «представляет угрозу для жизни» [18]. Городская беднота, меж тем, заселяет опасные и не подлежащие застройке по иным причинам места – крутые склоны, берега и поймы рек. Они селятся близ очистных сооружений, предприятий химической промышленности, свалок ядовитых отходов или вдоль железных дорог и шоссе. В результате, бедность превращается в городскую проблему, беспрецедентную по своему масштабу: вспомним постоянные наводнения в Маниле, Дакке и Рио, взрывы трубопроводов в Мехико и Кубатао (Бразилия), бхопальскую катастрофу в Индии, взрыв завода, производящего боеприпасы, в Лагосе и смертоносные оползни в Каракасе, Ла-Пасе и Тегусигальпе [19]. Кроме того, бесправные общины городской бедноты уязвимы для внезапных проявлений государственного насилия, вроде известного сноса расположенной на пляже трущобы Мароко в Лагосе в 1990 году (она «мозолила глаза жителям острова Виктория, этой крепости для богатых») или уничтожения во время заморозков более крупного города Чженьянкун, образовавшегося в результате стихийной застройки, на окраине Пекина [20].

Но при всей опасности и незащищенности трущоб их ждет блестящее будущее. Какое-то время в деревне будет проживать большинство бедного населения всего мира, но к 2035 году городские трущобы опередят ее [21]. Не менее половины грядущего демографического взрыва в городах «третьего мира» придется на неформальные сообщества. Два миллиарда жителей трущоб к 2030 или 2040 годам – мрачная, почти непостижимая перспектива, но городская бедность накладывается на и выходит за границы трущоб *per se*. В «Трущобах» отмечается, что в

некоторых городах большинство бедняков живет за пределами трущоб в строгом смысле этого слова [22]. Исследователи Центра глобального мониторинга городов также предупреждают, что к 2020 году «городская бедность в мире может поразить 45-50% всего населения, проживающего в городах» [23].

4 /

“Большой взрыв” городской бедности

Загадочно рассмеявшись, они быстро сменили тему. Как людям вернуть дома после структурной перестройки?

Фиделис Балогун, Перестроенные жизни, 1995

Развитие новой городской бедности не было линейным историческим процессом. Медленное разрастание городов перемежалось резким ростом бедности и внезапными взрывами трущобной застройки. В своем сборнике рассказов «Перестроенные жизни» нигерийский писатель Фиделис Балогун сравнивает внедрение программы структурной перестройки (ПСП) под руководством МВФ в середине 1980-х со стихийным бедствием, навсегда истребившим старый дух Лагоса и «заново поработившим» нигерийских горожан.

Жуткая логика этой экономической программы заключалась в том, что для возвращения к жизни умирающей экономики из неимущего большинства граждан было выжато последнее. Средний класс быстро исчез, и объедки со стола богатых стали пищей для резко обедневшего населения. Утечка мозгов в нефтедобывающие арабские страны и на Запад приобрела невиданные масштабы [24].

Сетования Балогуна по поводу «масштабной приватизации и роста числа голодающих» или рассказ о множестве негативных последствий ПСП знакомы всем, кто пережил ПСП, не только в тридцати других африканских странах, но и сотням миллионов

жителей Азии и Латинской Америки. 1980-е годы, когда МВФ и Всемирный банк использовали долговые рычаги для реструктуризации экономик большинства стран «третьего мира», были временем, когда трущобы стали неизбежным будущим не только для бедных мигрантов из деревень, но и для миллионов традиционных горожан, обнищавших вследствие насильственной «перестройки». Как отмечается в «Трущобах», ПСП были «осознанно антигородскими по своей природе» и призванными полностью устранить все «перекося в пользу города», которые существовали в социальной политике, финансовой структуре или государственных инвестициях [25]. И везде МВФ, действовавший как дубина крупных банков и пользовавшийся поддержкой Рейгана и Буша, предлагал руководству бедных стран отведать одного и того же ядовитого зелья девальвации, приватизации, устранения контроля над импортом и субсидий на производство продуктов питания, возвращения к платному образованию и медицине и безжалостного сокращения государственного сектора. (Как говорилось в пресловутой телеграмме министра финансов Джорджа Шульца, направленной в 1985 году зарубежным представителям Агентства международного развития, «в большинстве случаев предприятия государственного сектора следует приватизировать») [26]. В то же время ПСП разоряли мелких земледельцев, лишая их субсидий и толкая их – «пльиви или тони!» – в пучину глобальных товарных рынков, на которых безраздельно господствовал агробизнес «первого мира» [27].

Как отмечает Ха-Чжун Чанг, ПСП лицемерно «выбивали из-под ног лестницу» (т.е. протекционистские тарифы и субсидии), которую использовали сами страны-члены ОЭСР при переходе от сельского хозяйства к дорогостоящим городским товарам и услугам [28]. В «Трущобах» проводится та же мысль: «главной причиной роста бедности и неравенства в 1980-1990-х годах было самоустранение государства». Помимо прямого сокращения расходов и собственности государственного сектора в соответствии с ПСП, авторы из ООН отмечают несколько менее

заметное ослабление возможностей государства в результате применения принципа «субсидиарности»: деволюции полномочий нижестоящим органам власти и особенно НПО, напрямую связанным с ведущими агентствами международного развития. Целая, внешне децентрализованная структура глубоко чужда идее национального представительного правления, прекрасно работавшей в развитом мире, но она вполне отвечает потребностям глобальной гегемонии. Доминирующая международная [т.е. вашингтонская] позиция становится *de facto* парадигмой развития, и весь мир начинает двигаться в направлении, которое указывают доноры и международные организации [29].

Больше всего от искусственной депрессии, срежиссированной МВФ и Белым домом, пострадали городская Африка и Латинская Америка. И во многих странах экономические последствия ПСП в 1980-х в сочетании с продолжительной засухой, взлетом цен на нефть, процентных ставок и падением товарных цен оказались намного более суровыми и продолжительными, чем последствия «Великой депрессии». К последствиям структурной перестройки в Африке, рассмотренным Кароль Ракоди, относятся отток капитала, крах производства, незначительный или отрицательный рост доходов от экспорта, резкое сокращение городских коммунальных услуг, взлет цен и резкое сокращение реальной заработной платы [30]. В Киншасе («отклонение или же знак грядущих перемен?») *assainissement*, «оздоровление», вычистило средний класс государственных служащих и вызвало «невероятное сокращение реальной заработной платы», которое, в свою очередь, вызвало кошмарный рост преступности, в том числе организованной [31]. В Дар-эс-Саламе в 1980-х годах происходило последовательное сокращение расходов коммунальных служб на 10% в год: это был полный крах местного государства [32]. В Хартуме либерализация и структурная перестройка, по данным местных исследователей, привели к появлению 1,1 миллиона «новых бедных»: «в основном за счет чиновников» [33]. В Абиджане, одном из немногих городов тропической

Африки с серьезным производственным сектором и современными городскими службами, переход к режиму ПСП вызвал деиндустриализацию, крах строительства и стремительный упадок общественного транспорта и коммунального обслуживания [34]. В Нигерии – во все более урбанизированном Лагосе, Ибадане и других городах количество остро нуждающихся резко подскочило с 28% в 1980 году до 66% в 1996 году. «ВВП на душу населения, составляющий сегодня около 260 долларов», – сообщает Всемирный банк, – «ниже уровня времен обретения независимости 40 лет тому назад и 370 долларов 1985 года» [35].

В Латинской Америке ПСП (часто проводимые военными диктатурами) дестабилизировали деревенские экономики, создавая сложности с работой и жильем в городах. В 1970-х годах геваристские теории «очагов» крестьянских восстаний все еще отвечали континентальной реальности, в которой деревенская бедность (75 миллионов бедняков) превосходила городскую (44 миллиона бедняков). Но к концу 1980-х подавляющее большинство бедных (155 миллионов в 1990 году) проживало уже в городских *colonias* и *villas miseria*, а не в деревне (80 миллионов) [36].

Между тем, произошел стремительный рост городского неравенства. В Сантьяго пиночетовская диктатура уничтожила трущобы и выселила прежде радикальных сквоттеров, вынуждая бедные семьи становиться *allegados*, то есть жить на одной снимаемой площади числом вдвое или даже втрое больше обычного. И если в 1984 году в Буэнос-Айресе доходы наиболее богатых превышали доходы наиболее бедных в 10 раз, то в 1989 году – уже в 23 раза [37]. В Лиме, где минимальная заработная плата обесценилась на 83% за время спада, вызванного вмешательством МВФ, количество домохозяйств, живущих за чертой бедности, выросло с 17% в 1985 году до 44% в 1990 году [38].

В Рио-де-Жанейро неравенство, оцениваемое при помощи классического коэффициента Джини, взлетело с 0,58 в 1981 году до 0,67 в 1989 году [39]. В 1980-х по всей Латинской Америке

наблюдалось резкое увеличение разрыва между бедными и богатыми. (Согласно отчету Всемирного банка за 2003 год, коэффициент Джини в Латинской Америке был на 10 пунктов выше, чем в Азии; на 17,5 выше, чем в ОЭСР, и на 20,4 пунктов выше, чем в Восточной Европе) [40].

Во всем «третьем мире» экономические потрясения 1980-х заставили людей обратиться к совокупным ресурсам домохозяйств и особенно навыкам выживания и вынужденной изобретательности женщин. В Китае и промышленно развивающихся городах Юго-Восточной Азии миллионам молодых женщин пришлось пойти работать на чудовищные сборочные линии и фабрики. В Африке и большинстве стран Латинской Америки, за исключением городов, расположенных вдоль северной границы Мексики, не было даже такой возможности. Здесь деиндустриализация и увольнение мужчин из формального сектора заставили женщин искать новые средства к существованию, выполняя сдельную работу, занимаясь продажей спиртного и становясь уличными торговками, уборщицами, посудомойками, старьевщицами, няньками и проститутками. В Латинской Америке, где занятость женщин всегда была ниже, чем на других континентах, вливание женщин в неформальный сектор в 1980-х было особенно впечатляющим [41]. В Африке, где иконой неформального сектора стали женщины, создававшие забегаловки, Кристиан Роджерсон напоминает, что большинство женщин в неформальном секторе были все же наемными работницами, не обладавшими экономической независимостью [42]. (Эти вездесущие и порочные сети микроэксплуатации, в которых бедные эксплуатируют еще более бедных, обычно приукрашиваются в описаниях неформального сектора).

В бывших странах СЭВ после капиталистической «либерализации» 1989 года также произошла феминизация городской бедности. В начале 1990-х количество крайне бедных в бывших «переходных странах», как их называет ООН, резко подскочило с 14 до 168 миллионов человек – почти не имеющее прецедентов в истории массовое обнищание [43].

Если, с глобальной точки зрения, эта экономическая катастрофа была частично компенсирована известными достижениями Китая, связанными с ростом доходов прибрежных городов, то китайское рыночное «чудо» было куплено ценой «огромного роста неравенства в оплате труда среди городских рабочих... в период с 1988 по 1999 год». Особенно пострадали от этого женщины и меньшинства [44].

В теории, конечно, 1990-е должны были исправить заблуждения 1980-х и позволить городам «третьего мира» вернуть утраченную почву и преодолеть пропасть неравенства, созданную ПСП. Но боль перестройки начали утолять обезболивающим глобализации. И 1990-е, как отмечают «Трущобы», были первым десятилетием, когда развитие городов во всем мире происходило почти в утопических условиях неоклассической свободы рынка. В 1990-х торговля продолжала расти почти беспрецедентными темпами, закрытые области открывались, а военные расходы сокращались... Почти все сырье, необходимое для производства, стало дешевле, а процентные ставки падали вместе с ценой на товары первой необходимости. Потоки капитала становились все более свободными от национального контроля и могли быстро перемещаться в наиболее производительные области. При таких почти идеальных экономических условиях, согласно господствующей неолиберальной экономической доктрине, могло показаться, что это десятилетие должно стать десятилетием необычайно процветания и социальной справедливости [45].

Но рост городской бедности не прекратился, и «разрыв между богатыми и бедными странами продолжал расти, как и в предыдущие два десятилетия, причем в большинстве стран неравенство доходов возросло или, в лучшем случае, стабилизировалось». Глобальное неравенство к концу столетия, по оценкам экономистов Всемирного банка, достигло невероятного для коэффициента Джини уровня 0,67. В математическом отношении это эквивалентно ситуации, когда две трети беднейшего населения мира не имеет ничего, а богатейшая треть – все [46].

Мы пытались пробраться поближе к Городу,
цепляясь за всевозможные щели и трещины...

Патрик Шамуазо, Тексако (1997)

Грубая тектоника неолиберальной глобализации после 1978 года похожа на катастрофические процессы, которые определили облик «третьего мира» в эпоху поздневикторианского империализма (1870–1900). В последнем случае насильственное выведение на мировой рынок продуктов, необходимых для жизни крестьян в Азии и Африке, вызвало гибель от голода и уход с традиционных мест проживания миллионов людей. В итоге, в том числе в Латинской Америке, произошла сельская «полупролетаризация»: создание огромного глобального класса обнищавших полукрестьян и батраков, которые не имели средств к существованию [47]. (В результате XX век стал веком не городских революций, как утверждал классический марксизм, а эпохальных крестьянских восстаний и национально-освободительных войн). Может сложиться впечатление, что структурная перестройка оказала столь же фундаментальное влияние на человеческое будущее. Как заключают авторы «Трущоб», «вместо того чтобы быть центрами роста и процветания, города стали свалкой избыточного населения, которое имеет незащищенную и низкооплачиваемую работу в неформальном секторе услуг и торговли». «Рост этого неформального сектора», – открыто говорят они, – «является прямым следствием либерализации» [48].

Глобальный неформальный рабочий класс (пересекающийся, но не совпадающий с населением трущоб) насчитывает почти миллиард человек и представляет собой самый быстро растущий и совершенно беспрецедентный социальный класс на земле. С тех пор, как в 1973 году антрополог Кит Харт, работавший в Аккре, впервые предложил термин «неформальный сектор», по этой теме появилась обширная литература (неспособная, правда,

провести грань между микронакоплением и отчаянным поиском средств к существованию), рассматривающая теоретические и эмпирические проблемы, связанные с изучением стратегий выживания городской бедноты [49]. Но ни у кого не вызывает сомнений, что кризис 1980-х полностью изменил относительное структурное положение формального и неформального секторов, сделав неформальный заработок основным способом получения средств к существованию в большинстве городов «третьего мира».

Александро Портес и Келли Хофман недавно оценили общее влияние ПСП и либерализации на классовые структуры латиноамериканских городов с 1970-х. Они, как и ООН, отмечают сокращение государственных служащих и формального пролетариата в каждой из стран региона с 1970-х. Неформальный сектор экономики вместе с общим социальным неравенством, напротив, резко вырос. В отличие от некоторых исследователей, они проводят важное различие между неформальной мелкой буржуазией («совокупность владельцев микропредприятий, имеющих менее пяти наемных работников, а также работающие на себя профессионалы и специалисты») и неформальным пролетариатом («совокупность работающих на самих себя работников, не относящихся к профессионалам и специалистам, прислуга и оплачиваемые и неоплачиваемые работники на микропредприятиях»). Они показывают, что эту первую страту «микропредпринимателей», столь любимую в североамериканских школах бизнеса, зачастую составляют уволенные из государственного сектора профессионалы или квалифицированные рабочие. С 1980-х их доля выросла с 5 до 10% экономически активного городского населения: тенденция, отражающая «вынужденное предпринимательство, которым бывшим служащим пришлось заниматься из-за сокращений в формальном секторе» [50].

Вообще, согласно «Трущобам», неформальные рабочие составляют примерно две пятых экономически активного населения развивающегося мира [51]. Согласно исследователям Межамериканского банка развития, в неформальной экономике занято сегодня 57% латиноамериканской рабочей силы, и она

предлагает четыре из пяти новых «рабочих мест» [52]. По другим источникам, более половины городских жителей Индонезии и 65% жителей Дакки работает в неформальном секторе [53]. В «Трущобах» также цитируется исследование, согласно которому в неформальной экономике занято 33-40% городских жителей Азии, 60–75% горожан Центральной Америки и 60% обитателей городов Африки [54]. В африканских городах южнее Сахары «формальная занятость» практически полностью исчезла. Проведенное Международной организацией труда исследование рынков труда в Зимбабве при «стагфляционной» структурной перестройке начала 1990-х обнаружило, что формальный сектор создавал всего 10.000 рабочих мест в год, когда численность рабочей силы в городе росла более чем на 300.000 человек в год [55]. И, по оценкам «Трущоб», 90% новых рабочих мест в городской Африке в следующем десятилетии будут относиться к неформальному сектору [56]. Теоретики «капитализма с нуля» («замозагружающегося капитализма», *bootstrap capitalism*), вроде неугомимого Эрнандо де Сото, могут видеть в этом огромном множестве маргинализированных подсобных рабочих, избыточных государственных служащих и бывших крестьян оживленный улей амбициозных предпринимателей, жаждущих формальных прав собственности и нерегулируемого конкурентного пространства, но этих неформальных рабочих имеет смысл считать «активными» безработными, которые не имеют иного выбора, кроме как получать хоть какие-то средства или голодать [57]. По оценкам, в мире имеется около 100 миллионов беспризорных детей, которые вряд ли – уж извините, сеньор де Сото! – станут заниматься первичным размещением акций или продажей фьючерсов на жвачку [58]. И 70 миллионов «плавающих» китайских рабочих, которые полулегально проживают на городской периферии, в конце концов, вряд ли превратятся в мелких субподрядчиков или вольются в формальный городской рабочий класс. И неформальный рабочий класс, страдающий повсеместно от микро- и макроэксплуатации, почти целиком лишен защиты со стороны трудового законодательства.

Кроме того, как отмечает Ален Дарбессон, говоря об Абиджане, «развитие ремесла и мелкой торговли во многом зависит

от сектора наемного труда». У него вызывает опасения «иллюзия», культивируемая Международной организацией труда и Всемирным банком, что «неформальный сектор может заменить формальный и способствовать процессу накопления, достаточному для города с более чем 2,5 миллионами жителей» [59]. Ему вторит Кристиан Роджерсон, который, подобно Портесу и Хофман, проводит различие между микропредприятиями, создаваемыми для «выживания», и микропредприятиями, создаваемыми для получения прибыли и «роста», и пишет о первых: «вообще говоря, доходы этих предприятий, большинством из которых обычно управляют женщины, как правило, не отвечают минимальным потребностям уровня жизни, не позволяют совершать серьезные инвестиции или повышать квалификацию и редко перерастают в жизнеспособный бизнес». Даже в формальном секторе заработная плата в африканских городах насколько низка, что экономисты не могут понять, как рабочим вообще удастся выживать (так называемая «загадка заработной платы»), неформальный же третичный сектор давно превратился в арену острейшей дарвинистской борьбы за выживание среди бедняков. Роджерсон приводит примеры Зимбабве и Южной Африки, где контролируемые женщинами неформальные ниши, вроде *shebeens* и *srazas*^{*}, в настоящее время переполнены и страдают от резкого падения прибыльности [60]. Иными словами, в макроэкономическом отношении неформальная занятость приводит к воспроизводству абсолютной бедности. Но если неформальный пролетариат не является низшим слоем мелкой буржуазии, он не является также и «резервной армией труда» или «люмпен-пролетариатом» в том смысле, в каком эти термины употреблялись в XIX веке. Подобные вещи нередко встречаются и в формальной экономике, и многочисленные исследования показали, как субподрядные сети Wal-Mart и других мегакомпаний способствовали распространению *colonias* и *chawls*^{**}. Но, в конце концов, большинство обитателей городских трущоб в действительности не принимают никакого участия в современной международной

* точки неформальной торговли

** застройка трущобного типа

экономике. Трущобы, конечно, зародились в глобальной деревне, где, как напоминает нам Дебора Брайсон, неравная конкуренция с крупной агроиндустрией привела к распаду традиционного деревенского общества [61]. Когда деревня утрачивает свою «аккумулирующую способность», на смену ей приходят трущобы, и городская «инволюция» сменяет деревенскую, превращаясь в сток для избыточной рабочей силы, которая может найти пропитание, лишь проявляя чудеса героизма и самоэксплуатации и участвуя в дальнейшем конкурентном разделении и без того заполненных ниш [62]. «Модернизация», «Развитие», а теперь еще и свободный «Рынок» отжили свое. Миллиард людей исключен из мировой системы, и может ли кто-то представить правдоподобный неолиберальный сценарий, позволяющий вернуть их в эту мировую систему в качестве производственных рабочих или массовых потребителей?

6 /

Маркс и Святой Дух

[Господь говорит:] Наступит время, когда бедняк скажет, что ему нечего есть и негде работать... Это заставит бедняка пойти туда, где есть еда, чтобы забрать ее силой. Это заставит богача расчехлить свое ружье и начать войну с рабочими... крови на улицах будет столько, сколько бывает воды после сильного ливня.

Пророчество, сделанное во время пятидесятнического «пробуждения на Азуза-стрит» в 1906 году

Позднекапиталистическое разделение человечества уже произошло. Кроме того, глобальный рост обширного неформально-го пролетариата представляет собой совершенно оригинальное структурное развитие, которое не смогли предвидеть ни класси-

ческий марксизм, ни теоретики модернизации. Трущобы показывают неспособность социальной теории осмыслить новизну этой по-настоящему глобальной свалки людей, которые не обладают стратегическим экономическим влиянием социализированного труда и проживают в наспех сколоченных хибарах, окружающих укрепленные анклавы городских богачей.

Тенденции к вырождению городов, конечно, наблюдались и в XIX веке. Европейские промышленные революции не в состоянии были поглотить все предложение хлынувшей из деревень рабочей силы, особенно после того, как континентальное сельское хозяйство в 1870-х годах ввязалось в разорительную конкуренцию с североамериканскими прериями. Но массовая иммиграция в поселенческие общества Америк и Океании, а также Сибири, послужила отдушиной, которая предотвратила появление мега-Дублинов и распространение низового анархизма, пустившего корни в наиболее сильно обедневших частях Южной Европы. Сегодня избыточная рабочая сила, в отличие от прежних времен, сталкивается с беспрецедентными барьерами – в буквальном смысле «великой стеной» высокотехнологичных пограничных служб, – которые препятствуют масштабной миграции в богатые страны. Точно так же сомнительные программы переселения людей в области «фронта», вроде Амазонии, Тибета, Калимантана и Ириан-Джая, ведут к экологическим катастрофам и этническим конфликтам, не сокращая городской бедности в Бразилии, Китае и Индонезии.

Таким образом, трущоба остается единственным решением проблемы «складирования» избыточного населения в XXI веке. Но разве огромные трущобы не являются вулканами, которые дожидаются своего извержения, как некогда считала напуганная викторианская буржуазия? И разве безжалостная дарвинистская борьба за выживание, когда все большее число бедняков борется за неформальные «объедки», не делает всепоглощающее общественное насилие высшей формой вырождения города? Насколько неформальный пролетариат обладает одним из самых

сильных марксистских талисманов – способностью стать «движущей силой истории»? Может ли раздробленная рабочая сила вновь объединиться для участия в глобальном освободительном проекте? Или социология протеста в обнищавших мегагородах означает регресс к доиндустриальной городской толпе, эпизодически выражающей недовольство во время кризисов потребления, но во всех остальных случаях легко поддающаяся манипулированию при помощи клиентизма, популистских зрелищ и призывов к этническому единению? Или в супергородах нас ждет некий новый, непредсказуемый исторический субъект, наподобие того, о котором говорят Хардт и Негри? На самом деле, нынешняя литература о бедности и городском протесте не дает ясного ответа на такие вопросы. Некоторые исследователи, например, могут усомниться в том, что этнически разнообразные трущобы бедняков или экономически гетерогенные неформальные рабочие образуют некий «класс-в-себе», не говоря уже о потенциально активном «классе-для-себя». Конечно, неформальный пролетариат слабо заинтересован или не заинтересован вовсе в сохранении существующего способа производства. Но поскольку оторванные от своих корней мигранты из деревни и неформальные работники состоят из поденных чернорабочих или занимаются работой по дому у богатых, они не обладают культурой коллективного труда и лишены доступа к масштабной классовой борьбе. Их социальной сценой служит улица, трущобы или рынок, а не фабрика или международная сборочная линия. Борьба неформальных рабочих, как отмечает Джон Уолтон в своем обзоре исследований социальных движений в бедных городах, как правило, была эпизодической, непоследовательной, чаще всего связанной с непосредственными вопросами потребления: самовольным захватом земель для строительства жилья и бунтами против повышения цен на продукты питания или услуги. По крайней мере, в прошлом «городские проблемы в развивающихся обществах решались посредством отношений патрона и клиента, а не в ходе народных волнений» [63]. После долгового

кризиса 1980-х неопопулистские вожди в Латинской Америке пользовались необычайной популярностью, эксплуатируя отчаянное желание городской бедноты иметь более стабильную и предсказуемую повседневную жизнь. Хотя Уолтон не говорит об этом прямо, городской неформальный сектор был идеологически неразборчив в своей поддержке популистских спасителей (Фухимори в Перу, Чавеса в Венесуэле) [64]. С другой стороны, в Африке и Южной Азии городской клиентизм слишком часто сопровождался господством этнорелигиозных фанатиков, выступающих за этнические чистки. К печально известным примерам относятся антимусульманские подразделения Конгресса народа одуа в Лагосе и полуфашистское движение Шив Сена в Бомбее [65]. Доживет ли такая социология протеста «XVIII века» до середины XXI века? Прошлое – плохой советчик для будущего. История не единообразна. Новый городской мир развивается с необычайной скоростью и часто в непредсказуемых направлениях. Повсюду непрерывное накопление бедности разрушает экзистенциальную защищенность и ставит все более сложные задачи перед экономической изобретательностью бедных. Возможно, в какой-то момент грязь, скученность, алчность и насилие повседневной городской жизни, в конечном итоге, разрушат сети выживания, созданные в трущобах. Конечно, в старом деревенском мире имелись пороги, после преодоления которых происходил социальный взрыв (часто они были связаны с голодом). Но все же никто не знает, при какой температуре произойдет воспламенение новых городов бедности. И, по крайней мере на время, Маркс уступил историческую сцену Мухаммеду и Святому Духу. Если Бог и умер в городах времен «промышленной революции», то в постиндустриальных городах развивающегося мира он снова воскрес. Контраст между культурами городской бедности в эти две эпохи просто поразителен. Как показал Хью Маклеод в своем блестящем исследовании викторианской религии рабочего класса, Маркс и Энгельс были правы, считая, что урбанизация привела к секуляризации рабочего класса. За частичным

исключением Глазго и Нью-Йорка, «подход, связывающий отход рабочего класса от церкви с ростом классового сознания, в каком-то смысле был неопровержимым». Несмотря на процветание в трущобах мелких церквей и разного рода сект, большинство рабочих выказывало активное или пассивное неверие. Уже в 1880-х Берлин поражал иностранцев тем, что был «самым нерелигиозным городом в мире», а в Лондоне среди пролетариев Ист-Энда и Докландса в 1902 году прихожане составляли всего 12%, да и те были в основном католиками [66]. В Барселоне анархически настроенный рабочий класс во время «Трагической недели» участвовал в разграблении церквей, а воинственные рабочие из трущоб Санкт-Петербурга, Буэнос-Айреса и даже Токио обращались в новую веру Дарвина, Кропоткина и Маркса.

С другой стороны, сегодня популистский ислам и пятидесятилетнее христианство (а также шиваизм в Бомбее) занимают место, которое в начале XX века занимали социализм и анархизм. В Марокко, например, где приток иммигрантов из деревни в города составляет полмиллиона человек и где половина жителей моложе 25 лет, исламистские движения вроде «Справедливости и благоденствия», основанного шейхом Абдессаламом Ясином, стали настоящими правительствами в трущобах: они организуют вечерние школы, оказывают правовую помощь жертвам произвола государственных властей, покупают лекарства для больных, субсидируют паломничества и оплачивают проведение похорон. По признанию премьер-министра Абдерахмана Юсуфи, социалистического лидера, которому в прошлом пришлось покинуть страну из-за преследований со стороны монархии, «мы [левые] обуржуазились. Мы оторвались от народа. Нам необходимо отвоевать народные кварталы. Исламисты переманили к себе наших естественных избирателей. Они обещают им рай на земле». С другой стороны, по замечанию исламистского лидера, «сталкиваясь с пренебрежительным отношением государства и тяготами повседневной жизни, люди открывают для себя – с нашей помощью – солидарность, самосовершенствование и братство.

Они понимают, что ислам – это человечность» [67]. В трущобах Латинской Америки и значительной части Африки южнее Сахары популистский ислам заменяют пятидесятники. Сегодня христианство перестало быть западной религией (две трети его приверженцев живут за пределами Европы и Северной Америки), а пятидесятники – самые активные миссионеры в бедных городах. Особенность пятидесятничества состоит в том, что оно является первой крупной религией мира, которая почти целиком выросла на почве современных городских трущоб. Восходящее в своих истоках к экстатическому методизму и афроамериканской «духовности», пятидесятничество «пробудилось» тогда, когда в 1906 году Святой Дух ниспослал участникам межрасового молебного марафона в бедном районе Лос-Анджелеса (Азузастрит) «дар говорения на языках». Объединившись вокруг идеи крещения Святым Духом, чудес исцеления, харизмы и миллениаристской веры в грядущую мировую войну труда и капитала, раннее американское пятидесятничество, как отмечают историки религии, служило «пророческой демократией», приверженцы которой из города и деревни также были сторонниками, соответственно, популизма и Индустриальных рабочих мира [68]. И первые миссионеры-пятидесятники в Латинской Америке и Африке «часто жили в крайней нужде, почти или совсем без денег, не зная, где они остановятся на ночь и где завтра раздобудут еду» [69]. Но их осуждение несправедливости индустриального капитализма и заявления о его неизбежном крахе так и остались бесплодными. Симптоматично, что первая бразильская конгрегация в анархистском районе рабочего класса Сан-Пауло была основана итальянским ремесленником-иммигрантом, который променял Малатесту на Святой Дух в Чикаго [70]. В Южной Африке и Родезии пятидесятничество сначала пустило корни на приисках и в трущобах, где, по словам Джин Комарофф, «оно, по-видимому, сочеталось с местными представлениями о прагматичных духовных силах и компенсировало деперсонализацию и сознание собственного бессилия у городских рабочих» [71]. Отводя большую роль жен-

щинам в сравнении с другими христианскими церквями, активно поддерживая воздержание и бережливость, пятидесятничество, как открыл Р. Эндрю Чеснат в *baixadas* Белема, всегда было особенно привлекательным для «наиболее нуждающейся страты бедных классов»: брошенных жен, вдов и матерей-одиночек [72]. С 1970-х годов, во многом благодаря обращению к женщинам из трущоб и безразличию к расовой принадлежности, пятидесятничество стало, возможно, самым крупным самоорганизованным движением городской бедноты на планете [73].

Хотя недавние заявления о «более чем 533 миллионах пятидесятников в 2002 году во всем мире», скорее всего, являются преувеличением, их численность вполне может достигать трети от этой цифры. Многие полагают, что 10% латиноамериканцев (около 40 миллионов человек) принадлежат к пятидесятникам и что движение было единственным серьезным культурным ответом на взрывоподобную и травматическую урбанизацию [74]. По мере глобализации пятидесятничества, оно разделялось на различные по своему составу течения. Но если в Либерии, Мозамбике и Гватемале спонсируемые американцами церкви поддерживали диктатуры и репрессии, а некоторые американские конгрегации стали теперь фундаменталистскими, миссионерские течения пятидесятничества в «третьем мире» по-прежнему остаются более близкими к изначальному, милленаристскому духу Азуза-стрит [75]. Прежде всего, как обнаружил Чеснат в Бразилии, «пятидесятничество... остается религией неформальной периферии» (а в Белеме, в частности, «беднейших из бедных»). В Перу, где пятидесятничество распространяется почти в геометрической прогрессии на обширных *barriadas* Лимы, Джеффри Джамарра утверждает, что рост сект и неформальной экономики «является следствием и ответом друг на друга» [76]. Пол Фрестон добавляет, что пятидесятничество – это «первая автономная массовая религия в Латинской Америке... Лидеры в ней, может, и не демократичны, но они происходят из одного социального класса» [77]. В отличие от популистского ислама, который под-

черкивает цивилизационную преемственность и трансклассовую солидарность веры, пятидесятничество в традиции его афроамериканских истоков во многом сохраняет стремление к «исходу». Хотя, как и ислам в трущобах, оно отвечает нуждам неформального рабочего класса (организуя сети взаимопомощи для бедных женщин; предлагая веру в качестве парамедицины; помогая избавиться от алкоголизма и наркомании; ограждая детей от соблазнов улицы и т.д.), его основная идея состоит в том, что городской мир испорчен, несправедлив и неисправим. Окажется ли эта религия «маргинализированных обитателей трущоб неокониальной современности», как утверждает Джин Комарофф в своей книге об африканских сионистских церквях (многие из которых теперь относятся к пятидесятникам) «более радикальным» сопротивлением, чем «участие в формальной политике или профсоюзах» – покажет время [78]. Но, когда левые не идут в трущобы, эсхатология пятидесятничества решительно отказывается мириться с бесчеловечной участью города «третьего мира», описываемой в «Трущобах». И она помогает выживать тем, кто в структурном и экзистенциальном смысле действительно живет в изгнании.

Примечания

- 1 UN-HABITAT, «Slums of the World: The Face of Urban Poverty in the New Millennium?», working paper, Nairobi 2003, p. 10.
- 2 UN-HABITAT, The Challenge of Slums: Global Report on Human Settlements 2003, [henceforth: Challenge], London 2003, p. 3.
- 3 Gregory Guldin, What a Peasant To Do? Village Becoming Town in Southern China, Boulder 2001, p. 13.
- 4 Wang Mengkui, Director of the Development Research Center of the State Council, quoted in the Financial Times, 26 November 2003.
- 5 Foreword to Jacinta Prunty, Dublin Slums, 1800-1925: A Study in Urban Geography, Dublin 1998, p. ix.
- 6 см. прим. 2.

- 7 Branko Milanovic, «True World Income Distribution, 1988 and 1993. World Bank, New York 1999, n.p.
- 8 Prunty, Dublin Slums, p. 2.
- 9 Slums, p. 12.
- 10 Daily Times of Nigeria, 20 October 2003. Лагос рос быстрее любого другого крупного города «третьего мира», за исключением Дакки. В 1950 году в нем было всего 300 тысяч жителей, затем темпы его роста составляли 10% в год до 1980; замедление до 6% наступило лишь во время структурной перестройки, но это все равно остается очень высоким показателем.
- 11 Amy Otchet, 'Lagos: the survival of the determined', UNESCO Courier, June 1999.
- 12 Winter King, 'Illegal Settlements and the Impact of Titling Programmes,' Harvard Law Review, vol. 44, no. 2, September 2003, p. 471.
- 13 United Nations, Karachi, Population Growth and Policies in Megacities series, New York 1988, p. 19.
- 14 Однако это отсутствие инфраструктуры создает бесчисленные ниши для неформальных работников: продажа воды, вывоз нечистот, переработка мусора, доставка бытового газа и т.д.
- 15 World Resources Institute, World Resources: 1997–1997, Oxford 1996, p. 21.
- 16 Slums of the World, p. 25.
- 17 Slums, p. 99.
- 18 Slums of the World, p. 12.
- 19 Прекрасное исследование конкретного примера см.: Greg Bankoff, 'Constructing Vulnerability: The Historical, Natural and Social Generation of Flooding in Metropolitan Manila', Disasters, vol. 27, no. 3, 2003, pp. 224–238.
- 20 Otchet, 'Lagos'; Li Zhang, Strangers in the City: Reconfigurations of Space, Power and Social Networks within China's Floating Population, Stanford 2001; Alan Gilbert, The Latin American City, New York 1998, p. 16.
- 21 Martin Ravallion, On the urbanization of poverty, World Bank paper, 2001.
- 22 Slums, p. 28.
- 23 Slums of the World, p. 12.
- 24 Fidelis Odun Balogun, Adjusted Lives: stories of structural adjustment, Trenton, NJ 1995, p. 80.
- 25 The Challenge of Slums, p. 30. Теоретики «перекося», вроде Майкла Липтона, который в 1977 году придумал этот термин, утверждают, что в развивающихся странах вследствие налоговой и финансовой политики,

отвечавшей интересам городских элит и искажавших потоки инвестиций, сельское хозяйство было недостаточно капитализированным, а города сравнительно «переурбанизированными». В пределе города преподносились как паразиты, присосавшиеся к деревне. См.: Lipton, *Why Poor People Stay Poor: A Study of Urban Bias in World Development*, Cambridge 1977.

- 26 Цит. по: Tony Killick, 'Twenty-five Years in Development: the Rise and Impending Decline of Market Solutions', *Development Policy Review*, vol. 4, 1986, p. 101.
- 27 Deborah Bryceson, 'Disappearing Peasantries? Rural Labour Redundancy in the Neoliberal Era and Beyond', in Bryceson, Cristóbal Kay and Jos Mooij, eds, *Disappearing Peasantries? Rural Labour in Africa, Asia and Latin America*, London 2000, p. 304–305.
- 28 Ha-Joon Chang, 'Kicking Away the Ladder: Infant Industry Promotion in Historical Perspective', *Oxford Development Studies*, vol. 31, no. 1, 2003, p. 21. «В период с 1960 по 1980 год рост душевого дохода в развивающихся странах составлял 3% в год, а в период с 1980 по 2000 год – всего около 1,5%... Поэтому неолиберальные экономисты сталкиваются со следующим парадоксом: развивающиеся страны росли быстрее, когда они использовали “плохую” политику в 1960–1970-х годах, чем когда они использовали “хорошую” (или, по крайней мере, “лучшую”, чем прежде) политику в последующие два десятилетия» (p. 28).
- 29 Slums, p. 48.
- 30 Carole Rakodi, 'Global Forces, Urban Change, and Urban Management in Africa', in Rakodi, *Urban Challenge*, pp. 50, 60–61.
- 31 Piermay, 'Kinshasa', p. 235–236; 'Megacities', *Time*, 11 January 1993, p. 26.
- 32 Michael Mattingly, 'The Role of the Government of Urban Areas in the Creation of Urban Poverty', in Sue Jones and Nici Nelson, eds, *Urban Poverty in Africa*, London 1999, p. 21.
- 33 Adil Ahmad and Ata El-Batthani, 'Poverty in Khartoum', *Environment and Urbanization*, vol. 7, no. 2, October 1995, p. 205.
- 34 Alain Dubresson, 'Abidjan', in Rakodi, *Urban Challenge*, pp. 261–3.
- 35 World Bank, *Nigeria: Country Brief*, September 2003.
- 36 UN, *World Urbanization Prospects*, p. 12.
- 37 Luis Ainstein, 'Buenos Aires: a case of deepening social polarization', in Gilbert, *MegaCity in Latin America*, p. 139.

- 38 Gustavo Riofrio, 'Lima: Mega-city and mega-problem', in Gilbert, *Mega-City in Latin America*, p. 159; and Gilbert, *Latin American City*, p. 73.
- 39 Hamilton Tolosa, 'Rio de Janeiro: Urban expansion and structural change', in Gilbert, *Mega-City in Latin America*, p. 211.
- 40 World Bank, *Inequality in Latin America and the Caribbean*, New York 2003.
- 41 Orlandina de Oliveira and Bryan Roberts, 'The Many Roles of the Informal Sector in Development', in Cathy Rakowski, ed., *Contrapunto: the Informal Sector Debate in Latin America*, Albany 1994, pp. 64–68.
- 42 Christian Rogerson, 'Globalization or informalization? African urban economies in the 1990s', in Rakodi, *Urban Challenge*, p. 348.
- 43 Slums, p. 2.
- 44 Albert Park et al., 'The Growth of Wage Inequality in Urban China, 1988 to 1999', World Bank working paper, February 2003, p. 27; and John Knight and Linda Song, 'Increasing urban wage inequality in China', *Economics of Transition*, vol. 11, no. 4, 2003, p. 616.
- 45 Slums, p. 34.
- 46 Shaohua Chen and Martin Ravallion, *How Did the World's Poorest Fare in the 1990s?*, World Bank paper, 2000.
- 47 См.: Mike Davis, *Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World*, London 2001, pp. 206–209.
- 48 Slums, pp. 40, 46.
- 49 Keith Hart, 'Informal income opportunities and urban employment in Ghana', *Journal of Modern African Studies*, 11, 1973, pp. 61–89
- 50 Alejandro Portes and Kelly Hoffman, 'Latin American Class Structures: Their Composition and Change during the Neoliberal Era', *Latin American Research Review*, vol. 38, no. 1, 2003, p. 55.
- 51 Slums, p. 60.
- 52 Цит. по.: *Economist*, 21 March 1998, p. 37.
- 53 Dennis Rondinelli and John Kasarda, 'Job Creation Needs in Third World Cities', in Kasarda and Allan Parnell, eds, *Third World Cities: Problems, policies and prospects*, Newbury Park, CA 1993, pp. 106–107.
- 54 Slums, p. 103.
- 55 Guy Mhone, 'The impact of structural adjustment on the urban informal sector in Zimbabwe', *Issues in Development discussion paper no. 2*, International Labour Office, Geneva n.d., p. 19.
- 56 Slums, p. 104.

- 57 Орландина де Оливейра и Брайан Робертс справедливо отмечают, что нижнюю страту городской рабочей силы следует рассматривать «не просто по видам занятий или формальности или неформальности рабочих мест, а по стратегии получения дохода у домохозяйства». Масса городской бедноты может существовать только благодаря «объединению доходов, совместному проживанию, питанию и складыванию других ресурсов» с родственниками или земляками. ('Urban Development and Social Inequality in Latin America', in Gugler, *Cities in the Developing World*, p. 290.)
- 58 Statistic on street kids: *Natural History*, July 1997, p. 4.
- 59 Dubresson, 'Abidjan', p. 290.
- 60 Rogerson, 'Globalization or informalization?', p. 347–351.
- 61 Bryceson, 'Disappearing Peasantries', pp. 307–308.
- 62 Согласно определению, предложенному Клиффордом Гирцем, «инволюция» означает «такое использование сложившейся формы, когда от последней оказывается невозможно избавиться вследствие ее необычайно глубокой внутренней проработанности» (Clifford Geertz, *Agricultural involution: Social development and economic change in two Indonesian towns*, Chicago 1963, p. 82). Говоря более прозаичным языком, «инволюцию», деревенскую или городскую, можно описать как постоянно растущую самоэксплуатацию (при условии, что другие факторы остаются неизменными), которая продолжается, несмотря на быстрое сокращение дохода, до тех пор, пока остаются возможности для получения хоть какой-то прибыли или выгоды.
- 63 John Walton, 'Urban Conflict and Social Movements in Poor Countries: Theory and Evidence of Collective Action', paper to 'Cities in Transition Conference', Humboldt University, Berlin, July 1987.
- 64 Kurt Weyland, 'Neopopulism and Neoliberalism in Latin America: how much affinity?', *Third World Quarterly*, vol. 24, no. 6, 2003, pp. 1095–1115.
- 65 Прекрасное, но пугающее описание возвышения Шив Сена в Бомбее за счет старой коммунистической и профсоюзной политики см.: Thomas Hansen, *Wages of Violence: Naming and Identity in Postcolonial Bombay*, Princeton 2001. См. также: Veena Das, ed., *Mirrors of Violence: Communities, Riots and Survivors in South Asia*, New York 1990.
- 66 Hugh McLeod, *Piety and Poverty: Working-Class Religion in Berlin, London and New York, 1870–1914*, New York 1996, pp. xxv, 6, 32.

- 67 Ignacio Ramonet, 'Le Maroc indécis', *Le Monde diplomatique*, July 2000, pp. 12-13. Еще один бывший левый сказал: «Почти 65% населения живет за чертой бедности. Люди из бидонвелей полностью оторваны от элит. Они смотрят на элиты точно так же, как они привыкли смотреть на французов».
- 68 В своей спорной социологической интерпретации пятидесятничества Роберт Андерсон утверждает, что «его бессознательная цель», как и у других миллениаристских движений, на самом деле была «революционной». (Robert Anderson, *Vision of the Disinherited: The Making of American Pentecostalism*, Oxford 1979, p. 22).
- 69 Anderson, *Vision of the Disinherited*, p. 77.
- 70 R. Andrew Chesnut, *Born Again in Brazil: The Pentecostal Boom and the Pathogens of Poverty*, New Brunswick 1997, p. 29. Об исторических связях пятидесятничества с анархизмом в Бразилии см.: Paul Freston, 'Pentecostalism in Latin America: Characteristics and Controversies', *Social Compass*, vol. 45, no. 3, 1998, p. 342.
- 71 David Maxwell, 'Historicizing Christian Independency: The Southern Africa Pentecostal Movement, c. 1908–1960', *Journal of African History* 40, 1990, p. 249; Jean Comaroff, *Body of Power, Spirit of Resistance*, Chicago 1985, p. 186.
- 72 Chesnut, *Born Again*, p. 61. Чеснут пришел к выводу, что Святой Дух не только позволял говорить на «других языках», но и способствовал увеличению семейного бюджета: «Освобождаясь от расходов, связанных с мужскими комплексами и представлениями о престиже и уважении, *Assemblies* получали возможность улучшить свое материальное положение, а некоторые *Quadrangulares* из бедняков становились членами низших слоев среднего класса» (p. 18).
- 73 «Во всей человеческой истории ни одно другое неполитическое, невоенное добровольное общественное движение не росло с такой скоростью, как пятидесятничество в последние два десятилетия»: Peter Wagner, 'Foreword,' in: Vinson Synan, *The Holiness-Pentecostal Tradition*, Grand Rapids 1997, p. xi.
- 74 См.: David Barret and Todd Johnson, 'Annual Statistical Table on Global Mission: 2001,' *International Bulletin of Missionary Research*, vol. 25, no. 1, January 2001, p. 25. Синань утверждает, что в 1997 году пятидесятники насчитывали 217 миллионов последователей (Synan, *Holiness*, p. ix). О Латинской Америке см.: Freston, 'Pentecostalism', p. 337; Anderson,

- Vision of the Disinherited; David Martin, 'Evangelical and Charismatic Christianity in Latin America', in Karla Poewe, ed., *Charismatic Christianity as a Global Culture*, Columbia 1994, pp. 74-75.
- 75 См.: Paul Gifford, *Christianity and Politics in Doe's Liberia*, Cambridge 1993; Peter Walshe, *Prophetic Christianity and the Liberation Movement in South Africa*, Pietermaritzburg 1995, pp. 110-111.
- 76 Jeffrey Gamarra, 'Conflict, Post-Conflict and Religion: Andean Responses to New Religious Movements', *Journal of Southern African Studies*, vol. 26, no. 2, June 2000, p. 272. Андрес Тапиа цитирует перуанского теолога Самуэля Эскобара, который считает Sendero Luminoso и пятидесятников «двумя сторонами одной монеты» – «и те, и другие стремились побороть несправедливость, хотя и различными средствами». «После упадка Sendero Luminoso пятидесятничество одержало победу в борьбе за души бедных перуанцев». ('In the Ashes of the Shining Path', Pacific News Service, 11 February 1996).
- 77 Freston, 'Pentecostalism', p. 352.
- 78 Comaroff, *Body of Power*, pp. 259–263.

Оригинал: Mike Davis, 'Planet of Slums,' *New Left Review*, 2014, no. 26, p. 5–34. Сокращенный перевод с английского Артема Смирнова, впервые опубликован в журнале «Логос» <http://www.logosjournal.ru/>. Перевод остальных двух глав - Кирилл Медведев.

Майк Дэвис: Как превратить планету в трущобу / Интервью интернет-журналу Tomdispatch, 2006

Короткие волосы и усы Майка покрыла седина, но он до сих пор сохранил своё мощное сложение сына мясника, когда-то давно таскавшего туши животных для своего отца в Эль-Кахоне, пригороде Сан-Диего. Он немедленно сажает тебя в машину и везет в загородные районы Сан-Диего – к Макособнякам*, или дальше, к границе с Мексикой, прямо к новенькому и не всеми любимому тройному забору (где вас сопровождает взглядом пограничный патруль). Дэвис – туристический гид твоей мечты, ходячая энциклопедия всего необычного и захватывающего, что есть в Южной Калифорнии. Ни одна деталь пейзажа не ускользнёт от его комментария, краткого описания либо анализа. Пограничный мост, который мы пересекаем вдали от города, в пустыне, это самый высокий бетонный мост в стране. Майк замечает и описывает все военные суда в бухте Сан-Диего, включая десантные корабли «Морских Котиков» («у флота здесь полно разных игрушек!»).

Небольшая лекция о местном рынке недвижимости сменяется ворчанием: «в Сан-Диего сейчас только и говорят, что о ценах на недвижимость!» Каждая военная база и огороженная территория, которую мы проезжаем, удостоивается обстоятельного комментария. «Люди не обращают внимания, что повсюду военные зоны. Они не видят, что вокруг смерть, что все приспособлено для убийства. Они просто вычёркивают это из жизни». То и дело всплывают воспоминания. «Единственное, что было хорошего в детстве в Сан-Диего, это портовый городок с его дешёвыми кинотеатрами. Рай для подростка». Сидишь рядом с ним в машине и начинаешь понимать, что попал на потрясающее, пусть и вполне обычное выступление эрудита, который помнит любую мелочь.

* McMansion – пейоратив, которым в США обозначают помпезные одинаковые особняки за пределами города. Mansion – усадьба, приставка «мак» намекает на их массовый характер.

Скромное жилище Майка находится на краю одного из беднейших кварталов Сан-Диего, короткая экскурсия по которому включает показ местных граффити. Большую часть гостиной, в которой мы усаживаемся с диктофоном, занимает гигантский разноцветный дом его двухлетних детишек-близнецов, Джеймса и Кассандры (или просто Кейси). Интервьюируя его здесь, попадаешь в мир революционной истории. Все стены, углы, каждая трещинка завешены революционными плакатами, даже ванная («Comarada! Trabaja y Lucha por la Revolution!»).^{*} Ты видишь вокруг ноги, топчущие российских плутократов, огромные руки, крушащие класс германских эксплуататоров, призывы «голосовать за Союз Спартака» в 1919 году.

Майк Дэвис, чья первая книга «Город из кварца» (City of Quartz) ворвалась в списки бестселлеров и обеспечила автору репутацию главного урбаниста-инноватора страны, о чем только не писал с тех пор – от «художественного уничтожения» Лос-Анджелеса до викторианского холокоста 19-го века и угрозы пандемии птичьего гриппа в наши дни. Теперь он обратил свой неустанный ищущий ум к теме глобального города – в книге «Планета трусоб», выводы которой столь ошеломляющи, что непременно должны, по моему мнению, стать предметом нашей беседы.

Мы сооружаем в гостиной импровизированное место для переговоров, между нами диктофон, начинаем. Дэвис представляет собой старый, почти забытый тип американского автодидакта, самоучки. В родоплеменные времена он мог бы быть великолепным сказителем. Посреди интервью, скорее напоминавшего вдохновенный монолог, нас внезапно прервал страшный вопль откуда-то изнутри домика. Проснулась недовольная Кейси. Майк, извинившись, срывается с места и быстро возвращается, неся на плече расстроенную, всё ещё всхлипывающую темноволосую девочку в розовых шортах и футболке. С его помощью она воспряла духом, присела и на-

^{*} Товарищ! Работай и борись за революцию! – исп.

чала говорить, вряд ли менее многословно (хотя слегка менее понятно), чем отец. Вскоре она засела в домике, приобщив нас к игре в «большого злого волка». Примерно через 20 минут Кейси затихла, мы продолжили и, прежде чем я успел напомнить Дэвису, на чем мы прервались (я записал последние слова), он заговорил прямо с середины предложения, с того самого места, где остановился.

Tomdispatch: Я надеялся, вы мне расскажете, как вообще пришли к теме города.

Майк Дэвис: Я пришёл к этой теме весьма окольным путём, через изучение Лос-Анджелеса, а Лос-Анджелес я стал изучать потому что был новым левым в духе шестидесятых и много времени посвящал изучению марксизма. Я считал, что радикальная теория общества способна объяснить почти все. А потом понял, что решающим для нее испытанием будет понимание Лос-Анджелеса.

Возможно, не стоит этого говорить, но большая часть написанного мной о других городах, выросла, хотя бы отчасти, из моего лос-анджелесского проекта. К примеру, изучая тенденцию милитаризации городского пространства и уничтожения общественных пространств в Лос-Анджелесе, я начал исследовать схожие тенденции на глобальном уровне. Интерес к пригородам Лос-Анджелеса заставил заняться и более старыми пригородами по всей стране, а также формировавшейся тогда политикой в отношении городов-спутников. Таким в общем-то местечковым методом я вывожу все мировые процессы из Лос-Анджелеса, который в моем исходном проекте был разделен на 450 фрагментов.

Сейчас объясню: в 50-х агентства социальной помощи в округе обеспокоились тем, что участники войны, переехавшие в новые предместья, не чувствуют себя там как дома. Это привело к серьёзным подсчётам количества «жизненных миров» на территории Большого Лос-Анджелеса, и выяснилось, что их около 350 – небольших городков, районов, предместий. Моя стратегия

исследования Лос-Анджелеса держится на идее, что каждый из этих островков имеет самобытную, необычную историю, но в то же время отражает один из аспектов целого. Убежден, что мне потребовалось бы несколько жизней, чтобы рассказать о каждом из этих мест, фрагментов Лос-Анджелеса. Такова моя методология. Полагаю, что в процессе этой работы я и стал урбанистом, поскольку меня начали так называть. Я никогда не воспринимал себя как историка, социолога, политэкономиста или урбаниста-теоретика.

TD: Но вы как-то определяете себя?

Дэвис: Как и некоторые другие из оставшихся новых левых, я видел себя как организатора, как создателя структуры власти или политического аналитика. Почти всё, что я писал или думал, соотносится весьма безумным образом с тем, что, на мой взгляд, является в данный момент обязательным с тактической или стратегической точек зрения – как если бы я до сих пор был ответственен перед национальным советом SDS* или чикагским представительством IWW**.

И всё это стало частью стратегической головоломки, описанной в «Городе из кварца». Лос-Анджелес находился в критической точке своей истории. Глобализация реорганизовала экономику города, перераспределив её самым драматическим образом, и многие люди оказались за бортом. До сих пор у города был, да и сейчас есть, невероятный, многогранный потенциал для улучшений, для прогрессивной политики, для ошеломляющих видов активизма. Я хотел написать книгу, полезную для нового поколения активистов, при этом стараясь выработать особый взгляд на такой город, как Лос-Анджелес, фантазии которого получили материальное воплощение в его структуре. Это город, живущий в своих образах.

* см. прим. на стр. 3.

** Индустриальные рабочие мира – легендарная профсоюзная организация, основанная в 1905 в Чикаго.

TD: А затем вспыхнули лос-анджелесские бунты 1992’?

Дэвис: Да, и я пытался понять их как прямое следствие глобализационных процессов. Часть людей оказались победителями, часть – проигравшими. Факт состоял и в том, что глобализация в итоге пришла в Южный Централ в виде транснациональной наркоиндустрии. Это была единственная форма глобализации, которая приносила деньги в эти кварталы. Продолжением «Города из кварца» должна была стать история выступлений, связанных с Родни Кингом, на основе рассказов соседей о соседях, то есть единственной нарративной стратегии, способной передать всю полноту тех событий. Так случилось, что я смог выйти на некоторых ключевых персонажей. Я был знаком, например, с матерью одного из парней, который сел в тюрьму за то, что чуть не убил водителя грузовика. Я также дружил с семьёй Дивэйна Холмса, главного инициатора перемирия банд в Уоттсе [район Лос-Анджелеса].

Я надеялся соединить эти истории с рассказами соседей, чтобы объяснить восстание, которое было одновременно взрывом праведного гнева в отношении полиции, постмодернистским хлебным бунтом и погромом против лавочников-азиатов. Но мой амбициозный замысел начал буксовать по двум направлениям. Я не мог найти моральное оправдание тому, чтобы использовать человеческие жизни в собственном повествовании или присваивать право говорить от лица этих людей. Одновременно я чувствовал, насколько выматывает меня этот замысел эмоционально. Жизни моих друзей и знакомых был наполнены такими трудностями и болью, такой грустью и отчаянием... Проживать все это вместе с ними я, работавший тогда на нескольких работах и фактически в одиночку воспитывавший ребенка-тинейджера, решил, что не смогу. У меня в голове была, как казалось, незаурядная идея для книги, но не было ясного сознания и эмоциональной устойчивости, чтобы её написать.

* массовые выступления, начавшиеся после вынесения оправдательного приговора полицейским, жестоко избившим чернокожего Родни Кинга за сопротивление при аресте на дороге (Прим. ред.)

К счастью, мне удалось включить в замысел тему природных катаклизмов, и книга о протесте превратилась в «Экологию страха» (Ecology of Fear), исследование фетишизации стихийных бедствий в Южной Калифорнии, где природное предстает в социальных терминах (койоты и пумы сравниваются с уличными бандами), а социальные проблемы (такие как уличная преступность) – в виде природных явлений («одичавшая молодёжь»). «Экология страха» посвящена исторической неспособности англо-американской цивилизации понять метаболизм существующего сегодня средиземноморского мира, в котором она живет. И это непонимание составляет саму сущность Южной Калифорнии.

Я, по сути дела, сбежал в науку и перешел с микроуровня биографий на макроуровень плитотектоники и Эль-Ниньо*. Наука была моей первой любовью, и в итоге над книгой я больше работал в геологической библиотеке Калифорнийского Технического института (Cal Tech), чем в гостях у знакомых в Южном Централе.

TD: Перенесёмся на 15 лет вперед, к вашей новой книге «Планета трущоб», этакому масштабному урбанистическому полотну. Можно ли предполагать, что вы получаете приказы от некоего глобального ЦК? И готовы ли вы просветить нас по поводу нынешней трущобизации планеты?

Дэвис: Как ни удивительно, классическая социальная теория, будь то Маркс, Вебер или даже теория модернизации времён Холодной войны, не могла предвидеть того, что произошло с городами за последние 30-40 лет. Не предвидела она возникновения огромного класса, состоящего в основном из молодежи, который живет в городах, но не имеет формальной связи с мировой экономикой и шанса обрести такую связь. Этот неформальный рабочий класс не является марксовым люмпен-пролетариатом, и речь не идет, как 20 или 30 лет назад, о «трущобах надежды», полных людей, которые в итоге пробьются в формальную эконо-

* Эль-Ниньо – колебание температуры поверхностного слоя воды в экваториальной части Тихого океана, имеющее заметное влияние на климат (Прим. ред.)

мику. Застрявший на городской периферии, обычно не имеющий доступа к традиционной культуре городов, этот неформальный глобальный рабочий класс представляет собой беспрецедентную линию развития, не предусмотренную теориями.

TD: Можете кратко обрисовать процесс трущобизации?

Дэвис: Только в последние несколько лет мы получили возможность видеть урбанизацию в глобальном масштабе. До этого времени не было надежных данных, однако в рамках Программы ООН по населённым пунктам героическими усилиями были сделаны новые базы данных, опросы домохозяйств и анализы случаев, что позволило вполне предметно обсуждать нашу будущую жизнь в городах. Отчёт был опубликован три года назад, назывался «Вызов трущоб» и был настолько же новаторским, как исследования городской бедноты в XIX веке, сделанные Энгельсом, Мэйхью*, Чарльзом Бутом** или Джейкобом Риисом*** в США.

Согласно этому подсчёту, в данный момент минимум миллиард людей проживают в трущобах и более миллиарда являются рабочими неформального сектора, борющимися за выживание. Этот слой включает в себя самых разных людей – от уличных торговцев до поденщиков, сиделок, проституток, тех, кто продает свои органы. Цифры шокируют, тем более если учитывать, что при наших детях и внуках человечество увеличится до предела. Примерно в 2050–60-х население Земли достигнет максимального количества, приблизительно 10–10.5 миллиардов. Меньше, чем в старых апокалиптических предсказаниях, но 95% этого бума придется на города юга.

TD: В сущности, на трущобы.

Дэвис: Рост населения будет целиком происходить в городах, преимущественно в бедных, в первую очередь, в трущобах.

* Генри Мэйхью (1812-1887), английский журналист и социальный исследователь.

** Чарльз Бут (1840-1916), английский предприниматель, социолог, филантроп.

*** Джейкоб Риис (1849-1914), журналист, фотограф, изображавший жизнь нью-йоркских низов.

Урбанизация по классической модели Манчестера, Чикаго, Берлина, Петербурга до сих пор происходит в Китае и некоторых других странах. Однако важно отметить, что урбанистическая индустриальная революция в Китае препятствует подобным процессам в других местах. Она поглощает все возможности для развития лёгкой промышленности, а постепенно и для всего остального. Но на примере китайской и некоторых других схожих экономик мы до сих пор можем наблюдать, как индустриальное развитие вызывает рост городов. Во всех других местах это происходит по большей части без индустриализации, и, что совсем шокирует, часто без всякого развития. Кроме того, старые крупные промышленные города юга – Йоханнесбург, Сан-Паулу, Мумбаи, Белу-Оризонти, Буэнос-Айрес – все пережили массовую деиндустриализацию в последние 20 лет и абсолютное снижение занятости в производстве на 20–40%.

Мегатрущобы современности возникли по большей части в 1970-х и 80-х годах. До 60-х вопрос стоял следующим образом: почему так медленно растут города «третьего мира»? Надо сказать, что тогда существовали огромные институциональные трудности для ускоренной урбанизации. Колониальные империи всё ещё ограничивали доступ в города, в то время как в Китае и прочих сталинистских государствах с помощью паспортной системы контролировались социальные права и внутренняя миграция. Большой городской бум пришёлся на 1960-е, наряду с деколонизацией. Но затем по крайней мере революционно-националистические режимы заявили право государства на принципиальную роль в обеспечении жильём и инфраструктурой. В 70-е государство начинает самоустраняться, а в 80-е, в эпоху структурных изменений, Латинская Америка, и, в ещё большей степени, Африка оказались отброшены назад. В это время города к югу от Сахары росли бóльшими темпами, нежели викторианские промышленные города в период своего бума, но сектор формальной занятости сокращался. Как города могли поддерживать рост населения без экономического развития в классическом смысле этого понятия?

Или, иными словами, почему города «третьего мира» не взорвались от таких противоречий? Впрочем, в некотором смысле они взорвались. В конце 80-х – начале 90-х произошли антидолговые бунты, восстания против МВФ по всему миру.

TD: В том числе лос-анджелесский бунт 92-го года?

Дэвис: Поскольку Лос-Анджелес соединяет в себе черты города как «третьего мира», так и первого, он вполне вписывается в глобальную картину недовольства. Незаметным для политических инстанций и лидеров того времени, но вполне очевидным для улицы было влияние самой тяжелой рецессии в Южной Калифорнии с 1938, нанесшей ущерб в первую очередь не аэрокосмической промышленности (хотя в то время об этом много писали), но самым бедным иммигрантским кварталам. Я жил тогда в центре, и через год на пустом склоне холма, населённом небольшим количеством бездомных чернокожих мужчин среднего возраста, внезапно обосновались 100-150 молодых латиноамериканцев. Еще полгода назад они были поденщиками или мойщиками посуды.

Если катализатором послужило насилие над Родни Кингом и накопившееся недовольство чернокожей молодёжи – в обществе, где массовое трудоустройство имело место только в сфере торговли «крэком», – то в итоге явление оказалось более комплексным и широким, из-за разгула мародёрства в латиноамериканских кварталах, где люди жили впроголодь и могли в любой момент быть выброшенными на улицу.

TD: Как политические инстанции и лидеры глобально интерпретировали события в городах?

Дэвис: Вывод Всемирного банка, экономических экспертов по развитию и крупных НПО в восьмидесятых о том, что, несмотря на полный отказ государства от участия в планировании и обеспечении жильём городской бедноты, люди всё же каким-то образом находят себе кров, занимают пустующие помещения и выживают, привел к возникновению концепции «самозагрузки» (bootstrap) в урбанистике. Мол, нужно дать беднякам возмож-

ность, и они сами построят себе дома и организуют сообщество. Помимо прочего, это было в целом обоснованным торжеством низового урбанизма. Но в руках Всемирного банка такая тенденция превратилась в отдельную новую парадигму: государство уходит, не переживайте по его поводу; бедные могут создавать свои импровизированные города. Им лишь нужно дать чуть-чуть микрокредитов.

TD: Причём с высокой процентной ставкой.

Дэвис: Да, именно, и тогда малоимущие граждане чудесным образом создадут свои собственные урбанистические миры и рабочие места.

«Планета трупоб» следует докладу ООН, в котором есть беспокойство по поводу глобального кризиса трудоустройства в городах, представляющего не меньшую угрозу нашему общему будущему, чем климатические изменения. Но это и воображаемое путешествие в города бедноты, попытка синтезировать огромное количество специальной литературы по теме городской бедности и незаконных поселений. В книге есть два фундаментальных вывода.

Во-первых, запасы свободной земли для самозахвата иссякли, в некоторых местах очень давно. Единственный способ построить хотя бы лачугу – это выбрать место настолько опасное, что оно не будет иметь никакой рыночной стоимости. Авантюра, все более чреватая катастрофой, – вот во что сейчас превратился самозахват. Например, если бы я отвёз вас на несколько миль к югу или через границу, в Тихуану, вы почти сразу увидели бы, что земля, занятая ранее в результате самозахватов, продаётся, иногда разделенная на части и обгороженная. Беднота в Тихуане теперь строит свои традиционные жилища только по краям оврагов или в высохших руслах, где все это не простоит и нескольких лет. Такая картина характерна для всего «третьего мира».

Самозахват приватизирован. В Латинской Америке это называется «пиратская урбанизация». Там, где 20 лет назад люди заселяли свободные земли, сопротивлялись выселению и в кон-

це концов были признаны государством, теперь нужно платить большие суммы за маленькие клочки земли, а тот, кто не может себе этого позволить, арендует землю других малоимущих. В некоторых трущобах большинство населения – не сами сквоттеры, а арендаторы. Тот, кто был в Соуэто [Йоханнесбург, ЮАР], мог видеть, что местные жители строят у себя на заднем дворе сараи, которые сдают в аренду. Основная стратегия выживания для миллионов людей, которые живут в городе достаточно долго, чтобы обзавестись небольшой собственностью, состоит в следующем: разделить её и стать арендодателями для более бедных, которые иногда тоже делят съёмные участки и сдают в аренду другим. Прежний ресурс пространства, когда-то романтически воспевавшаяся полоса свободной земли в городе, по большому счёту перекрыт.

Другой важный вывод касается неформальной экономики – способности бедного населения находить средства к существованию посредством нелегальной экономической деятельности, такой как уличная торговля, поденный труд, работа домашней прислуги или даже криминал. Надо сказать, что неформальная экономика романтизирована еще больше, чем самозахват, а уж сколько раз провозглашалась способность мелкого предпринимательства вытащить людей из нищеты. И все же статистические данные со всего мира показывают, что все больше людей вытесняется в социальные ниши нескольких типов, позволяющие выживать: слишком много рикш, уличных торговцев, слишком много африканок, превращающих свои лачуги в алкогольные ларьки, слишком много людей работают в прачечных, слишком многие стоят в очередях на бирже труда.

TD: Вы хотите сказать, что «третий мир» превращается в этакый трёхсотый?

Дэвис: Я говорю о том, что два основных механизма приспособления бедного населения к жизни в городах, в которые государство давным-давно прекратило инвестировать, достигли пределов своих возможностей. Достаточно посмотреть на при-

рост населения в бедных городах за последние два поколения. Зловещий, но очевидный вопрос звучит так: что находится за этой чертой?

TD: Вот цитата из «Планеты трущоб»: «Вместе с самой что ни на есть великой стеной высокотехнологичных систем пограничного контроля, блокирующих масштабную миграцию в богатые страны, трущобы остаются приоритетным решением проблемы складирования избыточного числа людей в этом столетии».

Дэвис: Двумя крупнейшими городами бедноты в Европе XIX века, соответствующими нынешней модели, были Дублин и Неаполь, но никто не считал, что за ними будущее; а других дублинов и неаполей не появлялось – в том числе благодаря той отдушине, каковой стала трансатлантическая эмиграция. Сегодня возможность миграции с Юга в основном перекрыта. Беспрецедентными являются, например, системы контроля в Австралии и Западной Европе, по существу, созданные для полного исключения миграции, кроме ограниченного потока высококвалифицированной рабочей силы. Мексиканско-американская граница исторически представляет собой несколько иное. Она служит плотиной, регулирующей поток рабочей силы, но не перекрывающей его вовсе. В целом же у жителей бедных стран сегодня нет тех условий, которые были раньше у малоимущих европейцев.

Неумолимые силы выталкивают людей из сельской местности, и это население, ставшее излишним благодаря глобальной экономике, оседает в трущобах, на городской периферии, которая не является ни сельской местностью, ни городом в прямом смысле этого слова, а тем странным явлением, над которым ломают голову теоретики урбанистики.

В Соединённых Штатах мы бы назвали это словом экзурбия, но здесь загородные массивы – довольно особый феномен. Если взглянуть на американские города, больше всего поражает, что жители этой самой экзурбии, то есть загородных посёлков, едущие на работу на окраины городов из бывшей сельской местности, теперь в огромных количествах проживают в Мако-

собняках, возле которых стоит все больше внедорожников. Из-за них традиционный Левиттаун* 50-х, с его кое-как слепленными домиками, этими камерами потребления, выглядит вполне экологически эффективно. Иными словами, средний класс уходит из городов, оставляя экологический след в два-три раза больше ареала своего обитания.

Другая сторона этого процесса – беднейшие вытесняются в самые опасные места на осыпающихся склонах рядом со свалками токсичных отходов, живут на затопляемых территориях, что приводит к ежегодно возрастающим потерям от природных катаклизмов, связанных не столько с природными изменениями, сколько с отчаянным риском, которому вынуждена себя подвергать беднота. В больших городах «третьего мира», конечно, имеет место исход богатых в охраняемые районы в отдаленных пригородах, но гораздо важнее, что две трети обитателей мировой трущобы ютятся на городских пустошах.

TD: Вы назвали это «экзистенциальный эпицентр взрыва».

Дэвис: Да, потому что это урбанизация без городской жизни. Примером может служить эпизод с радикальной исламской группировкой, которая несколько лет назад атаковала Касабланку, – около 15-20 юных бедняков, выросших в городе, но не вписавшихся в него. Они родились на окраине, не в традиционных районах рабочих и бедноты, которые поддерживают исламский фундаментализм (однако не в нигилистской его форме), либо были вытеснены из деревни, но так и не интегрировались в городскую среду. В их трущобном мире единственное представление о сообществе или порядке распространялось через мечети, либо через исламистские организации.

Согласно одному из свидетельств, когда эти ребята атаковали город, выяснилось, что некоторые из них никогда не были в центральной его части, и это стало для меня метафорой того, что происходит по всему миру: поколения, отправленного на город-

* концепция пригородного строительства, реализованная в США после Второй Мировой войны компанией Levitt & Sons.

скую свалку, причем не только в беднейших, наиболее диких городах.

Возьмем, к примеру, Хайдарабад, индийскую витрину высоких технологий, город, в котором живут 60 000 работников и инженеров программного обеспечения. Здесь воспроизводится калифорнийский образ жизни, стиль загородной жизни в долине Санта-Клара, здесь можно ходить в «Старбакс»... Так вот, Хайдарабад окружен бескрайними трущобами, в которых живет несколько миллионов человек. Там больше старьевщиков, нежели компьютерных инженеров. Некоторые из горожан, собирающие отходы высокотехнологичной экономики, были выброшены из тех трущоб, что поближе к центру, снесённых, чтобы освободить место для технопарков нового среднего класса.

Город-империя и город трущоб

TD: Мне представляется, что в Багдаде администрация Буша создала причудливый городской мир, который вы описываете в «Планете трущоб». В центре города – обнесенная стенами имперская «зеленая зона» со «Старбакс» и пр., а за ее пределами – столица, распадающаяся, как и огромные трущобы Садр-сити. Причем обмениваются эти два мира только вертолетами-истребителями, летящими в одну сторону, и автомобилями, начиненными взрывчаткой, идущими в другую.

Дэвис: Точно. Багдад становится примером уничтоженного публичного пространства, в котором возможность компромисса между двумя крайностями постоянно сужается. Районы совместного проживания суннитов и шиитов быстро уничтожаются, причем не только действиями американцев, но и религиозным терроризмом.

Садр-сити, называвшийся одно время Саддам-сити, восточный сектор Багдада, вырос до гротескных размеров – два миллиона бедноты, в основном, шииты. Он растет и растет, как и суннитские трущобы, но теперь уже не по вине Саддама, а

из-за катастрофической политики США в отношении сельского хозяйства, в восстановление которого они почти не вложили денег. Огромные фермерские земли превратились в пустыню, а все усилия тем временем брошены, впрочем, безуспешно, на восстановление нефтяной промышленности. Проблему мог бы решить хоть какой-то баланс между периферией и центром, но американская политика только усилила эмиграцию из страны.

Конечно, «зеленые зоны» это своего рода закрытые сообщества, укрепленные замки внутри крепости. И подобные вещи происходят по всему миру. В своей книге я напрямую связываю это с ростом трущоб на периферии: средний класс отказывается от своей традиционной культуры, вкупе с проживанием в городских центрах, и отступает в изолированные миры с квази-калифорнийским образом жизни. Некоторые из них невероятным образом охраняются, это настоящие крепости. Другие больше походят на типичный американский пригород, но все они сформированы навязчивыми фантазиями об Америке, в особенности, о Калифорнии, которые транслируются телевидением по всему миру.

Так, например, нувориши в Пекине могут добраться по автострате до закрытых районов города, имеющих названия вроде Округ Ориндж и Беверли Хиллз. Есть свой Беверли Хиллз и в Каире, там целый район оформлен в стилистике Уолта Диснея. В Джакарте то же самое – закрытые поселения, где люди живут в воображаемых Америках. И это распространяется, обнажая отсутствие корней у нового городского среднего класса по всему миру. Так зарождается и невероятная страсть к вещам, которые показывают по телевидению. Мы видим, как архитекторы настоящего округа Ориндж создают «Округ Ориндж» вокруг Пекина. И мы видим огромную привязанность к вещам, которые средний класс по всему миру видит на телевидении и в кино.

TD: Обсудим теперь другой городской проект Буша. Ведь в Нью-Орлеане происходит нечто подобное?

Дэвис: Совершенно верно. К сожалению, многие богатые белые в Нью-Орлеане скорее предпочитают существовать в

абсолютно поддельной, диснеевской версии исторического Нью-Орлеана, чем взяться за реальную задачу реконструкции города или жить с афроамериканским большинством. Представления людей об аутентичности давно потеряли всякую связь с реальностью. В книге «Экология страха» я обратил внимание на то, как студия *Universal* выжала из Лос-Анджелеса все его священные образы, миниатюризировала их и поместила в одно-единственное, строго охраняемое место, *City Walk*. И теперь визит в это место заменяет вам реальную поездку в город. Вы посещаете городской тематический парк, представляющий из себя по сути гипермаркет. Вы идете в казино, вот и все ваше приключение. Выходит так, что бедные имеют все меньше доступа к культурному и публичному городскому пространству, богатые же добровольно отказываются от него, чтобы уйти в свое особое универсальное пространство, которое почти не различается от страны к стране. Общее же пространство разваливается.

Но разница между культурными зонами и континентами по-прежнему велика. В Латинской Америке больше всего пугает градус политической поляризации, то, насколько жестко средний класс противостоит запросам бедных. Чавесу пришлось нанять кубинских докторов, поскольку мало кто из венесуэльских докторов готов работать в трущобах. На Ближнем Востоке все иначе. В Каире, например, где власть самоустранилась или слишком коррумпирована, чтобы отвечать на элементарные запросы общества, проблема решается за счет исламских профессионалов. «Братья-мусульмане» теперь руководят ассоциацией врачей, ассоциацией инженеров. В отличие от латиноамериканского среднего класса, мобилизуемого лишь для сохранения своих привилегий, «Братья-мусульмане» организуют параллельное гражданское общество, предоставляющее услуги бедным. Частично это связано с кораническими установками (десятина), но и помимо этого есть огромные отличия, серьезным образом определяющие жизнь города.

TD: Небольшое отступление. В книге, которую вы написали до «Планеты трущоб» – «Монстр у наших дверей», – рассказывается о птичьей гриппе, и по ходу нашего разговора я понял, что она тематически связана с «Планетой трущоб», поскольку тоже посвящена одному из видов планетарной трущобизации – на этот раз в сельском хозяйстве.

Дэвис: Воссоздается мир викторианской нищеты а-ля Диккенс, причем, в таком масштабе, который ужаснул бы людей той эпохи. Так что вопрос, конечно, в том, не возвращается ли одновременно и страх викторианского среднего класса перед болезнями бедноты. Первой реакцией зажиточных людей того времени на эпидемию был переезд в Хэмпстед, бегство из города, попытки изолироваться от бедных. Только когда стало понятно, что холера все равно перекидывается из трущоб в места проживания среднего класса, решили хоть немного вложиться в улучшение санитарных условий и систему общественной медицины. Сегодня, как и в 19 веке, есть иллюзия, что мы можем тем или иным образом изолировать себя, отгородиться стеной, убежать от болезней бедноты. Думаю, большинство из нас не осознает той гигантской, буквально убийственной опасности, которую несут потенциальные болезни.

Более чем двадцать лет назад ведущие исследователи инфекционных заболеваний во многих своих работах предупреждали о новых и забытых старых болезнях. Глобализация, писали они, приводит к планетарной экологической нестабильности и изменениям в экологии, которые могут нарушить баланс в отношениях людей с микробами и привести тем самым к новым тяжелым эпидемиям.

Предупреждали они и о том, что неспособность создать инфраструктуру мониторинга болезней и общественной медицины также связана с глобализацией.

В своей книге я рассмотрел связь между расширяющейся мировой трущобой, неизбежно порождающей санитарные

катастрофы, и классическими условиями, благоприятствующими стремительному распространению болезни среди населения. С другой стороны, я сосредоточился на том, как трансформации в отрасли скотоводства создают совершенно новые условия для появления болезней среди животных и их распространения среди людей.

Грипп – важный образчик инфекционного заболевания. Его древние корни восходят к исключительно продуктивной сельскохозяйственной системе южного Китая с ее давней тесной экологической связью между дикими и домашними птицами, свиньями и людьми. Что касается птичьего гриппа, с одной стороны, в современном мире создаются идеальные условия для его распространения, с другой – благодаря росту городов, населенных беднотой, у людей увеличивается потребность в белке, которая уже не удовлетворяется традиционными ресурсами, зато удовлетворяется мясной промышленностью.

Означает это ни что иное, как урбанизацию крупного рогатого скота. Вместо пятнадцати или двадцати цыплят в частном дворе и пары свиней на ферме речь идет уже о целом поясе птицефабрик, например, вокруг Бангкока, похожих на то, что существует в Арканзасе или северо-западной Джорджии, о миллионных поголовьях цыплят в амбарах, на птицефабриках. В природе никогда прежде не существовало такой концентрации птиц, и, как мне говорили эпидемиологи, возможно, именно она ведет к максимальной вирулентности, ускоренной эволюции болезней.

В то же время болота по всему миру доводятся до состояния упадка и осушаются – обычно для орошения плантаций, из-за чего перелетные дикие птицы вытесняются с орошаемых лугов, рисовых полей, ферм. Все это вместе – революция в области скотоводства, растущий в городах спрос на мясо, особенно на цыплят (сегодня это второй по значимости ресурс белка на планете), рост трущоб, исчезновение болот – произошло с исключительной скоростью за последние 10–15 лет, и обо всем этом нас предупреждали пару десятилетий назад эксперты по инфекци-

онным заболеваниям. Налицо экологический дисбаланс весьма серьезной степени, который изменил экологию гриппа и условия переноса болезней от животных к людям. К тому же происходит это в момент упадка здравоохранения в большинстве городов «третьего мира». Одним из последствий структурной перестройки 80-х стала эмиграция сотен и тысяч докторов, нянечек, работников здравоохранения из Кении или Филиппин – для работы в Великобритании или Италии.

В этом и состоит формула биологической катастрофы, а птичий грипп – вторая пандемия эпохи глобализации. Сегодня очевидно, что ВИЧ/СПИД появился в том числе в связи с торговлей «ножками Буша»: жители Западной Африки были вынуждены перейти на «ножки Буша», поскольку европейские плавучие рыбозаводы выкачивали всю рыбу в Гвинейском заливе, а это основной традиционный источник белка в рационе горожан. Есть также гипотеза, с большим количеством косвенных доказательств, что ВИЧ, возможно, достиг критической массы в Киншасе (Конго), огромном городе, на примере которого лучше всего видно, что происходит, когда власть ослабевает или самоустраняется.

Кроме ВИЧ и птичьего гриппа, есть атипичная пневмония – еще одно заболевание, которое возникло из-за торговли «ножками Буша», на этот раз в городах южного Китая, и распространилось по миру с пугающей скоростью. Таково будущее болезней...

TD: ...и трусобизации.

Дэвис: Да, болезней в мире трусоб. То есть распространение птичьего гриппа среди человечества почти неизбежно – при существующем сочетании глобальных трусоб и масштабных сдвигов в экологии людей и животных. Впрочем, есть кое-что еще более опасное, чем угрозы вроде птичьего гриппа. Это реакция на них – немедленное создание щита из вакцин и антивирусов, исключительное внимание к защите здоровья населения в горстке богатых стран, которые, кроме того, монополизировали производство необходимых лекарств. Другими словами, это практически осознанный отказ от решения проблем бедноты,

отказ бесповоротный. Если бы птичий грипп появился не в этом году, а пять лет назад, разница была бы в степени защищенности жителей США, Германии, Англии. А бедные были бы в том же положении, особенно африканцы, которые в большей степени являются группой риска, поскольку ВИЧ-холокост создает популяцию, максимально уязвимую для других инфекций.

TD: Это один из возможных видов обмена между имперским городом и городом трущоб. Настолько же опасен обмен насилием, наши войны с террором, наркотиками и т.д. Если вспомнить Вьетнам, а затем Ирак, станет ясно, что в анналах современной войны джунгли вполне буквально превращаются в города-трущобы.

Дэвис: Не стоит преуменьшать взрывоопасности социальных противоречий, которые по-прежнему сохранились за пределами городов, но очевидно, что партизанские войны, восстания против мировой системы в будущем будут происходить в городах. Никто не осознал этот факт настолько ясно, как Пентагон, и никто настолько решительно не попытался противостоять его практическим последствиям. Пентагоновские стратеги значительно опередили геополитиков и традиционных международных игроков в понимании важности мира трущоб...

TD: ...и глобального потепления.

Дэвис: Да, поскольку они осознают заключенный в них потенциал нестабильности, а, возможно, представляют, насколько выгодны для них те или иные сдвиги в балансе сил, вызванные трущобизацией.

За последние несколько лет США продемонстрировали исключительную способность разрушать иерархическую организацию современного города, атаковать его ключевую инфраструктуру, подрывать телевизионные станции, уничтожать трубопроводы и мосты. Для всего этого используются радиоуправляемые бомбы, однако Пентагон обнаружил, что такая технология неприменима к трущобной периферии, к лабиринту, отсутствующему на карте, к малоизученным частям города с почти полным отсутствием иерархии и централизованной ин-

фраструктуры, как и высотных зданий. Существует чрезвычайно любопытная военная литература, рассказывающая о том, как Пентагон понимает новый ландшафт нашего века, формируемый им сегодня в трущобах Карачи, Порт-о-Пренс, в Багдаде. На этом очень сильно замешан опыт Могадишо*, опыт, ставший большой неожиданностью для США, и показавший, что традиционные методы ведения городской войны не работают в городе трущоб.

TD: ...Тем не менее, никто не упоминает о том, что одновременно с убийством небольшого количество американских солдат на улицах Могадишо, вызвавшего шок, погибло неизвестно сколько, но очень много сомалийцев, видимо, сотни...

Дэвис: Что ж, можно устроить гигантскую резню; можно убить тысячи людей. Но вряд ли вы способны хирургически удалить ключевые узлы, поскольку их скорее всего не существует; ведь вы имеете дело вовсе не с иерархической пространственной системой, да и не с иерархической организацией в целом. Не уверен, что это понимает Совет национальной безопасности, но многие военные мыслители понимают наверняка. Почитав, например, исследования, сделанные Армейским военным колледжем, вы обнаружите совсем другую геополитику, чем та, которой занимается администрация Буша. Те, кто планирует войну, не придают особого значения «оси зла» или будто бы все объясняющим конспиративным теориям, а делают акцент на ландшафте – расползающихся трущобах периферии и на том, какие возможности захвата сфер влияния они предоставляют гремучей смеси противников – наркобаронов, членов «Аль-Каиды», революционным организациям, религиозным группам. В результате теоретики Пентагона изучают архитектуру и теорию городского планирования. Они используют географическую информационную систему и спутники, чтобы заполнить пробелы в знаниях, поскольку правительство обычно знает очень мало о своей собственной периферии, застроенной трущобами.

* Произошедшее в 1993 году столкновение спецназа США с силами Сомалийского национального альянса (Прим. ред.)

Вопрос обмена насилием между городом трущоб и имперским центром связан с другим, более глубоким вопросом – вопросом о субъекте изменений. Каким образом то очень большое меньшинство человечества, что живет сегодня в городах, но изгнано из формальной мировой экономики, обретет свое будущее? Какова его роль в истории? Традиционный рабочий класс – как отмечал Маркс в Коммунистическом манифесте – был классом революционным по двум причинам: во-первых, у него не было места в существующем порядке, во-вторых, он был централизован процессом современного промышленного производства. Он обладал огромным потенциалом социальной силы для организации забастовки, прекращения производства, взятия власти на фабриках.

Теперь у нас есть неформальный рабочий класс, не имеющий своего стратегического места в производстве, в экономике, но обнаруживший, однако, новую социальную силу – способность разрушать города, подвергать их ударам, в диапазоне от креативного ненасилия в боливийском Эль-Альто, огромном близнеце Ла-Паса, где местные жители регулярно баррикадируют дорогу к аэропорту или перекрывают транспорт, чтобы заявить о своих требованиях, до уже повсеместного использования националистами и фундаменталистами машин, начиненных взрывчаткой для ударов по местам проживания среднего класса, финансовым кварталам, даже «зеленым зонам». Я думаю, идет глобальное экспериментирование, попытки понять, каким образом использовать силу разрушения.

TD: Подозреваю, что важнейшая из разрушительных способностей – это способность разрушать глобальные энергетические потоки. Люди без денег, с минимумом технологий способны делать это на всей протяженности никем не охраняемого нефтепровода.

Дэвис: Да, элементы этой стратегии уже налицо. Только в прошлом месяце была попытка подорвать с помощью машины

крупный нефтепровод в Саудовской Аравии, произошел также первый подрыв с помощью машины в дельте Нигера в Нигерии. Никто не пострадал, но, конечно, ставки были подняты.

TD: Вы заканчиваете «Планету трущоб» следующим комментарием: «Коль скоро империя может вводить в действие оруэлловские технологии репрессии, на стороне ее изгнанников – боги хаоса».

Дэвис: Хаос ведь не всегда во зло. Худший сценарий – это когда люди подавлены. Когда они живут в постоянной ссылке. Когда происходит скрытая сортировка человечества. Люди обречены на смерть и забвение, в том смысле, в котором мы забываем о жертвах ВИЧ-холокоста или проявляем равнодушие к голодающим.

Весь остальной мир явно нуждается в встряске, пока же беднота из трущоб экспериментирует с огромным разнообразием идеологий, платформ, способов извлекать пользу из хаоса – от почти апокалиптических атак на современность до авангардных попыток изобрести новые типы современности, новые виды социальных движений. Но одна из фундаментальных проблем состоит в следующем: когда такое большое количество людей борется за рабочие места и пространство, очевидным способом контролировать их остаются фигуры крестных отцов, главарей банд, этнических лидеров, действующих по принципу этнического, религиозного или расового исключения. Это приводит к появлению продолжительных, почти бесконечных войн между самими бедными. В одном и том же нищем городе вы обнаружите многообразие противоречивых тенденций: одни живут Святым духом, другие присоединяются к уличным бандам, вступают в радикальные общественные организации, попадают в лапы сектантов или политиков-популистов.

TD: И последнее замечание: вас часто воспринимают предвестником конца света, пророке неизбежной катастрофы, но почти во всем, что вы пишете, речь идет на самом деле лишь об ответственности человека за катастрофу, о том, как мы

отказываемся ладить с реальностью нашего мира. Поэтому, на мой взгляд, ваши работы всегда дают нечто полезное, а также надежду. В конце концов, если люди сами во всем виноваты, то очевидно, что они сами могут и изменить ситуацию, начать вести себя иначе.

Дэвис: Что ж, моя обязанность в том, чтобы максимально трезво и честно оценивать свои убеждения, идеи, которые я вынужден отделять от собственных исследований, наблюдений и своего ограниченного жизненного опыта. Но я не чувствую обязанности подслащать все это пилюлями так называемого оптимизма. Кто-то однажды обвинил «Экологию страха» в почти эротическом наслаждении апокалипсисом, и для меня это сигнал того, что книга либо плохо написана, либо плохо прочитана, поскольку, например, в главе о литературе апокалипсиса в Лос-Анджелесе я поясняю, что наслаждение апокалипсисом близко к своеобразному расистскому вуайеризму.

Но, в конце концов, важно помнить истинное значение апокалипсиса в авраамических религиях, которое состоит в том, что в конце времен, в конце истории раскрывается реальный текст истории, реальный нарратив, а не тот, что написан господствующими классами, писцами власти. Это история, написанная снизу. Вот почему я всегда всерьез интересовался религиями угнетенных, вот почему я уделяю большое внимание – и некоторые считают, что напрасно, – феноменам вроде пятидесятничества.

TD: Итак, наше коллективное будущее это скорее всего путь разрушения?

Дэвис: Город это наш ковчег, в котором мы можем пережить экологический хаос нового столетия. Подлинно современные города – наиболее экологически эффективная из доступных нам форм сосуществования с природой, обеспечивающая общественное богатство вместо частного и семейного потребления. Именно города могут дать кажущийся невозможным сегодня баланс между экологической устойчивостью и стандартами достойной жизни. Какой бы огромной ни была ваша библиотека или бассейн, они все равно будут меньше, чем Нью-йоркская публич-

ная библиотека или большой общественный бассейн. Ни частный особняк, ни какой-нибудь Сан-Симеон в Калифорнии никогда не станут Центральным парком или Бродвеем.

Одна из основных проблем, однако, состоит в следующем: мы строим города, лишённые городских качеств. Например, городами бедноты поглощаются естественные пространства и бассейны рек, которые необходимы для функционирования городов как экологических систем, для их экологической устойчивости, и поглощение это происходит как из-за разрушительных частных спекуляций, так и из-за всепроникающей нищеты. По всему миру жизненно важные водные артерии и зелёные пространства, которые необходимы городам, чтобы функционировать экологически и быть именно городами, урбанизируются нищетой и спекулятивным частным строительством. В результате городам бедноты все больше угрожают бедствия, пандемии и катастрофическая нехватка ресурсов, в частности, воды.

Напротив, самым важным шагом в приспособлении к глобальным экологическим изменениям было бы инвестирование, причем массированное, в социальную и физическую инфраструктуру городов, и тем самым в трудоустройство десятков миллионов молодых бедняков. Мы не должны недооценивать тот факт, что Джейн Джейкобс*, которая так четко поняла, что богатство наций порождается городами, а не нациями, посвятила свою последнюю пророческую книгу угрозе наступления тёмных времён.

Оригинал опубликован в журнале <http://www.tomdispatch.com/>

Перевод Александра Коземаслова и Никиты Миронова.

* Джейн Джейкобс (1916-2006) – канадско-американская писательница, активистка, теоретик городского планирования и одна из основоположниц движения нового урбанизма.

содержание /

Дон Макнейл

Майк Дэвис. Биографические заметки
и теоретический контекст /3

Страх и деньги в Дубае /17

Кто построит ковчег /43

Барон Осман в тропиках /68

Планета трущоб /75

Как превратить планету в трущобу

Интервью Майка Дэвиса интернет-журналу Tomdispatch /112

В СЕРИИ «МАРКСИЗМ В НАШИ ВРЕМЕНА»
СВОБОДНОГО МАРКСИСТСКОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА ВЫШЛИ И ГОТОВЯТСЯ КНИГИ:

Терри Иглтон. МАРКСИЗМ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Майк Дэвис. КТО ПОСТРОИТ КОВЧЕГ?

Михаэль Леви. ТЕОЛОГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Эрик Хобсбаум. ИЗОБРЕТЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

